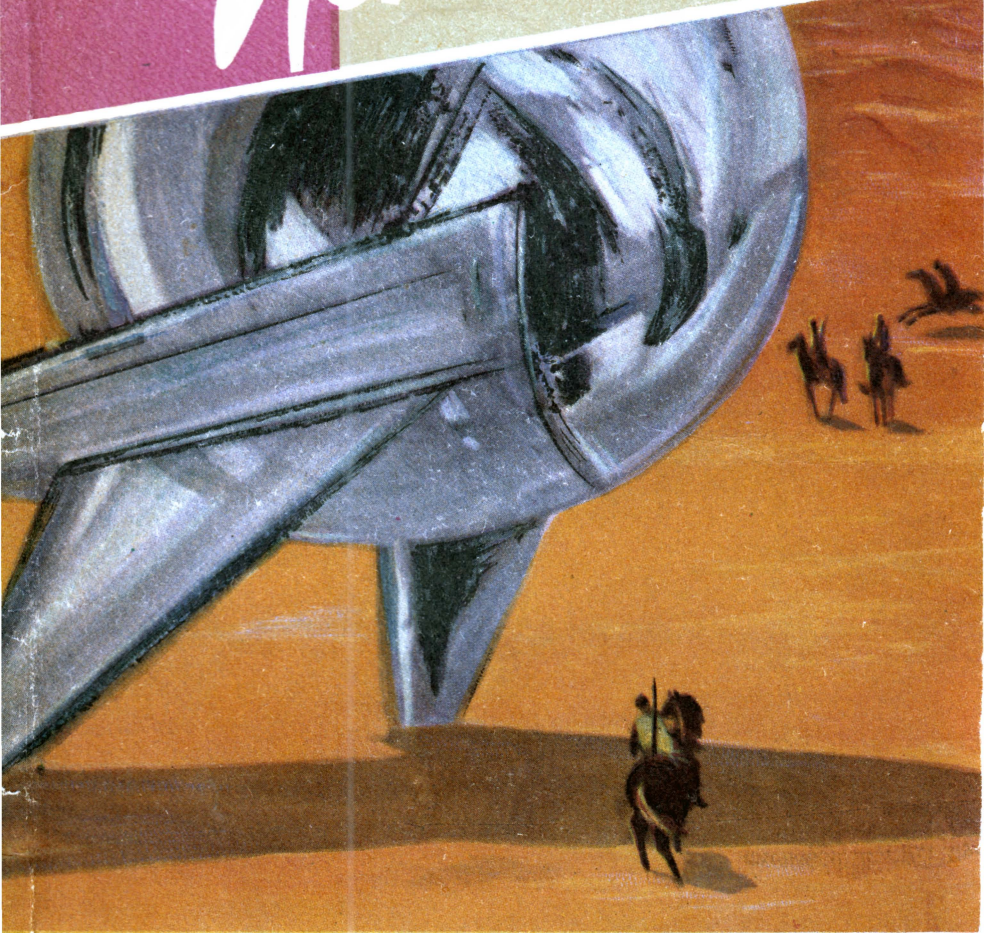

№ 4
1961

Искатель

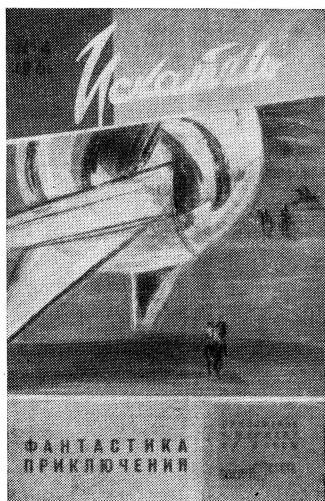

**ФАНТАСТИКА
ПРИКЛЮЧЕНИЯ**

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

В этом номере:
фантастический роман
молодого писателя
Бориса Худенко
«Здравствуй, сапиенс!»

Путь
в космос
проложен!

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

**«ВЫ ПОЛЕТИТЕ
НА ПЛАНЕТЫ НАШЕЙ
СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЫ»**

**Юрий Гагарин—
читателям «Искателя»**

**ЧЕЛОВЕК В КОСМОСЕ
РАССКАЗЫВАЕТ
АКАДЕМИК ПАРИН**

**Люди на планете Теллус
Начало фантастического
романа Ф. Карсана**

**Ток без проводов?
Из энергетики
будущего**

Поединок с коброй

БЛУЖДАЮЩАЯ ЧАСТОТА

**ПАРОДИЯ: ПОВЕСТЬ
О ВЕЛИКОМ СЫЩИКЕ**

БОРИС ХУДЕНКО

Здравствуй, Сапиенс!

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

НЕСЛЫШАНАЯ МУЗЫКА

Альфа Лебеда исчезла...

— В чем дело? — сердито спросил Николай Павлович, обернувшись к ассистенту, который готовил аппаратуру к наблюдениям.

— Тоже не видите? — обрадованно и вместе с тем испуганно отозвался тот.

Николай Павлович несколько секунд смотрел на его растерянное лицо, потом снова взглянул в окуляр.

Вспомнилось, как однажды его повергла в смятение фотография спектра, который просто тем, что существует, подчеркивал все физические теории. А потом оказалось, что ассистент по ошибке зарядил кассету не той пленкой.

Но нет. Телескоп направлен в созвездие Лебеда, вон оно сияет... И все-таки самой яркой из его звезд, той, которую еще астрономы древности называли звучным именем Денеб, не видно.

Николай Павлович с неудовольствием почувствовал, что растерялся под недоумевающим взглядом своего помощника. Обычно каждое затруднение в исследовательской работе сразу рождало у него несколько гипотез, пусть даже неле-

Рисунки Ю. МОЛОКАНОВА

пых и несуразных. На смену отвергнутым предположениям приходили новые, пока, наконец, мысль не находила ту единственную гипотезу, отвергнуть которую уже не удавалось. Сейчас такой гипотезы не было.

Не предполагать же, что гигант Денеб исчез...

Николай Павлович еще раз посмотрел в телескоп.

Денеб сиял, как и вчера, и позавчера, как тысячи лет до этого, на своем законном месте, в созвездии Лебедя.

Николай Павлович внимательно присмотрелся к хорошо знакомой картине звезд. Да, Денеб был на месте, но теперь потухла маленькая звездочка слева.

Через несколько минут она снова вспыхнула, но вскоре погасла ее соседка слева.

— Оно перемещается, — сказал Николай Павлович, откидываясь на спинку сиденья.

— Что перемещается? — быстро спросил техник.

— Ну, это... пятно среди звезд. Оно определенно перемещается, — медленно повторил Николай Павлович.

Он давно пережил прекрасное время юности, когда так хорошо мечтается о неожиданных и ярких открытиях, подобных открытиям Коперника или Галилея. Наука требовала повседневной работы. Малейшая задержка сейчас

раздражала его. Серия исследований тонкой структуры спектра белых звезд успешно приближалась к концу. Но вместе с тем катастрофически быстро кончался и срок их пребывания здесь, в Крымской обсерватории. Через неделю надо возвращаться в Москву, к студентам. Обидно будет уезжать, не обеспечив себя исчерпывающе полным экспериментальным материалом.

Так стоит ли сейчас бить в барабаны по поводу непонятного мерцания звезд? В конце концов все это может оказаться случайным атмосферным явлением, не имеющим никакого отношения к астрофизике. Не разумнее ли спокойно продолжать намеченные на сегодня исследования спектра?

И сразу же все в нем возмутилось этой старческой трезвостью рассудка. Он навсегда потерял бы уважение к себе, если бы не попытался сейчас понять, что происходит перед объективом телескопа.

— Сделайте снимки этой области, — решительно сказал он ассистенту. — Фотографируйте через каждые пять секунд в течение получаса. Используйте пленку максимальной чувствительности. Я запишу наблюдения и свяжусь с другими обсерваториями. Пленку немедленно проявите и покажите мне.

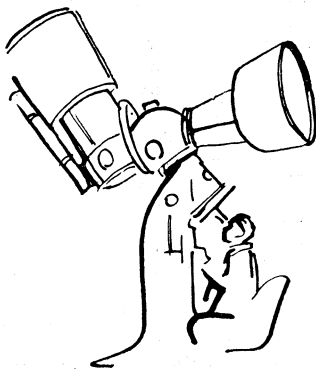
Через час Николай Павлович сосредоточенно просматривал пленку. Черные пятнышки звезд на негативе последовательно одно за другим исчезали и вновь появлялись. Трасса этого мерцания представляла собой плавную кривую.

На одном из негативов Николай Павлович обнаружил в районе пятна небольшой метеор. Проследив на следующих кадрах его траекторию, он положил пленку на стол и надолго задумался.

Траектория метеора в области пятна резко искривилась! Его как будто отбросило в сторону. Николай Павлович нахмурился.

Ну, хорошо, пусть эта штука, закрывающая свет звезд, почему-то не отражает солнечные лучи, не обнаруживает себя. Это невероятно, однако допустим, что это факт. Но должна же она быть материальна, иметь массу! Даже луч света имеет массу. А массы притягиваются! Метеор мог отклониться только по направлению к пятну, но ни в коем случае не от него!

Внезапно им овладело сильнейшее беспокойство, даже тревога. Николай Павлович удивился: неужели он становится под старость таким впечатлительным? Но волнение не проходило.

И оно порождалось не мыслями о пятне и метеорах. Это было очень странное ощущение, будто какой-то призыв, непонятный, неясный, — призыв не мыслям, а непосредственно его воле, желаниям. Он требовал каких-то действий, заставлял куда-то идти. Но каких? Куда?

Николай Павлович стиснул на столе руки и закрыл глаза. Призыв или приказ вливался в него как неслышная музыка, наполняя тревогой и беспокойством, будоража сознание, повелевая как-то реагировать, отвечать словами, действием, как-нибудь, только не сидеть сложа руки, закрыв глаза. Он постарался успокоить себя. Просто устал... Непонятные явления в небе... Непонятное всегда вызывает тревогу.

Николай Павлович открыл глаза, посмотрел на снимки. Никакого беспокойства не было больше ни в нем, ни вокруг. Все было нормально, привычно.

Он оглянулся.

В открытой двери стоял ассистент и в недоумении оглядывал комнату. Его лицо выражало растерянность и удивление.

— Что это? — шепотом спросил он. — И с вами тоже?

Николай Павлович пожал плечами.

— Вам телефонограмма из Москвы, — сообщил ассистент.

Президент Академии наук срочно вызывал ученого в Москву с результатами наблюдений сегодняшней ночи.

КОСМИЧЕСКАЯ НЕИЗВЕСТНОСТЬ

Просторный кабинет председателя правительственной комиссии постепенно наполнялся людьми.

Сергей Борисович, хозяин кабинета, стоя у стола, крепко поймал каждому вошедшему руку и широким, радушным жестом предлагал занять кресло.

Николай Павлович сел у окна.

Неожиданно в кабинет вместе с референтом и незнакомым пожилым человеком вошел его зять, Виктор, со свертком чертежей в руке. Увидев Николая Павловича, он обрадованно шагнул навстречу, не замечая разделявшего их стола. Николай Павлович улыбнулся ему. И Виктор заспешил за своим начальником, который уже разговаривал с председателем комиссии. Николая Павловича обрадовало появление Виктора. Уже одно то, что он приглашен на встречу виднейших конструкторов ракетной техники с учеными, кое о чем говорило. Но, может быть, Виктор здесь лишь для того, чтобы носить за своим начальником чертежи?

О существовании этого молодого человека он впервые узнал, когда Лена, подвернув ногу на лыжной прогулке, несколько дней провела в постели. Николай Павлович с изумлением наблюдал за дочерью. Она довольно равнодушно, даже насмешливо относилась к своим поклонникам. А теперь... теперь у нее радостным ожиданием загорались

глаза при каждом телефонном звонке парня, который донес ее тогда до станции.

Как только Лена поправилась, Николай Павлович попросил познакомить его с этим счастливецем.

Виктор вошел, высокий, широкоплечий, немного неуклюжий, явно смущенный своим вторжением в квартиру знаменитого академика. Он, вообще говоря, понравился Николаю Павловичу, но... уж очень он был прост! Все в нем было ясно, открыто, доверчиво, прямо... Слишком уж прямо! Это могло означать либо необыкновенную душевную чистоту и силу, либо... некоторую ограниченность. Лена, видимо, лучше разобралась в характере Виктора... Но он так и не смог до конца принять сердцем их женитьбу.

Когда Виктор кончил аспирантуру в Институте ракетной техники, они с Леной уехали в Сибирь. Теперь у них подрастал сынок Мишутка, ни разу не виденный им внук...

Николай Павлович разглядывал зятя.

Виктор возмужал за эти годы, и вместе с тем черты его лица стали тоньше, одухотвореннее.

Начальник Виктора все еще о чем-то вполголоса говорил с председателем комиссии. Иногда председатель обращался и к Виктору. Значит, он был здесь не просто в роли адъютанта.

— Не будем терять времени, товарищи, — сказал Сергей Борисович, взглянув на часы.

Тихий говор смолк. Все повернулись к председателю.

— Академик Морозов, — сказал председатель, — ознакомит вас с фактическими данными.

Николай Павлович хотел было подняться, но сидеть в мягком кресле было так удобно и он так устал, что, махнув на все рукой, заговорил буднично, не спеша:

— Мерцание звезд происходит теперь по замкнутой, почти круговой траектории вокруг Земли на высоте около четырех тысяч километров. Радиолокационное зондирование в направлении потухающих звезд никакого препятствия не обнаружило. Не дало результатов и фотографирование на самую чувствительную пленку, хотя любое физическое тело должно отражать в какой-то степени солнечные лучи и быть видимым по крайней мере на снимках. Перемещение «Неизвестности» сопровождается значительными возмущениями магнитного поля Земли. Вычисления показывают, что для того, чтобы вызвать отмеченное приборами отклонение света звезд, «Неизвестность» должна обладать массой, значительно большей, чем масса... Солнца. И еще одно интересное обстоятельство. Встречные метеоры не притягиваются, а отклоняются от нее. Следовательно, «Неизвестность» обладает и обычной, положительной, и одновременно отрицательной массой. Таковы факты...

— Какие предположения все же можно сделать о физической природе этого явления? — спросил председатель.

— На Западе кое-кто уверяет, что это шутка господ бога, — ответил, улыбаясь, Николай Павлович. — Ученым предстоит найти более совершенную гипотезу. Однако выводы сейчас делать рано.

— Может это быть космическим кораблем? — прямо спросил Сергей Борисович.

— Как и любое другое физическое тело, корабль должен отражать световые лучи, быть видимым, — осторожно ответил Николай Павлович. — Если это корабль, то его физическая природа по меньшей мере весьма своеобразна. С другой стороны... Любое космическое тело, захваченное полем тяготения Земли, будет двигаться по эллиптической, а не по круговой траектории. И еще — отталкивание метеоров... Короче — необходимы дополнительные исследования. Те факты, которые имеются в нашем распоряжении, очень ограничены и противоречивы.

— Какие мероприятия могли бы помочь вам?

Николай Павлович окинул взглядом настороженные, внимательные лица участников совещания и встретился с глазами Виктора. Они просили, умоляли... Неужели он до сих пор мечтает о полете в космос?

— Туда необходимо послать приборы, — решительно сказал Николай Павлович. — Очевидно, много приборов, так как программа исследований поневоле должна быть обширной, всесторонней. Может быть, придется послать не один аппарат и не два... Это надо сделать немедленно. На Западе паника. Версия о божественной шутке — наиболее безобидный вариант запугивания. Газеты и радио кричат о космической агрессии, о войне миров, о необыкновенном психологическом оружии, будто бы примененном таинственными пришельцами. Действительно, два дня назад что-то вроде гипноза испытывали многие. Сейчас это прекратилось. Нужен спокойный, трезвый учет всех обстоятельств. Впрочем, уверять, что это неведомое явление ничем нам не грозит, было бы тоже несерьезно. Неизвестность всегда таит в себе угрозу.

Председатель удовлетворенно кивнул и, немного помедлив, спросил:

— Что скажете, товарищи конструкторы?

Все взоры сразу скрестились на академике Дорошенко. В последние годы Дорошенко получил всеобщее признание как один из ведущих конструкторов космических кораблей.

Сейчас он сидел молча, собирая в складки зеленую скатерть на столе и вновь разглаживая ее ладонью. Его сухое, худощавое лицо было спокойно.

— Мы думали об этом, Сергей Борисович, — сказал он, наконец, не поднимая глаз. — Мы можем послать туда приборы. Можем обеспечить возвращение всей информации, собранной ими, на Землю. Такие задачи успешно решаются нашими автоматическими космическими станциями. Но!.. — Дорошенко решительно пристукнул складку и взглянул на председателя. — Но аппарат должен совершать в космосе сложные эволюции. Ему придется, наверняка придется приблизиться к этому пятну, догнать его, остановиться, обойти вокруг. Иначе говоря, лететь должен корабль, управляемый в полете, с достаточно мощным двигателем и большим запасом горючего. — Дорошенко снова опустил глаза и замолчал. Потом негромко продолжал: — У нас есть проект

такого аппарата. Он рассчитан на управление пилотом. Но вес велик — на такую высоту ракеты не смогут забросить его. Следовательно, — теперь он смотрел в упор на Николая Павловича, — нужна новая, более мощная ракета. Для ее создания, — он перевел взгляд на председателя и негромко закончил: — потребуется месяцев восемь. По меньшей мере полгода...

Председатель внимательно посмотрел на Дорошенко. Повидимому, все, что сказал сейчас генеральный конструктор, он знал и надеялся услышать что-то еще. Наступила тишина.

Николаю Павловичу стало не по себе. Молчание, опущенные глаза, бессилие этих людей — ведь это означало сейчас бессилие всего человечества.

Полгода!..

Какой сюрприз готовил космос людям завтра, может быть, в следующую минуту?

«РАЗРЕШИТЕ МНЕ!..»

— Разрешите мне!.. — переглянувшись со своим начальником, неожиданно прервал молчание Виктор. — Конструировать заново ракету не обязательно. Ведь сейчас речь идет о выведении далеко в космос ракеты с тяжелым кораблем на борту. Значит, можно применить те средства, разработку которых мы заканчиваем у себя в институте.

— Вы имеете в виду дополнительные пороховые двигатели? — спросил Дорошенко. — Несколько лет назад я, помнится, читал одну весьма оригинальную статью по этому вопросу.

— Это моя статья, — быстро сказал Виктор. — Вопрос о разгонах ракет с большими грузами рассматривался в моей кандидатской диссертации.

— Но техника пошла по другому пути, — сказал Дорошенко. — Мы стараемся делать разгон более плавным, чтобы его легче переносил человек. Поэтому наши полеты, начиная с первого — с полета Гагарина, — проходят успешно.

— В нашем институте, — возразил Виктор, — проводились исследования по отработке стартовых ускорителей. Последний вариант, я считаю, позволяет рискнуть.

— Надо подробнее ознакомиться с проектом, — предложил Дорошенко и даже положил оба локтя на стол, ожидая.

Виктор принялся развешивать чертежи. Потом быстро и горячо заговорил о конструкции, регулировании двигателя, скоростях, графиках их изменения. Виктора забросали вопросами. За стремительностью его ответов чувствовалась серьезная научная разработка проблемы.

Теперь все снова повернулись к Дорошенко. Генеральный конструктор сидел, сосредоточенно потирая лоб.

— Ну?! — совершенно по-домашнему воскликнул председатель.

Дорошенко посмотрел на него, широко и смущенно улыбнулся, развел руками и стал похож на старого хитрого заporожца, которого строгая жинка застала за чаркой горилки.

— Сдаюсь! — сказал он. — Це ж не хлопец, а фейерверк! Ратуйте, добры люди! Бьют нас сибиряки!.. Во всяком случае, приборы выдержат эти ускорения. И если послать управляемый с Земли корабль без человека, вопрос можно считать решенным.

— У меня есть еще предложение, — сказал Виктор.

— Ого!.. — воскликнул Дорошенко.

— К «Неизвестности» должен лететь человек! — заторопился Виктор, боясь, что его перебьют. — Тогда все главное можно узнать быстро. И надежнее, полнее, чем это делают любые приборы. А медлить нельзя! Николай Павлович говорил уже...

— Ну-ну, без паники! — предупредил председатель.

— Это не паника, Сергей Борисович! — горячо воскликнул Виктор. — «Неизвестность»!.. Что может быть хуже вот такой неизвестности? Я понимаю, что это рискованно! Но это же нельзя ставить рядом: один человек и — все люди, Сергей Борисович! Как же в войну разведчики уходили в тыл к врагу? И командование посылало... Посылало людей, хотя у армии и тогда уже была инструментальная разведка...

— Ну, то в войну!.. — проворчал председатель.

— А кто сказал, что это не война? — вызывающе спросил Виктор.

«Какой задира!» — с удовольствием и тревогой подумал Николай Павлович и скосил глаза на председателя. Но Сергей Борисович явно не собирався спорить.

— Ну, хорошо, хорошо... — примирительно сказал председатель. — Я сообщу ваше мнение в Центральный Комитет. У вас все?

— Нет, Сергей Борисович! — Виктор секунду помедлил, и Николай Павлович затаил дыхание. — Разрешите мне... Разрешите лететь мне!

— Я сказал, что этот вопрос будет решаться не мною, — недовольно повторил председатель, но, видно не удержавшись, слегка усмехнулся, покачал головой и обратился к Дорошенко: — Что скажете, товарищ генеральный конструктор?

— Что скажу? — переспросил Дорошенко. — Что говорить? Стар я уже, Сергей Борисович! — вздохнув, признался он и тут же упрямо добавил: — А был бы помоложе, тоже попросился бы!

— А как думают остальные?

Конструкторы молчали. Виктор был не только самым молодым из них, он имел вторую профессию — космонавта.

— Ну, хорошо! — согласился председатель. — Значит, договорились принять предложение сибиряков за основу?

— Да, да! — восторженно воскликнул Дорошенко. — Пусть они

делают первую ступень. Остальное все — наше! У нас и проект космолета готов.

— Пилотируемый вариант! — подчеркнул председатель и сразу же обратился к Виктору: — Сколько вам нужно времени?

Тот вопросительно взглянул на своего начальника и сел.

— Проект разработан достаточно хорошо, — медленно сказал пожилой конструктор. — Детализовка... Доводка... Месяца два!

— Месяц! — решительно потребовал Сергей Борисович.

Начальник посмотрел на Виктора. Тот с умоляющим видом пошевелил губами. «Архип Степанович», — расслышал Морозов.

— Хорошо... — сердито буркнул Архип Степанович и сразу же заторопился: — Штаты конструкторов и производственников нам необходимо удвоить. Даже утроить! Будут работать посменно...

— Договорились! — согласился председатель. — Вам, товарищ Дорошенко, поручим срочно запустить в район пятна искусственный спутник с телевизионной камерой.

— Три недели... — буркнул Дорошенко.

— В проект решения — три недели! — коротко бросил председатель референту. — Еще замечания есть? Нет? Тогда вас, товарищи, — он взглянул на Виктора и Архипа Степановича, — прошу задержаться. Остальные свободны.

Поднявшись с кресла, Николай Павлович немного помедлил, но Виктор и Архип Степанович направились к председателю.

— Вы регулярно занимаетесь полетами? — спросил Сергей Борисович Виктора. — Я имею в виду авиацию.

— Да, достаточно регулярно, — сдержанно ответил Виктор, потом с подкупающей откровенностью добавил: — Я люблю полеты. Подъемов в космос у меня было всего два, но я продолжаю специальную тренировку для космонавтов.

— А здоровье?

— Жена говорит, что по мне можно проверять приборы, которыми измеряют давление крови. Она у меня медик.

— Спортом занимаетесь?

— Немножко боксом.

Брови председателя взлетели вверх.

— Почему же боксом?... Или думаете, придется с марсианами драться?

— Нет, — засмеялся Виктор. — Просто много читал о войне. Ну, и хотелось, конечно, быть разведчиком. В институте пригласили в секцию бокса. Так вот и остался драчуном.

— Чемпион города, — сказал Архип Степанович.

Николая Павловича неприятно кольнуло чувство, похожее на ревность. В реплике начальника Виктора прозвучала неприкрытая отцовская гордость. Впрочем, Лена ведь писала, что главный конструктор — приемный отец Виктора или что-то в этом роде.

Бесцельное топтание у кресла становилось смешным,

а Виктор мог задержаться надолго. Николай Павлович по-
дошел к нему, слегка коснулся руки. Виктор оглянулся.

— Будь осторожен, Виктор! — волнуясь, сказал Николай Павлович. — Не горячись. За человечеством людей не забывай... Обдумай все! Ты зайдешь к нам сегодня?

— Да, Николай Павлович... Обязательно! — растерянно сказал Виктор.

И Николай Павлович вспомнил, что никогда прежде не обращался к зятю на «ты»...

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

В ту ночь в обсерваторию Николая Павловича пришел председатель правительственной комиссии. Вечером в район «Неизвестности» запустили искусственный спутник с телекамерой. Сергей Борисович хотел получить сведения о нем, так сказать, из первоисточников. Сергей Борисович устроился у контрольного приемника станций, которая вела прием сигналов телевизионной камеры спутника. Николай Павлович придвинулся к окуляру телескопа.

— Услуга за услугу, — пошутил он. — Я вам сообщаю, что видно в телескоп, вы мне — что показывает телекамера.

— Договорились, — согласился Сергей Борисович.

Спутник уже вышел на последний виток своей траектории. Вот-вот он должен был встретиться с «Неизвестностью». Николай Павлович не отрывался от окуляра. Механизмы автоматически держали поочередно меркнувшие звезды в поле наблюдения, непрерывно и плавно поворачивая телескоп.

— Да, да... вижу... — услышал он голос Сергея Борисовича. — Видимость на экране прекрасная, — добавил он для Николая Павловича. — Хорошо видно среди звезд и черное пятно довольно крупных размеров.

Крупная звездочка спутника показалась в поле зрения телескопа. Николай Павлович ощутил знакомое спокойствие, приходящее в напряженные минуты наблюдений, на повторение которых рассчитывать не приходилось. Главное сейчас было не пропустить момент наибольшего их сближения. Спутник, как и метеоры, будет отброшен в сторону, но важно — как! Возможно, это силы, имеющие характер гравитационного поля, но с отрицательным знаком. Не исключена возможность и принципиально другого характера взаимодействия. От этого пятна всего можно ожидать! Прохождение мимо него спутника с довольно значительной и точно известной массой должно окончательно решить этот вопрос. Потом он, конечно, проверит все с исчерпывающей точностью на снимках, но сейчас нужно было увидеть общую картину.

Яркая звездочка медленно приближалась к центру поля наблюдения.

— На экране значительные помехи, — сказал Сергей Борисович. — Очень значительные. — Он помолчал, затем

сообщил: — Только — помехи. Совсем ничего не видно, кроме помех. Что у вас, Николай Павлович?

— Сближаются... — успел только сказать Николай Павлович и больше ничего не смог произнести, ошеломленный неожиданностью.

Звездочка спутника стала плавно уходить со своей траектории. Но она отклонялась к пятну! Не от него, как все метеоры до этого, а к нему... И это явно не было простым притяжением масс! Что-то другое, непонятное происходило сейчас наверху... Светящаяся точка ринулась было туда, к «Неизвестности», потом словно испугалась, замедлила движение, остановилась... Там вспыхнула слабая зеленоватая искорка. Свечение было отчетливо видно секунду, другую, третью... Ровное, немерцающее, спокойное... И все исчезло... Ни зеленоватого свечения, ни летящей звездочки уже не было. Ничего!..

— Экран пуст, — изменившимся, напряженным голосом сказал Сергей Борисович. — Ни сигналов, ни помех станция не принимает.

— Спутника больше нет, — торопливо отозвался Николай Павлович.

Автоматы плавно поворачивали телескоп. Николай Павлович еще долго смотрел, как далекие звезды, набегая на пятно, меркли, исчезали, потом, словно освобожденные от плена, радостно вспыхивали вновь. Но спутник исчез безвозвратно.

— «Неизвестность» упряма, — сказал Николай Павлович, вставая. — Она явно не хочет, Сергей Борисович, чтобы мы познали ее. Пятно сожрало наш единственный глаз. Мы снова слепы.

Он коротко рассказал о том, что удалось увидеть.

— Когда мы можем посмотреть снимки? — спросил председатель.

— Через полчаса будут готовы.

Но ни снимки, ни сообщения других обсерваторий не открыли ничего принципиально нового.

Председатель подолгу рассматривал каждый снимок, а Николай Павлович думал о Лене и Викторе.

Виктор отдыхал с Леной и Мишуткой в Ялте.

«Неизвестность» словно предупредила, что шутить с ней опасно. Виктор умчится туда, и, возможно, снова лишь зеленая искорка известит людей о том, что он долетел, что его больше нет. А звезды будут по-прежнему радостно вспыхивать, освобождаясь от плена...

— Я буду настаивать, чтобы задержали полет с наблюдателем, — быстро сказал Николай Павлович. — Как видите, все это очень опасно!

Сергей Борисович отложил снимки в сторону.

— Поэтому, Николай Павлович, профессия разведчика и была во все времена у всех народов почетной, — негромко, но твердо сказал он.

— Не могли бы вы в таком случае помочь мне немедленно улететь в Крым? — спросил Николай Павлович.

— Вас доставят туда специальным самолетом.

* * *

Дни, последовавшие за памятным совещанием, показались Виктору продолжением удивительной сказки. Необычайными были события, и люди вдруг стали богатырями. Конструкторы в белых халатах, чертежники, рабочие — они же сотворили чудо, соорудив ракету в такой небывало короткий срок!..

Море длинными грядками волн набегало на раскаленную белую гальку и снова откатывалось, убаюкивая размеренным рокотом. Теплый ветерок ласковыми порывами освежал лицо. Сухо шурша, покачивались веера пальм.

Ялтинский пляж, сверкая яркими красками, сонно и широко раскинулся на берегу.

Виктор и Мишутка, болтая ногами, лежали на горячих камнях. Рядом в шезлонге, укрыв лицо мохнатым полотенцем, дремала Лена.

Прошло уже пять дней с тех пор, как Виктора буквально вытолкнули в Ялту — отдыхать перед полетом. Сначала покой и тишина, которые царили здесь, показались ему невыносимыми.

Где-то там, далеко отсюда, подходила к концу сборка ракеты и космолета. Сейчас, именно сейчас первую ступень монтировали на стартовом устройстве. И монтаж проходил без него!

Виктор знал, что прошлой ночью была запущена автоматическая станция Дорошенко с телевизионной камерой. Но результаты были ему неизвестны.

Он ничего не знал, ни в чем не участвовал! Он отдыхал!

Это было обидно, как незаслуженное наказание. Но он смирился.

Мишутке наскучило лежать, и он побрел искать развлечений.

Виктор приподнялся на локтях, разыскивая его среди отдыхающих. Мишутка невдалеке что-то соорудил из плоских, как плитки, галек. За его головенкой Виктор увидел большую, сутулую фигуру человека в таком нелепом здесь плаще, в шляпе, надвинутой на глаза, с тяжелой палкой в руках.

И вдруг расслышал:

— Кленов! Виктор Петрович!

У румяной после сна Лены округлились глаза.

— Папа!.. — звонко крикнула она и, вскочив на ноги, стремительно понеслась вдоль берега.

Виктор тоже узнал Николая Павловича. Схватив Мишутку за руку, он поспешил за Леной.

Она, обняв отца, то прижималась лицом к его груди, то заглядывала ему в глаза, улыбалась и торопливо спрашивала:

— Папка, милый... К нам?.. К Виктору?..

А он, целуя и лаская ее, все просил:

— Ну, успокойся... Успокойся... Конечно, к вам... Успокойся.

Виктор остановился в двух шагах от них. Мишутка молчал, сосредоточенно рассматривая мать и деда.

Николай Павлович крепко пожал Виктору руку и потянулся к Мишутке:

— Внучок!..

Но Мишутка, не теряя достоинства, все же быстро спрятался за Виктора. Сегодня он видел деда впервые.

— Что случилось, папа? — тревожно спросила Лена.

— Ничего, дочка, ничего, — торопливо ответил Николай Павлович, огорченно взглянув на Мишутку. — Ты извини, я очень тороплюсь, а разговор у нас будет не... не совсем... для женщин... Ты не сердись, пожалуйста. Мы сможем где-нибудь поговорить, Виктор? — спросил он, недовольно взглянув на толпу отдыхающих.

Виктор поспешил отвести его на тенистую терраску, совершенно безлюдную сейчас.

Он заметил, что Николай Павлович очень встревожен.

Николай Павлович бросил шляпу и плащ на перила, сел в плетеное кресло:

— Сегодня ночью автоматическая станция стартовала...

Он подробно стал описывать Виктору все, что произошло ночью. Потом передохнул, как будто собираясь с силами, и громко закончил:

— Спутник исчез! Растворился. Растаял!..

— Это корабли! Космический корабль! — воскликнул Виктор.

Николай Павлович сердито взглянул на него.

— Для ответа на этот вопрос тебя, кажется, и посылают туда! — Его нахмуренные брови неожиданно разошлись, взгляд потеплел, лицо стало мягким, просящим. — Я поспешил к тебе. Сборка основной ракеты заканчивается. — Он опустил голову и тихо сказал: — Подумай еще раз, Витя... Сергей Борисович просил предупредить тебя обо всем...

Виктор отвернулся и решительно ответил:

— Я буду настаивать на немедленном старте. Именно теперь этот полет стал необходим, как никогда!

Николай Павлович вздохнул и поднял голову.

— Хорошо... — с трудом сказал он. — Мне кажется, Лену и Мишутку надо отправить к нам, в Москву. Вам все равно в эти последние дни, очевидно, не удастся быть вместе. Все же они будут не одни.

— Вы правы... — согласился Виктор.

— А теперь позови, пожалуйста, Лену. Мы немедленно вылетим.

Виктор сошел с терраски и в недоумении огляделся вокруг.

Солнечными дрожащими пятнами сверкало море. Загорелые волейболисты гонялись за мячом. Веселой струйкой лился фонтанчик пресной воды. Стройная девушка покупала мороженое.

На этом горячем солнечном пляже трудно было представить себе, что на свете есть что-то непонятное, мрачное и опасное. И сразу все, чем угрожал космос и его будущий

полет, показалось Виктору совершенно невозможным, нереальным. Он даже испугался этого чувства.

Подбежала встревоженная Лена:

— Вик, милый, что?..

Он засмеялся и, обняв ее, увлек от терраски.

— Все будет хорошо, Ленточка! Поговори с отцом. Я тоже полечу с вами. Но только... Когда поговоришь с ним, приходите на берег. Мы заплывем с тобой далеко-далеко и будем целый час качаться на волнах в открытом море. Вдвоем!.. А потом уже — на самолет! Хорошо?

Она молча кивнула, не спуская с него тревожного взгляда.

ЗЕЛЕНЕЕ СВЕЧЕНИЕ

Напряженный голос в наушниках сказал:

— До старта осталось тридцать секунд!

Виктор поправил руками гермошлем и удобнее расположился на сиденье. Он даже не волновался. Только внутри все ныло от тягостного ожидания. Автоматы без его участия выведут космолет на орбиту. Он будет пока лишь пассажиром.

— Двадцать секунд!..

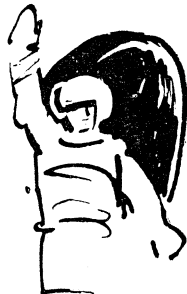
Он сам видел это по вздрагивающей, непреклонно движущейся стрелке. Но связь с людьми, которые остались за стенками ракеты, сейчас ободряла, не оставляя места чувству одиночества.

— Десять секунд!..

Стрелка перескакивает последние деления:

— Пять секунд!.. Счастливо возвратиться! Старт!!!

Дикое, невероятно громкое шипение пороховых двигателей оглушило его. Сиденье ударило сзади, пытаясь сбросить вперед, но не бросало, а все сильнее прижимало, давило... Кисти рук налились кровью, стали тяжелыми, в шейных позвонках появилась ноющая боль, хотелось удобнее положить голову, но он знал, что двигаться сейчас нельзя. Боль в позвоночнике еще усилилась, но страха не было. Чувств вообще не было. Осталась только невероятная давящая тяжесть и шипение выбрасываемых струй, оглушающее, пронизывающее все тело... Все это он испытывал уже не раз... И несколько лет назад, проходя специальную подготовку для космонавтов... И недавно — снова... Тренажеры... Центрифуги... Вибростенды... Но нагрузка на этот раз была больше. Неожиданно он уловил, что мучительное шипение перешло в свист. Это включилась первая ступень. Потом свист сменился тяжелым грохотом основных ракетных двигателей. Начала работать вторая ступень. Она работала долго, томительно долго... Потом все дрогнуло, и грохот скачком

переместился еще ближе, навис над головой... Работала третья ступень. Она грохотала, давила, и не было сил взглянуть на хронометр.

И вдруг — ничего... Совсем ничего: ни тяжести, ни мучительного ожидания. Он только почувствовал, что падает. В глубокой мертвой тишине и он, и кресло, и космолет падали вниз, стремительно неслись в пропасть. Он хорошо знал это ощущение по затяжным прыжкам с парашютом... Внизу тысячи километров пустоты! И он проваливался в нее. Дыхание перехватило, но он сразу понял: космолет вышел на орбиту! Начался свободный полет, лишенный тяжести. Это было падение, но падение по рассчитанной орбите, падение вокруг Земли!

И дыхание и сердце все еще работали учащенно, рывками, но Виктор упрямо твердил себе: «Не падаю, а лечу, лечу, лечу!..» Понемногу он успокоился и взглянул в иллюминатор. По черному стеклу медленно ползли россыпи звезд, все с одинаковой скоростью, в одном направлении. Они не мерцали. Такими они бывают лишь в Сибири в очень морозную ночь. Виктор подумал о мертвом холоде, от которого его отделяла лишь тонкая стенка. Его охватило чувство одиночества.

Он быстро включил микрофон. Рука была удивительно легкой, движения неощутимыми, как во сне.

— Внимание! — сказал Виктор неожиданно хриплым, чужим голосом, кашлянул и еще раз сказал: — Внимание! Говорит Кленов...

Он улыбнулся, вспомнив, что миллионы людей услышали сейчас его голос. Услышала и Лена. Может быть, и Мишутка слушает. Он четко произнес:

— Космолет на орбите. Ненормальностей в полете нет. Самочувствие хорошее. Самочувствие хорошее. Перехожу на прием.

В уши ударили свист, завывания и шумы. И голос. Человеческий голос:

— Как чувствуешь себя? Повтори — как чувствуешь? Как чувствуешь? Прием.

Виктор узнал капитана Никитина, летчика-космонавта, который вслед за майором Мамедовым недавно повторил облет Луны. Их кандидатуры вместе с десятками кандидатов других космонавтов обсуждались в те дни, когда решался вопрос, кому доверить полет на этот раз.

Никитин и Мамедов стали потом самыми придиристыми его тренерами. Никитин, видимо, и сейчас не снимал с Виктора своей опеки.

— Хорошо чувствую! Хорошо! — улыбаясь, крикнул Виктор.

И снова голос Никитина загремел в наушниках:

— Ты отдыхай! Слышишь? Отдыхай! Не думай. Не чувствуй. Отдыхай. Дыши глубоко. Можешь увеличить содержание кислорода. Мы тебе по запасному каналу музыку дадим. Музыку слушай! Что тебе завести?

— Нашу... Ту, что на полигоне пели, — про жизнь...

— Понял! Сейчас спрошу... Минутку... Есть!

Виктор немного увеличил содержание кислорода в воздухе, поступающем в скафандр, расслабил тело. В наушниках зазвучал сильный мужской голос:

Я люблю тебя жизнь,
Что само по себе и не ново...

Виктор снова посмотрел в черный иллюминатор. Звезды все так же медленно ползли по стеклу. Очень медленно и скучно. И Виктору вдруг захотелось, чтобы космолет поскорее вырвался на освещенную солнцем сторону Земли. Увидеть материки и океаны... Голубую дымку Земли... Цветной ореол вокруг нее, о котором с таким восторгом говорил каждый, кто возвращался из космоса...

Через час космолет должен был встретиться с «Неизвестностью».

* * *

Мама и бабушка сидели перед приемником. Лица у них были неподвижные и бледные. Приемник тихо гудел. Мишутке казалось, что они его боятся.

Он тихонько подошел к маме и тронул ее за руку. Она вздрогнула, быстро взглянула на него и молча прижала его голову к себе.

В это время приемник сказал знакомым голосом:

— Пятно быстро приближается. Оно занимает теперь почти все поле иллюминатора.

— Папа! — обрадованно закричал Мишутка, вырываясь из маминых рук. — Он по радио выступает? Да?

— Тихо ты! — испуганно крикнула бабушка. — Леночка, его нужно увести...

— Да тише вы!.. — простонала мама, сжимая на коленях руки и еще больше бледнея.

Мишутка испугался. Такой чужой, незнакомой мама никогда не была. Он прижался к ней, заглядывая в лицо, но она не шевельнулась.

— Звезды забегают за него и исчезают, — снова сказал приемник папиным голосом. — Через несколько секунд они появляются с противоположной стороны.

В приемнике что-то затрещало. Мама дышала глубоко и часто, а ее круглые глаза не отрываясь смотрели на приемник. Мишутке стало совсем страшно.

— Мама, — тихо позвал Мишутка. — Ну, мама!..

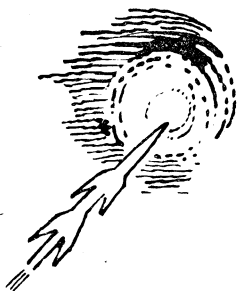
Сквозь завывание вырвался папин голос:

— Внимание!.. — Потом раздался оглушительный свист, и снова папин голос: — В центре зеленое тусклое свечение... Космолет получил ускорение!

Приемник завыл, пронзительно свистнул и смолк. В комнате стало тихо-тихо. Мама глядела на приемник не дыша. Но он молчал.

ЗАЧЕМ ОНИ?..

Когда в центре темного пятна вспыхнул зеленый свет и космолет сам, набирая скорость, понесся к нему, Виктор быстро положил руку на тумблер. Однако щелчка теперь было достаточно, чтобы двигатели выбросили вперед мощную огненную струю. Тогда космолет, преодолев эту притягивающую силу, унесся бы прочь. Но в тот же

момент Виктор заметил, что зеленый свет идет из круглого отверстия, окруженного створками огромной диафрагмы. Это был космический корабль! Рука на тумблере замерла... Не переставая кричать в микрофон, он позволил втянуть космолет внутрь корабля.

Теперь щелчок тумблера был бы смертельным. Космолет окружали стены. Он взглянул на руку, поспешно отдернул ее и через второй иллюминатор увидел, как створчатая

диафрагма медленно закрыла вход. Виктор хотел крикнуть об этом в микрофон, но понял, что связь с Землей прервана стенками корабля.

Тогда он снова прильнул к стеклу иллюминатора.

Космолет неподвижно висел внутри большого зала, слабо освещенного рассеянным зеленовато-голубым светом. Внезапно все вокруг загрохотало, как будто по железнодорожному мосту над головой несли тяжело груженный состав. Зал оставался пустым. Это продолжалось минут пять. Виктор напряженно вглядывался в постепенно густеющую бирюзу за стеклом. Грохот так же внезапно смолк. В дальней стене зала открылся квадратный люк, и из него стали выскакивать яркие стремительные тела.

Сначала Виктору показалось, что это огромные цветы. У каждого из них впереди пышной короной трепетали пурпурные плоские лепестки, окруженные круглым веером гибких лиан. Этот трепетный венец переходил в продолговатое, полупрозрачное, без резкого контура тело, которое сгущалось по бокам, образуя тонкие неподвижные крылья. Сзади тело переходило в плоский, раздвоенный, как у ласточки, хвост.

Величиной хозяева корабля были чуть поменьше человека. Они постепенно наполняли зал, окружая космолет. Несмотря на охватившее Виктора тревожное напряжение, он невольно залюбовался их ярким красочным хороводом. Рассеянный бирюзовый свет и полная, не нарушаемая ни одним звуком тишина создавали впечатление, что он стал свидетелем таинственной сказочной феерии. Казалось, стоит лишь пошевелиться, громко крикнуть — и все это исчезнет, окажется красивым сном.

В гибких отростках, трехпалых на концах, которые были,

очевидно, их щупальцами или руками, хозяева корабля несли какие-то приборы.

Виктор почувствовал, что ему жарко. Он мельком взглянул на термометр. Температура воздуха, поступающего в скафандр, была тридцать два градуса и быстро повышалась.

Существа за стеклом производили приборами какие-то операции, прикладывая некоторые из них к поверхности космолета, с другими манипулировали на расстоянии.

В передней части тела у каждого из них Виктор заметил еще по два выступа, торчащих, как рожки. Хоровод этих непонятных существ становился все гуще. Некоторые, очевидно, просто глазели, медленно перемещаясь вокруг космолета и выставив свои рожки, как бы собираясь бодаться. Хозяева корабля, по-видимому, были не лишены любопытства.

Внезапно раздалось басовитое гудение. Это автоматически включилась система охлаждения космолета. Виктор еще раз взглянул на приборную доску и удивился. Температура на наружной поверхности космолета, то есть в зале, где летали эти живые цветы, была выше ста градусов! «Что делать?» — с ужасом подумал Виктор. Расходовалась энергия холодильников, необходимая для обратного пути на Землю! Ее хватит едва на полчаса работы. А потом...

Но другого выхода не было. Охлаждение позволяло растянуть время. Не могут же они не видеть, что он внутри космолета? Ведь это определенно разумные существа!

Виктор снова посмотрел в иллюминатор. Да, это были разумные существа, владеющие техникой. Ему вспомнилось слово «сапиенс», которым древние римляне отличали способность мыслить, разумно вести себя. Слово подходило к этим существам. Не люди, но разумные, сапиенсы...

Некоторые, закончив, очевидно, измерения, исчезали в черноте люка, на смену им выскакивали другие. Но человек их определенно не интересовал. Во всяком случае, к иллюминаторам ни один из них не приближался.

Виктору стало жутко. Холодильники ровно гудели, секундная стрелка хронометра беззвучно скакала по кругу. Сапиенсы продолжали кружить вокруг космолета. Он подумал о Земле. Что там творится сейчас?! Ведь он бесследно исчез для них! Что сейчас с Леной? Какой отклик вызовет на Земле его гибель, такая, в сущности, глупая и несурезная...

В гудении холодильников появился новый, страшный тон, Виктор напрягся не веря. Но звук падал, утихал, замирал...

Потом наступила звенящая невыносимая тишина.

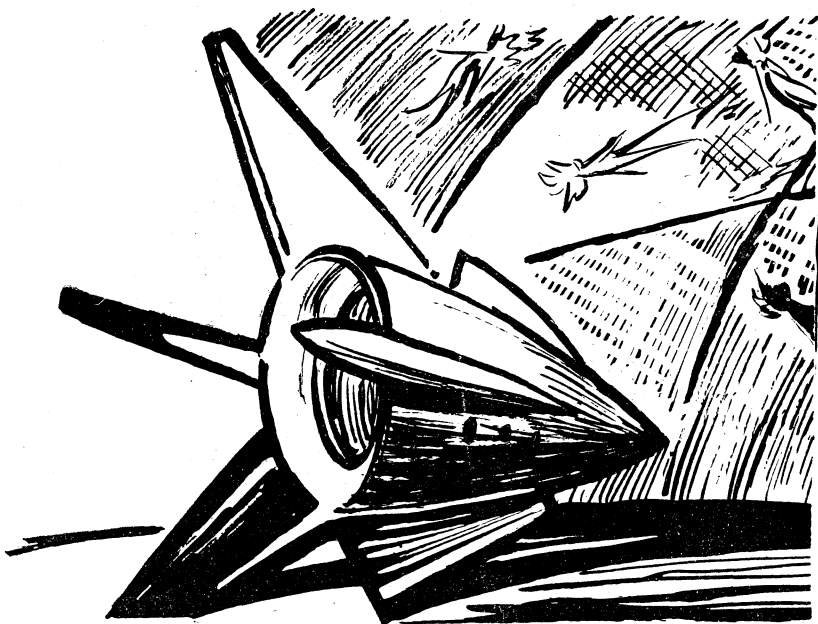
Цветы за стеклом иллюминатора продолжали свой танец.

Виктора охватило отчаяние. Неужели они будут любоваться его агонией? Может, зажарят, подсушат и потом, не торопясь, исследуют, чем он был до смерти?

Температура повышалась.

Почему они медлят?!

И он с предельной ясностью понял, что там, перед створ-

чатой диафрагмой, надо было, обязательно надо было нажать тумблер, вырваться, умчаться прочь... Воспоминание о тумблере мгновенно натолкнуло на решение. Включить тумблер! Одно движение... Одно движение пальца, и космолет врежется в стены этого нелепого корабля! По крайней мере мгновенная смерть...

Виктор быстро поднес руку к блестящему шарiku тумблера и... отдернул ее.

Спокойно!.. Нельзя!

А почему нельзя?! Может, они несут смерть всем людям? Космолет прошьет корабль, и холод космоса выморозит их, как тараканов. Там, внизу, — Лена, Мишутка, все... Ну? Ради них!..

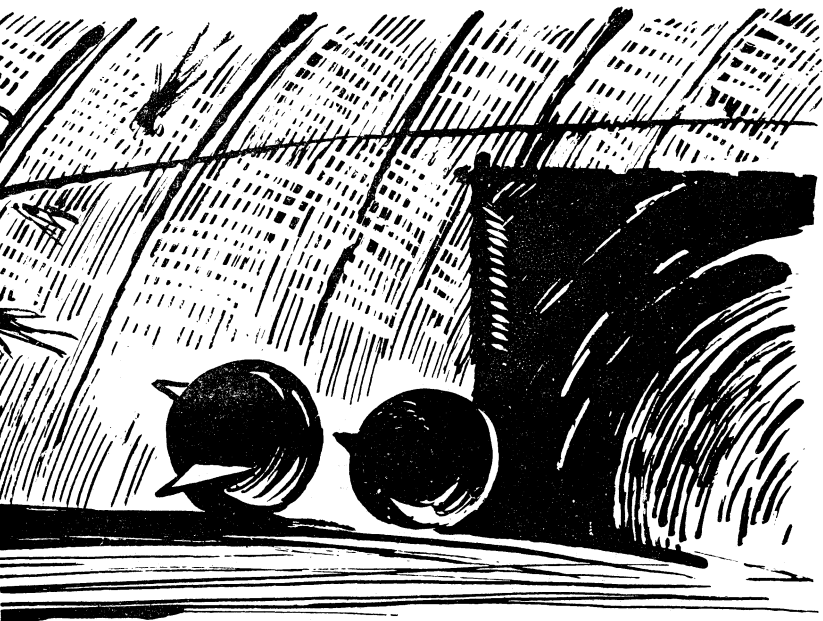
Он снова поднял руку и опять не смог сделать это последнее простое движение.

Зачем они здесь? Зачем?.. А что, если они мирные вестники новых знаний?

Может, они десятки лет несли через космос, преодолев все опасности и преграды, привет других миров. Они донесли, победили, а он убьет их сейчас. Он, перетрусивший посланник людей!

Если бы зная!.. Если бы понять!..

Воздух при вдохе обжигал грудь и со свистом вырывался наружу. Тело стало вялым и тяжелым. Сознание меркло.

Ему стало очень жаль себя. И жаль было убивать этих красивых рогатиков.

Последним усилием Виктор встряхнулся, приоткрыл веки, увидел яркие тела, стремительно исчезающие в черном квадратном люке...

ТЕНИ В АКВАРИУМЕ

Несколько сильных толчков заставили Виктора открыть глаза.

Через иллюминатор он увидел два огромных, метра три в поперечнике, матово-черных шара. Они медленно плыли к темному люку в дальней стене зала, и космолет мелкими рывками послушно следовал за ними, как на привязи. Виктор взглянул на термометр. Он показывал шестнадцать градусов выше нуля.

Воздух был очень тяжелым и спертым. Виктор быстро свинтил гермошлем. Но чистого воздуха в кабине хватит лишь на пятнадцать-двадцать минут. Стрелка манометра показывала, что запас кислорода в баллонах израсходован.

Тело было слабым и вялым, но мысли — ясными и чистыми.

Да, это не люди, но... сапиенсы.

А почему они должны быть людьми, иметь руки, ноги, глаза? Зачем природе повторяться? У нее бесконечно много возможностей избежать этого.

Это ясно.

Ясно также, что они существуют при очень высокой температуре. Сейчас в этот зал, где они определенно умерили жару, сапиенсы отправились в герметических шарах.

Да, темпераментные существа! Впрочем, и на Земле даже в кипящих подземных источниках обнаруживают жизнь.

И самое главное, наконец, стало ясным: они, по-видимому, не собирались ни убивать его, ни уничтожать человечество. Они пригласили его для переговоров! Приглашение, правда, было весьма оригинальным, даже несколько бесцеремонным, но и условия здесь, мягко выражаясь, не для дипломатов.

Сапиенсы обработали показания своих приборов, выяснили, что ему нужно, чтобы он не протянул ноги у них в гостиных, и теперь настойчиво приглашали его в свою гостиную.

К нему вернулось хорошее настроение. Он взглянул на блестящий шарик тумблера и хитро подмигнул ему.

Шары, а за ними и космолет нырнули в люк. Стало темно. Толчки и движение не прекращались. Через несколько минут снова появился свет. Космолет проплыл в другое помещение, гораздо меньшее, чем первый зал. Бирюзовый свет проникал сюда через одну из стен, сделанную из прозрачного материала. За ней в зеленоватом мареве мелькали фигурки сапиенсов, похожие на ярких актиний в слабо освещенном аквариуме.

Шары отвели космолет к круглому постаменту, корпус резко дернулся, дрогнул от сильного удара и неподвижно застыл, притянутый, очевидно, сильным магнитом площадки. Сверху к корпусу приблизилась длинная тонкая игла, раздалось слабое жужжание. Игла легко, как бумагу, прошила сталь оболочки, острое ее на секунду показалось у Виктора перед глазами и исчезло, оставив круглую дырочку, через которую ворвалась сильная струя свежего воздуха.

Только теперь Виктор понял, каким тяжелым стал воздух внутри космолета.

Он хватал струю губами, подставлял лицо, вдыхал, вдыхал, то глубоко, всей грудью, то начинал дышать, часто-часто, чувствуя, что струя ослабевает.

Сапиенсы приготовили для своего гостя чудесный воздух!

Потом Виктор подтянулся к выходному люку. Резьба прошла последний виток, он отбросил крышку и выпрыгнул наружу...

Но он не выпрыгнул, а вылетел... Как можно было забыть, что здесь нет тяжести! Виктор, кувыряясь, понесся из люка прямо к противоположной стене, мимо одного из шаров, пахнувшего на него теплом.

Некоторое время он барахтался в воздухе, стараясь не прикасаться к стене, которая была горяча, как кружка с кипятком, чувствуя себя до смешного беспомощным и неуклюжим. Вдоль стены шел сильный поток теплого воздуха, который увлекал его в угол.

Тени сапиенсов прильнули к прозрачной перегородке, оба шара приблизились к нему и повисли рядом.

Наконец это барахтание разозлило Виктора, и он, скрепив руки на груди, нахмурил брови, стараясь придать себе хоть сколько-нибудь солидный вид. Ведь он, черт возьми, представлял здесь челове-
че-ство!

Шары одновременно, как по команде, двинулись к отверстию, нырнули в него, оно защелкнулось, и в комнате стало пусто. Виктор начал медленно падать на одну из стен. Тяжесть становилась все сильнее, он шлепнулся на стену, ставшую теперь для него полом, и вскочил на ноги. Тяжесть стала заметной и все возрастала. Он почувствовал слабость, зашумело в ушах, аквариум быстро накренился, пол встал дыбом и больно хлестнул его сбоку. Оказалось, что он лежит на нем.

Нарастание тяжести прекратилось.

Несколько минут стояла напряженная тишина.

Что-то глухо стукнуло у него за спиной, еще и еще раз. Он оглянулся. Черная блестящая змея, толщиной в палец, странно длинная, с большой красной безглазой каплей-головой судорожно дернулась в углу зала, потом метнулась и вытянулась на полу, на глазах утолщаясь, напрягаясь, как пожарный шланг. Виктор вскочил...

Прошло несколько секунд, прежде чем он понял, что это не змея, а длинный гибкий шланг, в который под давлением что-то нагнетали.

Пурпурный цилиндрический наконечник на шланге разбухал, пока не стал похожим на огромную грушу, потом груша отделилась от шланга и, немного покачавшись, осталась неподвижно лежать на полу.

Сейчас же вокруг Виктора запрыгал веселый зайчик яркого белого света. Он сделал несколько кругов, как бы привлекая к себе внимание, а затем прыгнул на грушу и неподвижно застыл на ней.

Очевидно, сапиенсы что-то передали ему в этой груше.

На ее металлическом горлышке была видна блестящая пластинка. Как только Виктор нажал на нее, из горлышка брызнула тонкая струйка ароматной пурпурной жидкости.

Это была, по-видимому, питательная жидкость, пища, которую прислали ему сапиенсы.

Желудок свела спазма, острая боль пронзила сухое горло. Виктор присосался к трубочке, нажал пластинку и стал глотать, глотать, глотать... Изредка, не отрываясь от трубки, он смотрел на сапиенсов за перегородкой, но они все так же неподвижно висели в бирюзовом аквариуме. Только зайчик на полу теперь спокойно описывал окружности.

Все было, значит, хорошо, правильно.

Жидкость была очень вкусной и ароматной, кисло-сладкой, напоминающей одновременно и вишневый сок и очень жидкий кондитерский крем. «А сапиенсы, оказывается, лакомки», — повеселев, подумал Виктор и все глотал этот нектар.

Груша быстро уменьшалась и превратилась, наконец, в прозрачную пленку на цилиндрическом горлышке. Виктор оторвался от трубки и посмотрел на своих хозяев. Сейчас же светлый зайчик оказался у шланга. Виктор приставил к наконечнику блестящий цилиндр, раздался легкий щелчок, и горлышко плотно прижалось краями к шлангу. Шланг начал набухать, пленка постепенно превратилась в прежнюю пурпурную грушу.

Виктор улыбнулся. Сапиенсы собирались кормить его, как в санатории!

Осушив грушу несколько раз, он уселся на теплом полу, скрестил по-восточному ноги и приветливо помахал аквариуму обеими руками. Голова все еще кружилась, и в ушах звенело, но слабости не было. Он чувствовал даже веселое возбуждение, как после бокала легкого приятного вина. Им овладело мальчишеское озорное настроение.

— Ну что ж, друзья, — бодро сказал он. — Давайте беседовать. Только я, чур, буду по-русски.

Его речь неожиданно произвела на сапиенсов сильное впечатление. Тени стали быстро раскачиваться, как будто они беззвучно загалдели все сразу, потом один сапиенс приблизился к перегородке, нацелив на Виктора какой-то прибор, и все они снова замерли.

Только на приборе ритмично вспыхивали искорки.

— Я — человек. Человек с Земли, — громко сказал Виктор и пояснил по-английски: — I'm a man! — но тут же усмехнулся нелепости своего перевода.

Сапиенсы снова заволновались, а искорки на приборе все так же вспыхивали и гасли.

Очевидно, надо было говорить еще.

— Зачем вы здесь? — неожиданно спросил Виктор и даже смутился, настолько странно звучали обычные слова в этом помещении, освещенном бирюзовым рассеянным светом. Потом опять улыбнулся: не все ли равно сапиенсам, что он будет говорить? — и стал быстро произносить все, что приходило на ум:

— Мир. Дружба. Разум. Ну, что вам еще сказать? Дружить, понимаете? Не делать глупостей...

Искорки на приборе погасли, тени быстро замелькали, собираясь небольшими меняющимися группами, и, постепенно удаляясь, растаяли. Лишь одна неподвижно замерла у перегородки.

Зайчик света заплескал на полу и прыгнул по обшивке космолета в открытый люк, очевидно приглашая и Виктора удалиться на покой.

Это было очень к стати. Возбуждение сменилось у него сонливостью, глаза приходилось таращить, чтобы веки не

закрывались сами собой. Кое-как, уже в полусне, он добрал до ложа, забрался внутрь и упал в кресло.

Последним усилием Виктор на всякий случай притянул себя к сиденью ремнями и крепко уснул.

ОБЩИЙ ЯЗЫК

Неясная тревога, ощущение важного и неотложного дела разбудили его. В темноте слабо светился зеленовато-голубой овал.

Виктор вспомнил прощание на Земле, стремительный взлет, межзвездный корабль, блестящий шарик тумблера, пурпурный напиток сапиенсов, свое вдохновенное обращение к ним в пользу мира и в недоумении замер... Неужели все это действительно было?!

Он попытался встать, но ремни крепко держали в кресле. Это сразу убедило его, что память сохранила действительные события.

Быстро отстегнув ремни, Виктор выпрыгнул наружу.

Все было спокойно. Тень наблюдателя неподвижно маячила за перегородкой.

Взглянув на черный шланг, он вспомнил, как испугался его, и улыбнулся. Но тяжелое, гнетущее чувство не уходило. Он был один в этом осколке чужого, далекого мира, беспомощный, во власти незнакомых таинственных существ. Они обладали разумом, но какими были их чувства, их мораль, их отношение к другим живым существам? От этого зависело многое на Земле, судьба его близких, его жизнь, от этого зависело сейчас все!

Виктор хмуро огляделся вокруг.

На полу у одной из стен он увидел желтый аппарат, связанный ниточками проводов с предметом, напоминавшим тюбетейку или чашу. Он внимательно осмотрел аппарат и пощупал его.

Аквариум уже был полон сапиенсами. Они выплывали из полупрозрачной глубины еще и еще... Один из них, быстро взмахивая щупальцами-руками, надел себе на спину какое-то седло и затем медленно приблизился к перегородке, устремив на Виктора рожки. В его пестром наряде, кроме общих для всех пурпурных и коричневых тонов, выделялись матово-черные окантовки лепестков и белые, сверкающие, как освещенный солнцем снег, рожки. В медлительности сапиенса чувствовалось напряжение, даже торжественность. Остальные тени неподвижно висели на почтительном расстоянии.

Готовилось, очевидно, что-то ответственное и важное.

Зайчик на полу метнулся к желтому прибору. Виктор взглянул туда. В воздухе замелькали какие-то блики, и он увидел себя в космическом скафандре, который делал его похожим на фантастическое земноводное.

Что это? Какое-то его отображение?

Нет! Его двойник наклонился к аппарату, взял в руки

тюбетейку и надел себе на голову. И вместе с тем тюбетейка продолжала лежать у прибора. Затем призрак исчез.

Виктор оглянулся и увидел замершие тени в аквариуме. Они чего-то ждали от него.

Он осторожно наклонился и взял тюбетейку.

Зайчик на полу радостно метнулся, описывая окружности. Значит, он делал именно то, что нужно.

Виктор плотно натянул тюбетейку, примяв волосы.

Зайчик продолжал вычерчивать окружности. Все правильно. Ну, а дальше что?

Он вспомнил неподвижные ожидающие тени, и они появились перед ним в воздухе. Еще более неясные, чем в действительности, схематичные, без деталей, но это были определено они — те, о которых он думал!

Полузакрыв глаза, Виктор постарался как можно ярче представить себе фигуру того из них, белорогого, который, взмахивая щупальцами, оседлал себя прибором, и он сейчас же смутно вырисовался из мелькающих бликов.

Неужели образы, возникающие у него в мозгу, переносятся на этот невидимый экран?

Темные блики лихорадочно заплесали...

Виктор напряженно старался унять волнение, успокоить пляску мыслей, сосредоточиться на каком-то одном образе. На миг ему это удалось, и перед ним мелькнула фигура Лены, ее грустное лицо и печальные глаза — такие, какими они остались в его памяти в момент расставания. Потом появилась стартовая площадка перед запуском... Напряженные глаза Дорошенко... Опять неподвижные тени за перегородкой... Потом все смешалось...

Он обернулся. Его хозяева торопливо раскачивались, перескакивая с места на место, и в их немой суете чувствовалось то же радостное возбуждение, которое охватило и Виктора.

Опыт удался! Сапиенсы нашли с ним общий язык!

Правда, это был очень ограниченный язык — язык образов, картинок, а не слов. На нем можно было сказать лишь «яблоня» или «сосна», а не «дерево», на нем не скажешь «вы нравитесь мне» или «добро пожаловать!». Но все же это язык!

Снова сосредоточиться Виктору не удалось. Призраки мелькали, плясали, смешивались. Он устал от этого непрерывного напряжения, сдернул с головы тюбетейку и, обернувшись к своим собеседникам, сказал:

— Не могу, дорогие... Дайте немного успокоиться.

Тени сапиенсов быстро качнулись к одной, которая виднелась несколько в стороне. Она задвигала щупальцами над другим прибором, а остальные, как будто ожидая, замерли. Через минуту тень у прибора прекратила возню, сапиенсы повернулись к Виктору, и он услышал в мертвой тишине громкий ясный голос:

— Не, могу, дорогие, дайте, немного, успокоиться.

Виктор задохнулся...

Голос был не его. Это был вообще не человеческий голос! Довольно низкий, совершенно лишенный какого-либо выра-

жения, он произносил каждое слово, как отдельную фразу, механически воспроизводя лишь основу, внутренний каркас звуков.

Это был голос прибора! Но их прибора! Их голос!..

Потрясенный этими звуками до немоты, Виктор только через некоторое время растерянно прошептал:

— Ну, рогатики!.. Ну, молодцы!..

Снова замелькали щупальца, тени качнулись и замерли, и механизм повторил ему эти слова, но не восхищенным шепотом, как произнес их Виктор, а четко, громко, ясно.

И сразу же в углу у желтого прибора появился большой ярко освещенный с одной стороны шар, медленно вращающийся в черной пустоте на фоне ярких созвездий. На его освещенной стороне вырисовывались контуры Восточной Азии и Австралии, полузакрытые крупными массивами облаков. Это была Земля, такая, какой она представлялась отсюда, из космического пространства.

— Земля! — сказал Виктор, повернувшись к перегородке, и через минуту аппарат повторил:

— Земля.

Они нашли путь и к настоящему языку!

А в воздухе уже появились сверкающий диск Солнца, затем серп Луны, звезды, круг, треугольник, другие геометрические фигуры, потом его глаза, рот, уши, руки, десятки изображений, и он громко называл их, а механический голос повторял слова. Затем, надев тубетейку, Виктор вызывал картины моря, леса, ракеты-носителя, космолета, осьминога, петуха, телевизора, еще и еще самые различные изображения, совершенно бессистемно, сумбурно, не успевая называть их и с трудом задерживаясь на одном образе... Наконец картинки в воздухе опять замельтешили, стали совсем неразборчивыми. Он сбросил с головы тубетейку и сказал:

— Все!.. Устал!..

Его хозяева тоже, по-видимому, считали, что для первого раза они поговорили вполне достаточно. Один за другим сапиенсы медленно растаяли в зеленом мареве.

Виктор следил за ними со смешанным чувством облегчения и сожаления. Он устал от этого необычного сеанса, и все же было досадно, что разговор окончился.

ЭЛЕКТРОМАГНИТНЫЕ ЧУВСТВА

Через несколько часов сапиенсы продолжили упражнения.

Теперь за сеанс Виктор научил их доброй сотне слов, называя не только предметы, но и глаголы, наречия, математические термины, цифры, постарался передать основные грамматические понятия, произнес простейшие фразы. А в конце сеанса, демонстрируя, очевидно, способность сапиенсов самостоятельно строить речь, аппарат произнес: «Земля, есть, шар», хотя Виктор и не говорил этой фразы.

Затем сапиенсы, используя уже известные им слова, но главным образом разные изображения, прочитали ему пер-

вую лекцию, которую посвятили своей анатомии и физиологии. Одновременно Виктор старался для каждого нового образа и понятия, которое становилось ясным для него, подобрать подходящее слово в русском языке.

Оказалось, что вдоль туловища у сапиенсов расположен пластичный кольцевой мешок. Втягивая через вибрирующие органы, которые Виктор принял за пурпурные лепестки, окружающую их атмосферу и сокращая мышцы мешка, сапиенс с силой выбрасывал назад сильную струю. Такие движения производились очень быстро, неуловимо для глаза, поэтому контур их тел и казался ему расплывчатым. Истечение струи создавало отталкивающую силу, которая держала их в полете. Отклоняя раздвоенным хвостом вытекающий поток в сторону, они могли быстро менять направление полета.

Вибрирующий мешок был для них и органом дыхания. Движение обеспечивало им и пищу, потому что среда, в которой жили сапиенсы, была наполнена мельчайшими живыми существами. Они отфильтровывались во входных лепестках и поглощались организмом.

Никаких запасов пищи в организме, чего-либо подобного жирам, у сапиенсов не было, поэтому им нужен был непрерывный приток пищи, как людям — кислород.

Но особенно поразило Виктора их восприятие мира.

Чувствовали мир сапиенсы только через электромагнитные поля. Но зато как чувствовали!.. Их рожки были, по существу, двумя антеннами, которые воспринимали испускаемые и отраженные телами электромагнитные волны в очень широком диапазоне: и жесткое рентгеновское излучение, и видимый свет, и инфракрасные тепловые лучи, и радиоволны. Очень своеобразные внутренние органы и нервная система анализировали эти колебания, и мозг воспринимал внешние образы, получая на расстоянии представления не только о форме, но и о температуре и даже о химическом составе тел; причем как бы заглядывая внутрь их, воспринимая объемы, а не поверхности.

Виктор попытался представить себе такое восприятие и невольно позабавился ему. Сапиенсы полнее, чем люди, видели мир! Именно видели, потому что человеческий глаз тоже анализирует электромагнитные колебания, свет, но в очень узком диапазоне волн, получая представление лишь о форме освещенной поверхности. Представления сапиенсов о предметах были гораздо богаче. Для научного исследования мира они имели явно больше возможностей, чем люди!

Процессы мышления, памяти и координации движений у сапиенсов были совершенно такими же, как и у людей. И вместе с тем как своеобразно происходил у них обмен мыслями!

Сапиенсы совсем не производили звуков! Сложные электромагнитные процессы, сопровождающие мышление, через те же рожки-антенны передавались другим сапиенсам, заставляя мозг собеседника видеть картину во всей ее сложности. Кроме этого, специальные клетки мозга излучали сигналы другого рода — отвлеченные слова, понятия. Сапи-

енсы при разговоре как бы смотрели кинофильм, сопровождаемый текстом.

При этом восприятие чужих мыслей у каждого из них регулировалось волей и желанием и даже настраивалось на того или иного собеседника, а трансляция мышления шла непрерывно: этот процесс от желания не зависел.

Когда Виктор понял это, у него мелькнула озорная мысль: «А ведь так им, пожалуй, и соврать, беднягам, не удастся!» Потом он отнесся к этой природной правдивости своих хозяев серьезнее. Такие существа должны иметь совершенно здоровую мораль. Среди них не могло быть мошенников, заговорщиков, преступников, ревнивцев...

Мысли, открытые для всех! Как это все же хорошо!..

Вместе с тем сапиенсы были эмоциональными существами. Они знали радость, печаль, гнев.

Но любовь их оказалась довольно-таки трудной!

Виктор не сразу даже решился назвать это любовью, настолько своеобразными были их электромагнитные влечения. Но это была, конечно, их любовь.

Сложные нервные и чувственные процессы, в совокупности очень индивидуальные, создавали каждому сапиенсу характерный, лишь ему одному присущий тон электромагнитного звучания. Иначе, как звучанием, это трудно было назвать. Излучение сапиенса образовывало сложное переплетение амплитуд и частот с особыми для каждого из них, неповторимыми группами волн. Переведенные в звуковые колебания, они прозвучали бы сложной мелодией. Это была личная песнь души, по-сапиенсовски красивая или безобразная, но своя, открытая, честная, понятная всем. Виктор слабо улавливал ее в переливах оттенков этих живых цветов, но для сапиенсов она звучала несравненно шире, богаче, полнее. Созвучие или диссонанс песен рождали между ними дружбу, симпатию или неприязнь. А когда песни двух разнополых существ сливались в полную гармонию, дополняя друг друга до совершенства, их охватывало непреодолимое желание быть вместе, чтобы всегда звучала для себя и для других эта единая красивая музыка слитых чувств. Тогда, только тогда и приходила к ним потребность продолжать жизнь в подобных себе существах.

Встретить, найти среди миллионов других песен только одну созвучную мелодию чувств было для них всегда мучительно желанной целью, которой далеко не каждому удавалось достичь. Без этой встречи не могло быть и радости любви.

Но в том, что песня именно та, единственная, сапиенсы никогда не ошибались...

Виктор постарался ответить им такой же обстоятельной лекцией о человеческом теле и чувствах, но изображения у него получались все еще торопливыми и неясными. Он быстро устал и огорченно снял с головы тубетейку.

Сапиенсы не настаивали на продолжении разговора и мирно удалились.

А Виктора охватила досада. Люди на Земле все еще ничего не знали о сапиенсах. И что, в сущности, знал он?

Узнал он, зачем они здесь? Нет. А если и узнает — сможет передать на Землю? Без согласия сапиенсов — нет. Может быть, действительно эти пришельцы готовят сейчас людям мрачный сюрприз? А он доверчиво передавал им все сведения о Земле...

Ему снова стало страшно.

НЕСПОКОЙНАЯ РОДИНА

Теперь Виктор не решался прямо спросить сапиенсов о цели их полета к Земле. Он хотел понять это исподволь, не возбуждая подозрений.

Проблема общего языка с существами иного мира оказалась не такой простой, как показалось ему сначала.

Некоторые человеческие понятия были просто чужды их мышлению. Что значит «добро» и «зло»? «Полезное» и «вредное» — это было понятно им. А «зло»? Специально, сознательно делать «вредное»? Но это же лишено всякого смысла! Виктор терпеливо объяснял, а сапиенсы опять не понимали его. Значит «зло» — это «вредное» для других и «полезное» для себя? Разве люди живут не обществом, не помогают друг другу? Если ты будешь делать «зло» другим, то они будут делать его тебе. Существо, делающее «зло», неминуемо должно погибнуть, оно просто не может жить среди мыслящих существ!

Плохо понимали сапиенсы и человеческие чувства. Они долго не могли уяснить себе эмоциональное значение слова «отчаяние». Как понял из объяснений Виктор, у сапиенсов чувства лишь сопровождали, но никогда не определяли поступки. Сапиенсы всегда держали себя в руках. Когда Виктор пытался объяснить им, что в отчаянии человек может совершать нелогичные, неоправданные поступки, они не понимали его. «Безвыходных положений нет, — рассуждали они. — Всегда есть много выходов из любого трудного положения: одни лучше, другие хуже. Надо лишь найти из них наилучший. Бывает, конечно, и так, что лучший выход — смело и решительно умереть. Но при чем здесь чувства?»

Так и не договорились они в отношении чувств. Виктор лишь догадался, что самоотверженность и героизм были для сапиенсов нормой поведения.

Переводчиком им служила машина. Она запоминала слова, которые произносил Виктор, ставила в соответствие с радиосигналами сапиенсов и формировала их мысли в законченные фразы, используя заданные ей грамматические правила. Вскоре они стали объясняться довольно свободно.

Чаще всего беседы вел тот белорогий сапиенс, с которым Виктор говорил в первый раз. Это был, похоже, самый мудрый и уважаемый сапиенс из всей экспедиции, возможно, ее руководитель. Он почти непрерывно висел в аквариуме, оседлав себя прибором с ниточками проводов.

После урока анатомии и физиологии белорогий лектор

провел еще несколько сеансов подряд, посвятив их истории своего общества.

...Виктор увидел в пустоте большую планету. Она медленно приближалась, и все виднее становились огромные вулканы, извергающие столбы пепла, которые черными тучами носились над поверхностью. Поминутно их освещали вспышки молний. А по склонам медленно стекали сверкающие языки лавы. Стали видны широкие трещины, отвесные стены которых уходили вниз, в непроглядную мрачную тьму.

Поверхность планеты судорожно вздрагивала. Толчки следовали один за другим.

Да, беспокойной, оказывается, была их родина!

...Сапиенсы наступали на природу организованно и дружно. В одной из долин, особенно удачно скрытой в складках гор, у них выросли города-здания, общие, одинаково необходимые всем. Временами вулканы забрасывали и сюда свои огненные смерчи. Тогда сапиенсы укрывались в своих постройках. Но покинуть долину они не могли. Лишь здесь поднимали вверх свои толстые, бочкообразные стебли и многоярусные венчики игл высокие, как деревья, растения. Над ними, заполняя всю долину, стался бирюзовый легкий туман. Он был скоплением микроскопических существ — пищи сапиенсов. Колонии питательных микробов возникали лишь на этих растениях-деревьях. Вне долины не было ни деревьев, ни бирюзового тумана. Вне долины сапиенсы жить не могли.

Оружием сапиенсов стала техника. В больших шарах, наполненных искусственной средой, они поднимались высоко над слоем тумана, переваливали через окружающие долину хребты и смело вторгались в пустыню. Рощи хвойных растений быстро вырастали в соседних долинах, перечеркивая их во всех направлениях, и над ними вился живительный бирюзовый туман. Все дальше и дальше улетали сапиенсы, открывая и заселяя новые долины.

История сапиенсов, как заметил Виктор, начиналась с уже высокой ступени развития. Предыстория оставалась в тумане.

Разум стал дерзким. Ему было тесно в долинах. Сапиенсы решились на схватку с тектоническими силами, дерзнули обуздать вулканы, освободить для жизни всю планету. Созданные ими машины вгрызались в скалы. Они ползли все глубже и глубже, прямо к бушующим потокам магмы. Тысячами стволов тоннели нацелились вниз, угрожая вулканам сокрушающей силой атомных превращений.

Сапиенсы укрылись в своих постройках. Не стало видно машин, опустел воздух. Лишь маленькое солнце неторопливо пробиралось по небосклону.

Где-то невидимая стрелка часов приблизилась к назначенной черте, и планета дрогнула от мощного взрыва. Сотни вулканов удивленно пыхнули сверкающими столбами газа. Крутящийся смерч понесся над обожженными плоскогорьями, ворвался в долины. Скорчились листья растений, свертываясь в трубочки, потемнела длинная, метровая хвоя.

И сразу же следующий взрыв потряс планету. В ответ гневно взревели горы, в ужасе поползли друг на друга, изрыгая массы раскаленного газа и пыли. Град каменных глыб хлестнул поверхность — все смешалось, заклубилось в неистовом урагане. Черная туча окутала солнце. Лишь где-то внутри темного клубка поминутно вспыхивали багровые сполохи.

Долго висела в пустоте большая планета, окутанная черным дымом, из которого то там, то здесь вырывались широкие языки пламени, похожие на протуберанцы.

Виктор смотрел на планету с тревожным недоумением.

Как же они там, внутри?.. Неужели сапиенсы неосторожно ввергли и планету и себя в страшную, непоправимую катастрофу?

Постепенно дым превратился в спокойный плотный туман. Он медленно редел, открывая поверхность. Разломанные, искореженные вершины лишь местами устало дымили. Нельзя было узнать и прежних долин, еще недавно покрытых коврами растительности. Огненные смерчи выжгли здесь все, что не могло укрыться, и только под крышами городов-зданий по-прежнему широко разбрасывали венчики игл пузатенькие растения да деловитые шары уже пронсились по воздуху, бороздя его во всех направлениях...

Планета сдалась.

Началось новое великое наступление на природу. Широкие полосы посадок протянулись далеко в мертвые просторы. Крохотные озера жизни, которые прежде сиротливо ютились в морщинах голой пустыни, разлились в могучий океан. Он неудержимо катился вперед, заливая и плоскогорья и успокоенные навеки хребты.

Наступление требовало новой, все более совершенной техники. На бескрайних просторах планеты сапиенсы казались крохотным, хотя и дерзким отрядом. Они были солдатами. Работу тыла обеспечивали машины. Заводы-автоматы беспрерывно хлопотали, заведенные однажды, контролируя, обновляя, ремонтируя сами себя. Машины-автоматы рассаживали высокие растения-деревья, ухаживали за ними. Автоматы обслуживали транспорт. Они добывали энергию. Все, что не требовало творчества и мысли, делали машины.

В далекие просторы расчищенной, украшенной мыслью и трудом планеты протянулись ансамбли построек. Всю ее поверхность укрыл плотный бирюзовый туман — всеобщий туман изобилия.

Поднималось и вновь скрывалось за горизонтом маленькое солнце, освещая это новое триумфальное шествие разума. Но вот оно, казалось, стало уставать. И без того тусклый диск подернулся пепельными пятнами. Все разрастаясь, они язвами покрыли его поверхность. Планету окутывал мрак.

Тогда в космос один за другим устремились большие корабли. Десятки их кружили вокруг планеты, а между ними неугомонно сновали шары. В черной пустоте ярко вспыхнуло новое, молодое солнце, и лучи его осветили внизу ликующих сапиенсов. Оно покорно кружило, а рядом вспыхивали другие солнца, и планета спокойно нежилась в потоках лучей.

Генеральный закон разума — Закон всеобщего содружества торжествовал новую крупную победу над законами неживой природы.

Победа в космосе открыла новые горизонты.

Корабли устремлялись все дальше в глубины межзвездного пространства. Тонкие струйки газов, соединяясь в больших резервуарах, жадно поглощали друг друга. Эта аннигиляция массы, самоуничтожение вещества и антивещества, служила движению. Материя вырывалась из сопел гигантскими каскадами освобожденной энергии, огромным напряжением электромагнитных полей. Они стремительно мчали корабль и его пассажиров в черную пустоту, все ускоряя и ускоряя полет. И от этой невообразимой скорости Пространство и Время покорно сжимались. Корабли сапиенсов совершали все более дальние и длительные полеты.

На планете, освещенной сиянием сразу двух солнц, они обнаружили разумную жизнь. Поселения стройных существ, немного напоминающих ящеров, но с длинными, почти человеческими руками плавали здесь на поверхности бесконечного океана тяжелой маслянистой жидкости, покрывающей всю планету. Встретили они жизнь и у других звезд — дикую, не породившую еще Разума и Труда.

Один из кораблей, замедляя ход, приблизился к желтой звезде. Картина созвездий показалась Виктору знакомой. Ну, конечно же! Светящаяся дымка Млечного Пути, сияющая Вега, опрокинутый ковш — Полярная звезда... Наше звездное небо! И шарик Земли, несущийся наперерез.

Корабль резко уменьшил скорость и, описав широкую дугу, превратился в спутника Земли.

Сапиенсы обнаружили на планете жизнь.

У них были приборы, безгранично усиливающие сигналы, которые служили им для обмена мыслями. Снова и снова посылали они на Землю мощные волны мыслей, призывая обитателей планеты откликнуться, ответить своей мыслью им.

Но люди не отвечали.

Виктору вспомнилось совещание в Москве, споры ученых... Космический гипноз... «Неизвестность»... Ни сапиенсы, ни люди еще не представляли себе, насколько отличались их формы Разума, способы общения.

Корабль продолжал описывать широкие круги. Сапиенсы не отчаивались. Они наблюдали, изучали, исследовали жизнь на Земле.

А внизу блеснула крошечная вспышка, и длинное тело ракеты-носителя, оставляя огненный след, устремилось сюда, вверх. Вскоре хорошо знакомый Виктору контур спут-

ника с круглым иллюминатором телевизионной камеры показан вдали.

Створчатая диафрагма в корпусе корабля открылась, и сразу присмиревший спутник медленно проплыл внутрь корабля...

Сапиенсы, как муравьи, облепили спутник. Их нетерпение можно было понять. Обитатели планеты послали в космос, к ним, неоспоримое свидетельство Разума!

Деталь за деталью сапиенсы осторожно растащили спутник по частям и вновь собрали его в своих лабораториях в глубине корабля, постигая назначение и смысл земного подарка.

А трассирующий огненный след снова потянулся с Земли сюда, к сапиенсам...

Изображения медленно погасли. Аппарат-переводчик умолк.

Виктор долго молчал, потрясенный и восхищенный этим стремительным маршем Разума.

Сапиенсы терпеливо ждали. Наконец механический голос произнес:

— Мы, должны, знать, историю, людей.

Теперь он должен был рассказать им историю человечества, историю торжества Разума на Земле!

Виктор вспомнил, что не хотел открывать им секреты Земли... Какой дикостью показалась бы его подозрительность сапиенсам! Они ведь не знали, что разумные существа, как и дикие хищники, могут охотиться друг за другом. Сапиенсы знали лишь один Генеральный закон разума — Закон всеобщего содружества мыслящих существ, считая его одинаково обязательным в любом уголке вселенной.

Виктор постарался припомнить все, что сохранилось в памяти еще со школьных лет.

Древний Египет. Громады пирамид и толпы рабов, волочащих по земле многотонные камни. Свист кнута надсмотрщиков...

Вавилон. Ассирия. Поход ассирийцев на Сирию. Выжженная страна, зверски уничтоженное население...

И так век за веком... Войны, борьба... И дальнейшее совершенствование орудий убийства.

И совсем недавно — безумие гитлеризма...

Как объяснить им все это — войны, классовую борьбу?..

Правда, на Земле треть людей уже признала Закон всеобщего содружества своим Законом...

Правда, мир уже захватил требовательный призыв — разрушить орудия убийств, кончить, наконец, истребление людей людьми.

Только... не всех он захватил.

И все еще нацеливали в людей там, внизу, обезумевшие от жадности стяжатели страшные орудия, все еще грозили уничтожить жизнь, если им не дадут по-прежнему грабить, насиловать, воевать!

Поймут ли его сапиенсы? Поймут ли, что не было на Земле живительного бирюзового тумана, как воздух, оди-

наково доступного для всех... Ведь они уже почти забыли свою собственную предысторию, забыли то время, когда сапиенсы боролись с сапиенсами...

— Мы, должны, знать, историю, людей, — громко повторил голос.

— Она слишком сложна... — нерешительно начал Виктор.

Он говорил долго, а когда кончил, некоторое время стояла тишина.

Сапиенсы тоже, очевидно, были ошеломлены. Машина раскудаhtалась, как испуганная наседка.

Как?! Люди используют технику, чтобы убивать друг друга? Это невозможно! Закон всеобщего содружества везде — Закон! Или люди еще так дики? Откуда же у них такая техника? Или это два биологически разных вида мыслящих существ? Жизнь породила на Земле две конкурирующие формы Разума. Как это необычно! Нет, они все — люди? Зачем же они убивают друг друга?

Сапиенсы все еще продолжали висеть в аквариуме. Потом белорогий начальник повернулся к ним, и тени стали медленно удаляться.

— Погодите! — крикнул им Виктор.

Мысли о Земле вернули его к действительности. Уже более пяти суток он здесь, в корабле, а там, внизу, все еще ничего не знают о таинственном пятне...

Он-то летел сюда ради всех. Да и сигнал мог послать только всем. Просто на Землю... Людям...

Сапиенсы снова приблизились к перегородке.

— На Землю надо послать сигнал, — решительно сказал Виктор. — Людям необходимо знать, кто вы.

Начался долгий разговор.

Вскоре Виктор понял, что радиосвязь с Землей вырастает в серьезную проблему. Корабль пополнял свои энергетические ресурсы в полете, поглощая электромагнитные поля, пронизывающие космос. Притягивая и поглощая все световые лучи, он был невидим с Земли, радиолокационное зсидирование также не могло обнаружить его. Корабль не отражал радиосигнал обратно на Землю, а поглощал так же полно и бесследно, как бесконечная глубина космоса. Поэтому сапиенсы и не восприняли радиосигналы людей. Энергия радиосигнала, посланного отсюда, тоже нейтрализовалась бы этим поглощающим полем и не могла достигнуть Земли. Посылка сигнала была возможна лишь на сверхкороткой волне, близкой по длине к волнам видимого света. Но земные станции на таких волнах не работали...

ЭТО ЖЕ ПОБЕДА, ТОВАРИЩИ!

Лишь в самый первый момент, когда радиоприемник внезапно умолк, Лена подумала, что Виктора больше нет. Потом она всегда убеждала себя: Виктор жив. Но ужас перед свершившимся, перед неизбежностью и тревога все усиливались.

Отец дни и ночи пропадал то в обсерватории, то где-то еще. Маму и Мишутку она уговорила уехать на дачу.

Сидеть дома одной с таким адом в душе было невозможно. И Лена твердо решила работать в конструкторском бюро. Уборщицей в цехе, судомойкой в буфете... Все равно! Только бы быть среди этих людей, готовящих ракеты, которые спасут Виктора.

Так она стала секретарем Дорошенко, заменив заболевшего работника.

Это тоже была профессия. Одно сборище телефонов на ее столе чего стоило! Попробуй угадай, который из них звонит? А посетители?! А запись телефонограмм! А вызовы людей к Генеральному конструктору!..

Сегодня вечером Василий Трофимович заперся у себя, велел никого не принимать и ни с кем его не соединять. Лена не уходила домой, потому что вменила себе в обязанность в конце дня укладывать исписываемые им в такие часы пухлые тетради в сейф своими руками в строгом порядке, иначе потом быстро не отыщешь нужную.

Наконец Дорошенко вышел из кабинета.

— Ну и путаная же у нас автоматика, Елена Николаевна! — устало сказал он, протягивая ей тетради. — Думал, теперь и не разберусь, отчего она дурит. Ан, нет!.. — Он немного постоял, задумчиво рассматривая ее, потом, когда Лена заперла сейф, спросил: — Вы когда-нибудь видели эту «Неизвестность»? Сейчас я хотел бы взглянуть на нее поближе. Не устроите ли, Елена Николаевна, по знакомству? Ваш родитель ведь самый главный чародей по этой части.

— Хорошо, Василий Трофимович. Сейчас я попробую.

Ей тоже захотелось увидеть своими глазами то, что так резко перевернуло всю ее жизнь.

Лена тут же позвонила отцу. Он предупредил, что надо приехать через час, иначе они ничего не увидят.

— Вот и чудесно! — обрадовался Дорошенко. — Вызывайте машину.

Отец встретил их в центральном зале и сразу же затопил: «Побystрее к телескопу! Только, чур, не обижаться на бедное угощение, потому что не увидите ровным счетом ничего».

Дорошенко долго прилаживался к окуляру, потом с минуту смотрел в него, в недоумении подняв брови. Наконец он отодвинулся, махнул рукой и встал с сиденья.

— Хай воно сказаться!.. — проворчал он. — Столько хлопот из-за него, а посмотреть и не на что. Смотрите, Елена Николаевна.

Лена увидела темное небо и яркие звезды. Их было гораздо больше, чем на таком кусочке неба, если смотреть без телескопа. Но, кроме них, там не было ничего. И вдруг одна звездочка в центре как будто шевельнулась, медленно поплыла в сторону и стала меркнуть. Лена обрадовалась. Она знала, что «Неизвестность» отклоняет и гасит свет звезд. Это была она... Звездочка погасла. Лена почувствовала себя одинокой и несчастной.

Звездочка снова засияла, а рядом с ней сверкнула зеленая искорка. Крошечная, спокойная, как звездочка, только зеленая... Лена долго смотрела на нее, пока не заметила, что свечение уже отошло от той звезды, которая угасала перед этим.

— Папа, она светится! — испуганно воскликнула Лена.
— Что? Что светится?! — спросил отец, сразу же очутившись у телескопа.

— Ну, эта «Неизвестность»! Посмотри скорее!

Лена поспешно освободила место.

Отец прильнул к окуляру и зашептал как одержимый:

— Что такое? Что такое? Действительно, свечение... Такое же, как тогда. Определенно — такое же... Стоп! Погасло! Снова светит... Светит... Погасло! Светит... Секундомер! — резко крикнул он, протягивая руку и не отрываясь от телескопа. — Снимать на киноплёнку! Быстрее! — Он на ощупь взял поданный ему секундомер и сразу же надавил на головку, через некоторое время щелкнул вторично и командовал: — Записать — десять...

Он взглядывал на секундомер и называл цифры: «Три, десять, три», — очевидно отмечая продолжительность вспышек в секундах.

Дорошенко набрал номер телефона, потом негромко спросил:

— Сергей Борисович? Извините, что потревожил. Да, Дорошенко... Звоню из обсерватории. «Неизвестность» о чем-то сигнализирует на Землю. Да, да, вспышки разной продолжительности, двух видов. Очевидно, азбука Морзе. Хорошо, Сергей Борисович, не отхожу, сообщаю...

От охватившей ее слабости Лена присела на стул и, не отрываясь, смотрела на отца. Он все щелкал секундомером и называл цифры. Потом он умолк, долго молчал и вдруг закричал:

— Ага! Опять!.. Записывайте! — и снова стал щелкать.

— Сигналы повторяются, Николай Павлович! — сказал через несколько минут кто-то из его помощников.

— «Неизвестность» повторяет свой сигнал! — Это говорил Дорошенко. — Да, повторяются. Что? Хорошо, Сергей Борисович, мы будем ждать здесь.

Он положил трубку на рычаг и негромко сказал:

— Сергей Борисович сейчас постарается приехать.

И еще раз, третий, «Неизвестность» повторила свои сигналы.

Лена еще нашла в себе силы подняться и подойти к столу, за которым сидели ассистенты отца. Она смотрела на довольно длинную строчку цифр и вторую под ней, такую же, как и верхняя, и третью, еще не оконченную.

Точка, точка, тире, точка, точка... Тире... Тире, тире, тире... — ставил под ними значки один из помощников отца.
«Э-т-о к-о-р-а-б-л-ь...» — вырастали над ними буквы.

Лена стояла к нему ближе всех и первой взяла листок. Над тройной строчкой цифр стояли буквы, которые слагались в слова: «Это корабль разумных мирных существ. К л е н о в».

— Что там? Что?!. — нетерпеливо спросил вошедший в комнату Сергей Борисович.

Лена дрожащим голосом прочла текст вслух. И сразу же стало тихо-тихо...

— Ну что же вы? — как-то глухо спросил Сергей Борисович. — Почему не кричите «ура»? Это же победа, товарищи! Огромная победа! Ура!!!

И все закричали вслед за ним. Даже отец... Все, кроме нее... Радость была такой ошеломляющей, что радоваться она не могла.

„Я ГАРАНТИРУЮ ВАМ БЛАГОДАРНОСТЬ...“

Вскоре дежурный сапиенс известил Виктора о том, что сигналы на Землю посланы.

Они придумали это вместе, Виктор и сапиенсы, — послать световой сигнал, открывая и закрывая входную диафрагму корабля.

Виктор облегченно вздохнул. Основная задача его полета была выполнена.

И сразу же ему неудержимо захотелось вернуться. Вернуться!.. Ничего больше не ожидать от сапиенсов, не чувствовать ни угнетающего восхищения перед ними, ни настоящей тревоги. Снова стать просто человеком среди людей.

Желание это становилось все мучительней.

Очередные сеансы лишь на время отвлекали его от этих настроений.

Теперь белорогий сапиенс раскрывал перед ним достижения их медицины, химии, математики, энергетики.

Сапиенсы уже давно победили все, абсолютно все свои болезни. Они были не только всегда молоды, но и постоянно здоровы. И жили долго-долго, пока хотели, пока не приходило непобедимое желание покоя.

Теперь их медицина лишь предупреждала заболевания. Одна из побежденных болезней особенно заинтересовала Виктора. Это было прогрессирующее омертвление клеток, похожее на раковое заболевание...

Синтезировать сапиенсы могли практически любое вещество. Строительные и технические материалы, лечебные препараты, искусственная жизненная среда — все это было у них продуктами химических реакций. Даже тот ароматный напиток, которым питался Виктор, был синтетическим.

А математики у них, собственно, не было.

Виктора всегда поражало странное противоречие могущества и бессилия земной математики. Объем математических знаний, накопленный людьми за тысячелетия, подчас нагонял на него тоскливое уныние. И десяти жизней не хватило бы неосторожному безумцу, который дерзнул бы только понять, глубоко разобраться во всем, что заключала в себе математика.

Но вместе с тем... Вместе с тем математика работала во многом еще на теорию. Самый строгий теоретический рас-

чет самого простого реального процесса — ну, предположим, охлаждения горячей воды, протекающей по трубе, — давал ошибку почти в два раза! Инженеры в своей практической деятельности, не говоря уже о биологах, химиках, медиках, не пользовались вершинами математической мысли. Инженеры тысячи раз пропускали воду через различные трубы, каждый раз измеряли, насколько упала температура, и составляли таблицы различных коэффициентов. Не математика, а эти таблицы были основой дальнейших технических расчетов. О теоретическом расчете многих более сложных процессов инженеры только мечтали.

Математика сапиенсов была иной. Ее разделы тесно переплетались с прикладными науками, и она была не самостоятельной наукой, а рядом логических приемов, которые служили конкретным задачам.

Однако энергетика сапиенсов не очень намного обогнала земную. Основным ее источником служила аннигиляция инерционных частиц, в принципе уже известная и земным физикам. Но использование энергии было гораздо многообразнее. Сгущая, например, электромагнитное поле в одном направлении, они могли производить механические движения на большом расстоянии, даже отбрасывать встречные метеоры с пути корабля.

Еще одна загадка была разгадана!

Снова Виктором овладело нетерпение: скорее, скорее на Землю!

Он уже почти не вникал в то, что ему объясняли. Этот непрерывный поток новых неожиданных знаний невозможно было воспринять сразу, удержат, запомнить. Фильмы-беседы надо было проводить не для него, а для широкой аудитории специалистов.

Сапиенсы должны опуститься на Землю! Они обязательно должны передать людям свои знания!

Теперь весь смысл его полета, его пребывания здесь был в этом одном.

Виктор едва дождался конца сеанса.

— Почему вы не опускаетесь на Землю? — прямо спросил он.

Сапиенсы охотно объяснили ему это.

Если их огромный корабль приземлится, то будет разрушен собственной тяжестью. И конструкция и прочность корабля обеспечивали его полет лишь в космосе. Для высадки на планеты сапиенсы пользовались относительно небольшими аппаратами, космическими катерами. Такой катер мог перенести на Землю и возвратит обратно только двух-трех членов экспедиции. К сожалению, ни по результатам своих наблюдений, ни из отрывочных объяснений Виктора сапиенсы до сих пор не сделали еще окончательного вывода, насколько высоко организованы разумные существа на Земле? Можно ли доверить им жизнь членов экспедиции?

— Я гарантирую вам безопасность и благодарность людей, — горячо сказал Виктор.

Сапиенсы в аквариуме запрыгали, молниеносно переска-

кивая с места на место. Виктор знал уже, что так выражают они буйное ликование. Он не мог не улыбнуться, глядя на их скачки.

Потом механический голос произнес:

— Мы, готовы.

Но Виктор задумался. Холодильные установки его космолета были выведены из строя и не могли обеспечить нормальных условий для вхождения в плотную атмосферу Земли.

Не мог он лететь и в катере сапиенсов. При обычной для них температуре он задохнулся бы.

— Мой аппарат не пригоден для полета, — нерешительно сказал он.

Сапиенсы утихли, сосредоточенно пошевеливая рожками. Виктор почувствовал, как противная тошнота подкатила к горлу. Может, они хотят оставить его заложником?

— Мы, примем, решение, потом, — сказала, наконец, машина.

Сапиенсы снова стали медленно растворяться в глубине.

РЕШЕНИЕ ПРИНЯТО

Виктор прислонился спиной к твердому крылу космолета и долго стоял молча, не шевелясь. То, чего он опасался, чего так страстно не хотел, все же случилось. Его судьбу решали они.

Это чувство бессилия, зависимости было омерзительно противным.

Звуки механического голоса заставили его вздрогнуть от неожиданности.

— Человек, почему, у, тебя, неровно, бьется, сердце?

Они ведь видели его не только снаружи, но и внутри. От них ничего не скроешь!..

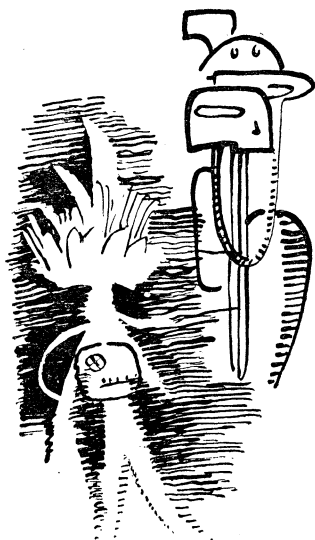
Виктор поднял глаза. Белорогий начальник снова был здесь.

В одну из бесед Виктор поинтересовался их именами. У них были имена — вернее, своего рода звания, потому что каждое имя имело смысловое значение. Это не удивило Виктора. Человеческие имена тоже ведь когда-то были просто словами, только слова заостенели, умерли и потеряли смысл. Никто теперь не вспоминает о том, что у римлян слово «виктор» означало «победитель», а «леонид» у древних греков — «сын льва».

Имена сапиенсов не были мертвыми. Они менялись у них, если менялось поведение сапиенса, и служили предельно лаконичными характеристиками. У этого белорогого начальника имя переводилось машиной как «Луч Мысли».

Виктор за эти дни уже привык к обществу своего собеседника, даже чувствовал симпатию к нему. Луч Мысли был очень трогателен в стремлении без конца развлекать его своими фильмами.

— Мне надо вернуться на Землю, — сказал Виктор, и в голосе его против желания прозвучали тоскливые, умоляющие нотки.

Луч Мысли, кажется, не понял его настроения — машина ведь не переводила чувств.

— Тебе, скучно, у нас? — спросил он.

Нет, Виктор, конечно, не скучал с ними. Эти умные, интересные, добрые и красивые существа нравились ему, но...

— Я здесь один... — сказал он наконец. — Люди чувствуют себя хорошо, когда они вместе.

— Мы, понимаем, тебя, — сразу же ответил сапиенс.

— Так что же вы решаете?! — почти крикнул Виктор.

Луч Мысли объяснил ему, в чем дело. Чтобы человек мог лететь вместе с сапиенсом, катер необходимо было

серьезно переделать. Сапиенсу придется все это время: и в полете и на Земле, быть в герметичном шаре. Лишь один шар после переделки катера сможет поместиться в нем. Лишь один сапиенс может лететь на Землю. Лишь десять земных дней может он там провести. За это время он должен передать людям знания сапиенсов и все узнать о Земле. Это очень трудно. Лететь должен он сам, Луч Мысли.

Эти вопросы и решали сейчас сапиенсы совместно с логической машиной корабля.

Они снова помолчали.

Виктор думал сейчас о Земле. Сапиенс, наверное, — о своей далекой планете, которая доверила ему научные итоги экспедиции. Но и люди и сапиенсы хотели больше знать. Оба они думали и об этом.

— Решение, принято, на, Землю, полетим, ты, и, я.

Виктор глубоко, всей грудью вздохнул и закрыл глаза, прислушиваясь к радостным ударам сердца, потом одними губами спросил:

— Когда?!

— По, твоему, исчислению, времени, через, двадцать, часов.

Это было, конечно, очень много — почти сутки!.. Но ведь катер необходимо переделать.

— Расскажи мне еще о вашей планете, — попросил Виктор.

Рассказывать Луч Мысли, кажется, мог без конца. На этот раз он посвятил беседу современным общественным отношениям сапиенсов.

Снова в воздухе замелькали картины.

Общество сапиенсов было единым.

Власти у них теперь не было вообще. Господство одного разумного существа над другим считалось недопустимым. Это противоречило принципу равенства. Некоторое, даже значительное различие в физическом и умственном развитии не давало права на исключительность и превосходство, которые всегда заключала в себе власть. Господствовала у них лишь общественная необходимость. Ее выявляли логические машины, систематически изучая бесконечно сложные общественные процессы. Все важнейшие выводы логических машин контролировались советами оппонентов. Они состояли из самых авторитетных, самых мудрых сапиенсов, обязательно — лучших специалистов по вопросу, который требовал контроля.

Решения логических машин, утвержденные советами оппонентов, были не указами, не декретами, даже, собственно, не решениями, скорее — просто выявленной необходимостью. Но не выполнить их ни одно общественное объединение, которые существовали у сапиенсов, ни один сапиенс не мог.

Виктор задумался.

Неужели они не знают свободы поступков и лишены радости удовлетворять свои личные желания?

Он не удержался и спросил об этом своего белорогого друга.

Нет, сапиенсы вовсе не были деталями хорошо отрегулированной общественной машины. Просто они познали структуру желания. Желание оказалось сложной, противоречивой функцией жизнедеятельности. На одном полюсе его царил прихоть, на другом — необходимость.

Они не были и аскетами. У них оказалось богатое, разнообразное искусство. Гармонией электромагнитных колебаний они наслаждались, как люди — музыкой. Пластикой телодвижений увлекались, как люди — танцами. Архитектура и скульптура достигли у них совершенства.

Умение показать такой фильм тоже было искусством, требующим способности картинно и последовательно мыслить. Это удавалось далеко не каждому.

Луч Мысли был в этой области, кажется, виртуозом. Как истинный артист, он наслаждался своим умением и довел теперь Виктора до одури, час за часом сменяя одну за другой все новые и новые картины. Перед Виктором бесконечным потоком мелькали радостные шестивые сапиенсов, красивые города, бесконечные массивы пышных растений, какие-то игры или состязания...

Наконец Виктор запросил пощады.

— Извини, я устал, — улыбаясь, сказал он. — Я посмотрю это потом, на Земле, вместе с другими.

Картины погасли.

— Тебе, надо, отдохнуть, перед, полетом, — заботливо предложил Луч Мысли.

Виктор не стал возражать. Сейчас ему хотелось побыть одному, отдохнуть и немного помечтать.

Он подтянулся к люку космолета и еще раз взглянул

в бирюзовый полумрак. Луч Мысли неподвижно висел, нацелив на него рожки. Виктор помахал ему рукой и крикнул:

— Отдыхай! На Земле у тебя будет много работы. Спокойной ночи!

Он прыгнул в люк, с удовольствием опустился на мягкое сиденье, вытянул ноги и закрыл глаза.

Его немного лихорадило от усталости и возбуждения.

Завтра... Да, да, завтра...

Надо только предупредить сапиенсов: катер обязательно должен опуститься в районе Москвы! И тогда... Неужели это будет? Лена, Мишутка... Милые!.. Сколько им пришлось пережить! Ну, потерпите еще денек! Хорошо? Потом вы посмотрите чудесные фильмы, познакомитесь с этим белорогим талантливым артистом. Хотите? Ну, конечно же! Тем более — вместе... Интересно, как будет вести себя Мишка? Не испугается этого мертвого голоса? А Лена?..

Какой завтра начнется переполох! Крупнейшие ученые мира роем слетятся в Москву.

Завтра!.. Завтра!.. Завтра!..

Лихорадка мыслей трепала его уставший, перегруженный мозг, не давая успокоиться и уснуть. Виктор открыл глаза и стал смотреть на светящийся в темноте циферблат хронометра. Секундная стрелка бодро и неутомимо прыгала все вперед и вперед, но ей надо было обойти целый круг, прежде чем пройдет минута. Следить за ее однообразным движением было тошно. Он терпел это целый час, потом выглянул из люка. Дежурный сапиенс был здесь.

— Когда катер будет готов? — спросил его Виктор.

— Через, девять, часов.

Девять часов!..

Спать Виктор не мог. Смотреть фильмы тоже не мог. Ничего не делать, уставившись в стрелку хронометра, было невыносимо.

— Расскажи мне о вашем руководителе экспедиции, — попросил Виктор.

Луч Мысли, оказывается, был не совсем обычным сапиенсом. Его удивительный мозг чудесно совмещал в себе и неудержимый полет свободного творческого дерзания и беспощадный логический контроль выводов. Это сочетание обеспечило ему огромные успехи в научном творчестве. Его память соперничала с памятью логических машин. Его дерзость и смелость не знали пределов. Он был гордостью и надеждой всей планеты.

Недаром же его называли Луч Мысли! Он освещал мыслью тайны природы и бытия.

Это обрадовало Виктора. Именно такой сапиенс нужен был сейчас на Земле!

— Пригласи его на минутку, — попросил Виктор.

Вскоре Луч Мысли показался у перегородки. Виктор надел на голову тубетейку, вызвал картину земного шара, представил себе звездочку в районе Москвы, и она заалела на воздушной картине.

— Приземлиться нам надо здесь, — предупредил Виктор. — Запомнил?

— Аппарат, может, опуститься, в, другом, месте.

Это было понятно. Рассчитать торможение о воздух так, чтобы катер приземлился в заранее намеченной точке, для сапиенсов, не имевших точных данных об атмосфере Земли, было трудно.

— Но ты ведь можешь лететь и в плотных слоях атмосферы, вдоль поверхности Земли?

— Могу.

— Ну, вот и долетишь!

— Ты, боишься, — спросил или догадался Луч Мысли, машина ведь говорила без интонаций.

— Да!.. — решительно сказал Виктор. — Нам придется перелетать, потому что...

— Я, должен, встретиться, с ними, — перебил его Луч Мысли.

— С кем? — испуганно спросил Виктор.

— С, людьми, которые, не, приняли, Генеральный, закон, Разума.

— Нельзя! — крикнул Виктор. — Я не допущу этого! Зачем это тебе?

Машина так зачастила словами, что Виктор с трудом понимал их.

Сапиенсы нигде еще не встречали нарушений Генерального закона Разума. Закон не должен знать исключений. Иначе это не закон. Теперь на Земле сапиенсам открывался небывалый, невероятный случай.

Люди, принявшие Закон всеобщего содружества, — это не так интересно. Это закономерно, нормально, обычно. Он, Луч Мысли, должен встретиться с другими, незакономерными. Иначе он не может поступить! Это будет одним из важнейших результатов экспедиции! Может быть, самым важным.

Виктор смутился. Он, пожалуй, в своих рассказах сгустил краски. У сапиенсов, кажется, создалось впечатление, что на Земле живут вообще не разумные существа, а какие-то выродки. Что произойдет страшного, если они приземлятся где-нибудь в капиталистической стране? И там люди с восторгом и благодарностью встретят и сапиенса и его самого. Кто-то попробует прибрать их к рукам? А общественное мнение? И потом они ведь всегда смогут улететь...

— Хорошо! — быстро сказал он. — Но с одним условием!

— Что, значит, но, с, одним, условием?

— Это значит — без того, что я потребую, мы не полетим!

— Я, полечу, один.

Это было, конечно, не слишком вежливо со стороны хозяина положения, но Виктор понимал, что, разговаривая с сапиенсом на языке ультиматумов, он, пожалуй, ведет себя не слишком умно.

— Ну, я прошу тебя! Не разговаривай там ни с кем без меня!

— Почему?

— Ты многого еще не знаешь о Земле. Может случиться, что твои беседы принесут людям вред. Я постараюсь, чтобы этого не случилось.

— Я, сделаю, так, как, просишь, ты, — согласился Луч Мысли.

— Но потом мы обязательно полетим в то место, которое я показал, — предупредил Виктор.

— Я, сделаю, так, как, просишь, ты.

— Хорошо! Приземляйся, где сумеешь!

— Отдыхай, скоро, аппарат, будет, готов.

Виктор нехотя забрался в кабину космолета. На душе у него было беспокойно.

Он снова опустился в кресло.

Стрелка хронометра все прыгала вперед. Виктор молча смотрел на нее. Он не спал. Не мог спать...

* * *

...Аппарат слегка дрогнул от толчка и замер. Мертвая тишина оглушила Виктора. Сердце тяжелым камнем бухало в груди и вдруг остановилось.

Они приземлились!

Виктор медленно, с трудом протянул руку вперед, нащупал рычажок и повернул его.

Трясущимися пальцами, почти потеряв сознание, сбросил маску. Сейчас сапиенс трижды просигналит ему, и можно будет нажать кнопку. Свет раннего утра ворвется сюда, в черную тьму. Он увидит траву, небо, может быть — джунгли, или удирающих в панике антилоп, или бегущих к аппарату людей... Радостно улыбнется им, услышит шум листьев...

Все это уже здесь, за тонкой стеной, рядом.

Стены кабины вспыхнули ослепительно белым светом. Раз! Снова темнота... Тишина... Ну, ну, а еще? Два! Три!!! Кнопка... ЕСТЬ!

Верхняя часть корпуса плавно отошла назад, яркий свет и свежий утренний ветерок ворвались в кабину, и сверху открылся кусочек неправдоподобно синего неба.

Выглянув из люка, Виктор увидел поле, густо заросшее бурой травой. Над ней кое-где торчали островки кустарника с маленькими желто-красными листьями и огромные, с острыми изломами валуны. Вдали, в полукилометре, кустарник стоял высокой сплошной стеной, а за ним где-то очень далеко, как призраки, чуть колыхались в воздухе зелено-коричневые горы.

В другой стороне громоздились серые морщинистые скалы, будто подрезанные сверху огромным тесаком.

Он спрыгнул вниз, прямо в высокий кустарник. Длинные шипы впились в костюм, но не одолели плотную ткань. Виктор выбрался из куста и копнул носком сапога землю. Она была коричнево-красной и твердой. И солнце, которое,

только что поднявшись над стеной скал, уже обжигало, было совсем не московским, и не сибирским, и даже не крымским — чужим...

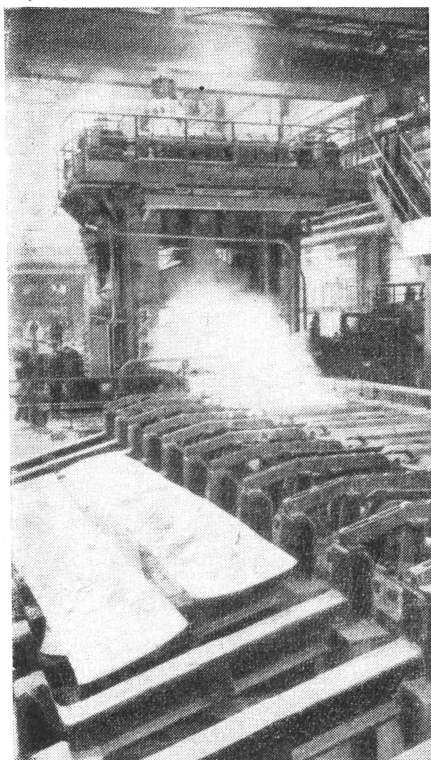
Нос катера с легким скрипом раскололся надвое, и обшивка тяжелыми крыльями повисла по сторонам, открыв шар, который возвышался теперь над полем, как на постаменте.

В шаре был Луч Мысли.

— Где мы? — спросил Виктор.

— Мы, опустились, в, центре, большого, материка, — бесстрастно загрохотала машина. В расчете на большую аудиторию сапиенсы снабдили ее очень сильным голосом. — Ты, называл, его, Африка.

Конец первой части

Этот прокатный стан не имеет себе равных в Европе. Его недаром называют широкополосным: он прокатывает слябы в листы шириной 2 000—2 350 мм. Все процессы механизированы и автоматизированы. Стан прокатывает сталь самых разных марок со скоростью до 12 метров в секунду!

Эта великолепная установка эксплуатируется на Магнитогорском металлургическом комбинате.

ПО НЕВИДИМОЙ ЛИНИИ

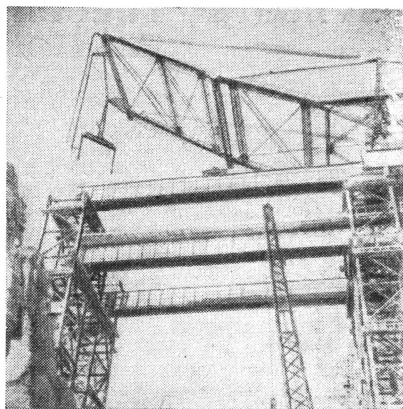
Сеялка, о которой пойдет речь, сеет квадратно-гнездовым способом: движется строго по заданной линии и в нужный момент выбрасывает в землю семена. Но напрасно было бы искать на поле, где работает сеялка, мерную проволоку: ее заменяют... ультразвуковые импульсы.

Установленный на сеялке специальный прибор подает сигналы, а другое устройство — резонансный отражатель, находящийся в начальном пункте движения агрега-

та, улавливает их и отправляет обратно. Третий прибор, также установленный на сеялке, сравнивает излученные и возвращенные импульсы. Их фазы совпадают, когда сеялка проходит заранее заданное расстояние. И тогда по команде электронного автомата срабатывает механизм посадки — без участия человека.

Систему этих электронных устройств разработал и совершенствует Институт механики Академии наук Узбекской ССР.

Стальные переплеты мощной эстакады протянулись над Ангарой. Это дорога машинам. Над буйной рекой пошел широкий поток бетона, столь необходимого для строительства Братской ГЭС. Эстакаду, высота которой 100 метров, строители возвели в небывало короткие сроки.

Летающий теплоход

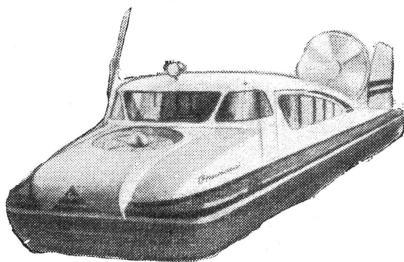
Новый теплоход, модель которого вы видите на снимке, создается для плавания по рекам... несудоходным. Впрочем, можно ли сказать «для плавания»? Ведь корабль этот летающий...

Под горизонтальную платформу, на которой разместят-

достаточным, чтобы образовать воздушную подушку — приподнять весь корабль над водой. Вот почему ему не страшны даже мелководные, с многочисленными мелями реки. Струя воздуха будет также двигать теплоход в нужном направлении. И двигать быстро — со скоростью 60—70 километров в час!

Проект корабля создан в Ленинградском центральном технико-конструкторском бюро речного флота при участии московских ученых. Его называли теплоходом на воздушной подушке. Но такое судно сможет двигаться и надо льдом

и над сушей. Очень возможно, что в будущем его назовут вездеходом. Ведь испытания модели прошли успешно.

ся ходовая рубка и пассажирские каюты теплохода, мощные авиационные двигатели направят широкий поток воздуха. Давление его окажется

ПРИБОРЫ ГОВОРЯТ, ЧТО НУЖНО РАСТЕНИЮ

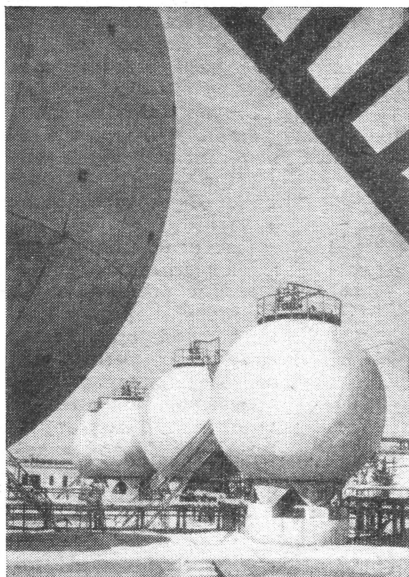
Таких замечательных помощников не было еще ни у одного земледельца. Они могут автоматически определять температуру и влажность воздуха, солнечную радиацию, потребность растений в тепле, влаге и освещении... Они могут даже предсказывать!

Вот один из них — прибор для прогноза заморозков. Он позволяет еще с вечера узнать, какая минимальная температура будет ночью. А вот специальная установка, определяющая температуру почвы на много дней вперед. Важность ее при посеве теплолюбивых культур трудно переоценить.

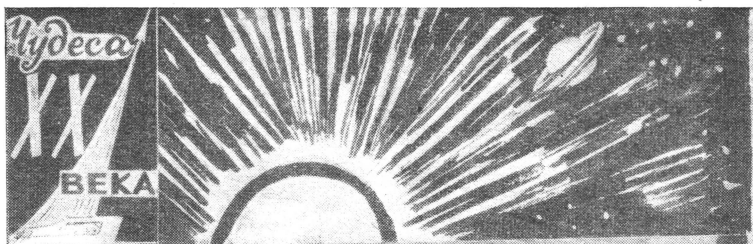
Среди других приборов — термосигнализатор, настоящее «недреманное око» парни-

ков, теплиц, хранилищ. Термосигнализатор самостоятельно, без помощи человека периодически узнает температуру воздуха в разных точках теплицы или хранилища, показывает ее на шкале, и, если температура отклонилась от заданной, прибор тотчас дает световой или звуковой сигнал.

Это лишь некоторые образцы из комплекса измерительных приборов, разработанных в научных и опытных учреждениях Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина. Чудесные помощники тружеников сельского хозяйства в нынешнем году будут широко испытаны в разных районах страны.

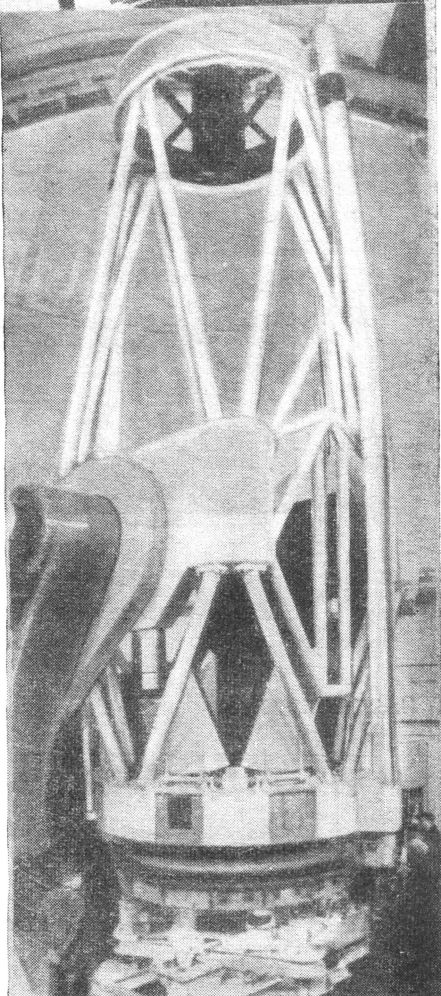

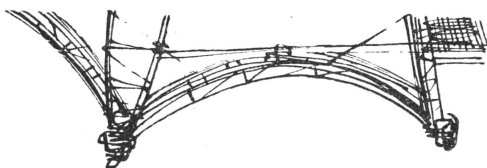
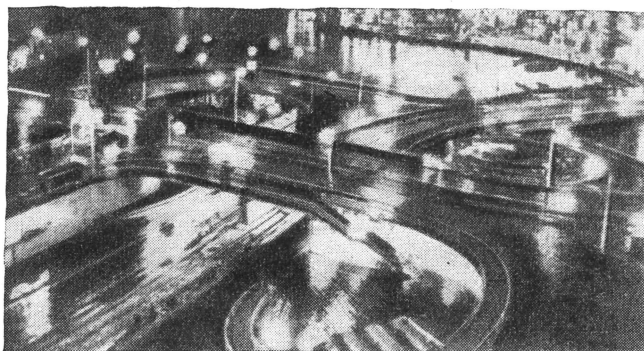
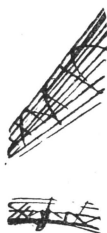
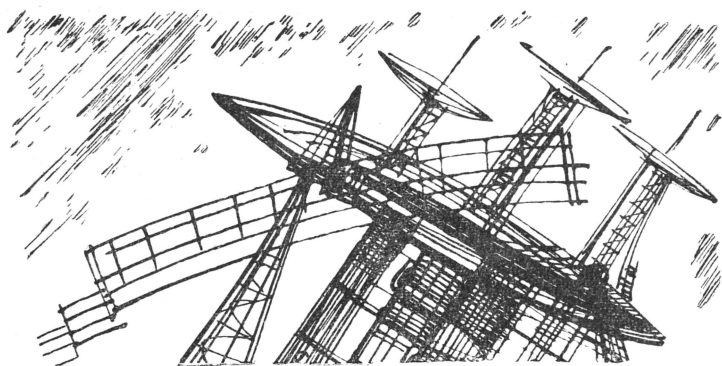
Фантастично выглядит завод синтетического каучука в Сумгаите! Этот завод — одно из крупнейших химических предприятий Азербайджана.

Что там, в отдаленных областях вселенной? Какие протекают процессы, каковы их особенности, природа? Решать проблемы современной астрофизики поможет советским ученым гигантский зеркальный телескоп, смонтированный в Крымской астрофизической обсерватории.

Новый уникальный телескоп — крупнейший в Европе. Его вес — 105 тонн, а диаметр главного зеркала — 2,6 метра. Поворот многотонной движущейся части гиганта осуществляется простым нажатием кнопки.

И. АДАБАШЕВ

НЕВИДИМКА В УПРЯЖКЕ

Электричество прочно вошло в нашу жизнь. Мы привыкли к густой сети проводов и не видим в этом ничего особенного.

Провода... Любой станок, каждая электрическая лампочка, каждый завод, фабрика или дом находятся как бы на привязи у электрической станции. Тысячами тысяч тонких и толстых щупалец соединены электростанции с городами, заводами, фабриками, селами.

Окно в будущее

Для того чтобы провести одну только линию электропередачи от Куйбышевской ГЭС до Москвы, потребуется примерно 250 тысяч тонн проводов. Для перевозки этого провода нужно 50 тысяч грузовых автомобилей. Провода — это металл. Из такого количества металла можно сделать различные станки для десятков новых крупных машиностроительных заводов.

Провода... Можно ли обойтись без них? Ведь с увеличением использования электроэнергии их паутина должна все плотнее окутывать наши города и села.

Давайте помечтаем. Давайте подумаем об одной проблеме, решение которой, возможно, освободит людей от «привязи» к электростанциям. Но сначала поговорим о... звуках и волнах.

Гудок паровоза, стрекотание кузнечика, вой пожарной sireны, человеческий голос, трель соловья — все это разные звуки. Значит, и разные звуковые волны.

Многие звуки мы не слышим совсем: наше ухо не способно их воспринять. Все звуковые воздушные волны длиннее 11 метров и короче 21 миллиметра не только невидимки, но и... неслышимки.

Звуковые воздушные волны имеют «родственников» в нашем видимом мире. Это обычные водяные волны, которые вы не один раз наблюдали на море, озере или реке.

Если взять палку, опустить один ее конец в воду и начать покачивать, то во все стороны побегут волны. Частицы воды начнут двигаться то вверх, то вниз. Образуются расходящиеся кругами небольшие водяные валы. Вдгонку за первым валом катится второй, третий, четвертый...

Расстояние от самой высокой части волны — гребня — до следующего гребня называется длиной волны. Запомните это определение: длина волны.

Водяные волны, как и звуковые, могут быть длинными и короткими. Начните качать в воде палкой часто-часто. На поверхности воды появится много мелких волн, с очень маленькими расстояниями от гребня до гребня. Затем, когда успокоится вода, попробуйте качать палку совсем медленно. Теперь по воде побегут длинные волны с большими расстояниями от гребня до гребня. Запомним: чем чаще колебания, тем меньше длина волны, чем медленнее колебания, тем больше длина волны.

Есть звуковые и есть электромагнитные волны.

Некоторые из последних видимы, и поэтому мы давно и хорошо с ними знакомы. Ведь дневной свет, все лучи: синие, зеленые, желтые, красные — это тоже электромагнитные волны определенной длины.

Мы говорили, что очень длинные звуковые волны, как и очень короткие, человеческое ухо не воспринимает. Глаз тоже видит только некоторые электромагнитные волны. Он не может воспринимать волны короче 0,40 микрона и длиннее 0,74 микро-

на. (Микрон — от греческого слова «микрос», что значит «маленький» — это тысячная часть миллиметра.)

Электромагнитные колебания, воспринимаемые человеческим глазом как видимый свет, — совсем крошечный участок среди всех прочих существующих и очень коротких и очень длинных электромагнитных волн. Этот участок не больше, чем гривенник на пути от Земли до Луны.

Электромагнитные колебания с длиной волны от 10 сантиметров до 20 километров — это радиоволны. Среди них тоже есть свои «лилипуты» и «гулливеры».

Обычно радиоволны распространяются от антенны радиостанции во все стороны. А откуда они там берутся? Радиоволны возбуждаются быстропеременным током, протекающим в антенне. Этот ток поступает к антенне от радиостанции. Радиостанция — фабрика радиоволн. Она получает обычный электрический ток, тот самый ток, что проходит по проводам к вашему дому и зажигает электрическую лампочку.

Специальная аппаратура, установленная на радиостанции, дробит этот ток как бы на мельчайшие кусочки, или, точнее говоря, делает его быстропеременным. К антенне подводится уже преобразованный электрический ток; длина его волны стала во много раз короче. Теперь он в одну секунду совершает огромное количество колебаний. Каждое колебание тока посылает свою волну. Сколько происходит колебаний в секунду, столько же возникает радиоволн, которые со скоростью света уносятся в пространство.

Итак, существует обширная семья электромагнитных волн.

Видимый свет — это тоже электромагнитные волны. Радиоволна — сестра из той же семьи. А обычный электрический ток? Это старший брат из семьи электромагнитных волн.

Мы сказали: «обычный электрический ток». Так уж принято в разговоре. В действительности обычный электрический ток имеет свое законное имя — токи промышленной частоты. Частота, количество колебаний, у них ничтожно мала: обычно 50 раз в секунду. Значит, длина электромагнитных волн должна быть очень большой. Так оно и есть: длина волны тока промышленной частоты — 6 тысяч километров.

Обычный промышленный электрический ток передается по проводам. Но мы уже знаем: стоит только часто-часто раздробить ток, сделать его быстропеременным, укоротить его волну — и при этих высоких частотах электромагнитная энергия может оторваться от проводов и уходить, излучаться в пространство.

Это уже разговор о будущем — передавать электричество без проводов! Как заманчиво в любом месте: в городе, поле, в ледяных просторах Арктики, в знойной пустыне, среди волн безбрежного моря и в труднодоступных горах — получать электричество прямо из воздуха!

«Сейчас на очередь поставлены проблемы передачи электроэнергии без проводов, — писал известный советский ученый, академик А. В. Винтер. — Исследования советских ученых в этих областях дают весьма обнадеживающие результаты».

А теперь немного пофантазируем.

Электроэнергия передается без проводов. Мощные станции укорачивают длину волны тока промышленной частоты и передают

электроэнергию на многие тысячи километров по воздуху. Электричества очень много. Оно доступно, как воздух или вода...

...По широкой блестящей каменной дороге, с легким шумом рассекая воздух, несется красивый легкой автомобиль. Он совсем не похож на современные автомобили. Верхняя часть его кузова кажется стеклянной: она сделана из прозрачной пластмассы. А вот еще одна странная особенность, которой не увидишь у обычного автомобиля: в нижней своей части он опоясан медным кольцом, ярко блестящим на солнце. Это антенна-токоприемник, при помощи которой автомобиль черпает из окружающего пространства свою долю энергии.

Быстро, один за другим мелькают километровые столбы. Шоферу нечего бояться — дорога широкая и ровная как стрела. Но вот наш чудесный автомобиль остановился у конца дороги. Дальше пути нет. На конце дороги, медленно передвигаясь, чернеют какие-то машины.

Одна из машин совсем странная. Над широкими, как у большого танка, гусеницами возвышается платформа с перилами. На платформе установлена высокая ажурная башня, увенчанная огромным зеркалом в виде полушария с какими-то изогнутыми трубами. Куда бы ни повернулась платформа, как бы ни наклонилась башня, огромное зеркало, сохраняя свое первоначальное положение, остается направленным в одну точку. Это приемная антенна электромагнитных волн. Улавливая мощный поток электроэнергии, она все время автоматически направляется в сторону передающей антенны ближайшей станции.

Рядом с передвижной приемной антенной движется другая машина, еще большая по своим размерам. Между двух рядов ее широко расставленных гусениц — сложное переплетение труб, транспортеров, больших разноцветных изоляторов и быстро вращающихся ножей. Почти прикасается к земле большой металлический ящик, из-под которого вырываются клубы серого дыма.

Это высокочастотный дорожно-строительный комбайн. Двигаясь по полю, он своими стругами, ножами и катками выравнивает и уплотняет землю, выкапывает кюветы вдоль дороги для стока воды, а затем при помощи токов высокой частоты, получаемых от передвижной антенны, плавит землю.

Пройдет такой комбайн, остынет расплавленная земля, и уже готова дорога — прочная, каменная, способная служить людям многие столетия.

В стороне от строящейся дороги протянулась длинная вереница больших четырехэтажных домов. Возле крайнего дома виднеется уже знакомая нам передвижная антенна. Такая же приемная антенна, только больших размеров, устанавливается на крыше одного из новых домов.

...Еще совсем недавно на этом месте было пустое поле. Люди нашли здесь железную руду. Нужно строить рудники, заводы, город. Приехали приемные передвижные антенны. Тут же, на месте, из песка и глины, что лежат под ногами, началось строительство каменных домов. Для этого в передвижные тугоплавкие формы стен, потолков, лестниц засыпается земля и плавится высокочастотным током.

Так же быстро, не привозя на строительство почти никаких материалов, черпая из пространства электроэнергию и используя обыкновенную землю, люди построят здесь заводские корпуса и шахты, соорудят дороги, мосты.

А приемные антенны вроде той, что устанавливается на крыше дома, дадут новому городу сколько угодно электричества. Загорятся гирлянды электрических фонарей, вспыхнут в квартирах электрические лампочки, осветится киноэкран в новом Дворце культуры. Облегчая человеческий труд, неутомимо, днем и ночью, будут работать тысячи машин и станков на новых заводах и фабриках.

Победив пространство, разорвав цепи-провода, люди запрягут в упряжку силача-невидимку — электромагнитные волны — и заставят его работать на себя.

Над поверхностью земного шара разольются сперва отдельные ручейки, затем многочисленные мощные потоки электроэнергии. Человек полностью овладеет колоссальной силой электричества. Преобразованная Земля станет цветущим садом...

Это не просто, но исполнимо. Первая задача — научиться делать большие и надежные машины для производства токов с очень короткой волной. Затем — надежные антенны-излучатели, направленно посылающие электромагнитные колебания, и надежные приемные антенны; причем последние будут тем меньше, чем больше частота передаваемого тока.

Люди не остановятся на достигнутом. Пройдут годы, и они сольют энергетические реки в моря, а моря — в океаны электрической энергии. Правильные решения будут найдены в свое время. Возможно, будет использована ионосфера — электропроводные слои воздуха, окружающие земной шар.

Можно себе представить, что все электростанции нашей планеты, которых к тому времени будет огромное количество, соединятся с ионосферой невидимыми мостиками ионизированного воздуха, способного проводить электричество. Проводники-мостики — их создадут атомные пушки, но не военные, а мирные пушки, посылающие в заоблачные высоты ионизированные радиоактивные потоки частиц.

В ионосфере образуется общемировой склад электрической энергии. В любом месте земного шара, где нужно электричество, люди при помощи таких же «пушек» будут создавать ионизированные мостики и черпать энергию из безбрежного электрического океана.

Электричество можно будет использовать вдоволь и в любом месте, в любой точке земного шара. Это поможет людям уничтожить пустыни и создать на их месте поля и сады; отогреть землю и навсегда ликвидировать вечную мерзлоту; растопить льды в северных морях и, наконец, научиться управлять погодой...

Конечно, это пока мечта, фантазия. Но человечество, живущее в мире без войн и угнетения, способно будет решать любые трудные технические задачи самого широкого масштаба.

*Научно-фантастический
рассказ*

Рисунки П. ПАВЛИНОВА

«Океан охвачен пламенем!», «Атомный взрыв или подводное землетрясение?»

Потрясающая весть облетела земной шар. Все радиостанции от Камчатки до Барселоны прервали передачу программ. В эфире тревожно прозвучало сообщение, которое, в свою очередь, поместили на первых страницах газеты всех стран:

«27 февраля, в 23 часа 45 минут, в Тихом океане, вблизи Марианских островов, на поверхности в несколько сот квадратных километров вода начала бешено бурлить. Чудовищные смерчи с адским шумом и грохотом взвивались на головокружительную высоту. Так продолжалось в течение нескольких минут».

На следующий день стали известны новые подробности. В результате катастрофы затонул большой каргобот «Сильвер Стар», плававший под пуэрто-риканским флагом. Погиб весь экипаж. Пошло ко дну и японское океанографическое судно «Тана-Мару». С него удалось спасти только трех человек: двух матросов и Номо Окава, сестру известного биолога, руководи-

ля научной экспедиции. Их спасение произошло при загадочных обстоятельствах. В момент катастрофы весь экипаж, невзирая на неимоверно высокую температуру воды, бросился за борт корабля. И только девушка, не умевшая плавать, осталась с двумя моряками на палубе. Неожиданно в воздухе появился вертолет, пилотируемый молодыми американцами — Фредом Лином и Робертом Портером, которые и подобрали несчастных...

Стая ретивых журналистов слетелась в Нагасаки, чтобы разузнать о героях этого необычного и трагического происшествия. «Когда? Как? Почему? А где вы находились в этот момент? Было очень страшно? Очень больно? Море было такое горячее, что в нем можно было свариться?» — все знают, чем интересуется буржуазная пресса в таких случаях.

Однако журналистов ждало разочарование.

На все вопросы о катастрофе Линф отсылал журналистов в Японское военное ведомство.

Журналисты были взбешены, разочарованы. Только корреспонденту газеты «Морнинг стандарт» удалось переговорить с Линфом с глазу на глаз. Но этого интервью «Морнинг стандарт» почему-то не опубликовала...

* * *

Он лежал, развалившись, в удобной качалке на палубе. Было жарко. Скуки ради в четвертый раз перечитывал подвернувшуюся под руку книгу...

Сумерки спустились внезапно. На палубе появилась Номосан, маленькая японка с нежным, точеным лицом и миндалевидными глазами.

Фреду нравилась эта девушка, но его приводили в замешательство ее сухость и строгость. Занятая всегда многочисленными химическими опытами, анализами, счетчиками Гейгера-Мюллера, она была далеко не такой, какой ее хотелось бы видеть пылкому и жизнерадостному Фреду.

Фред был в затруднении: он почти исчерпал запас комплиментов и красивых фраз, но девушка каждый раз с непринужденностью искусного дипломата меняла тему разговора.

И все же Линф не сдавался. Вот и сейчас он стремительно вскочил с качалки и отвесил девушке глубокий поклон.

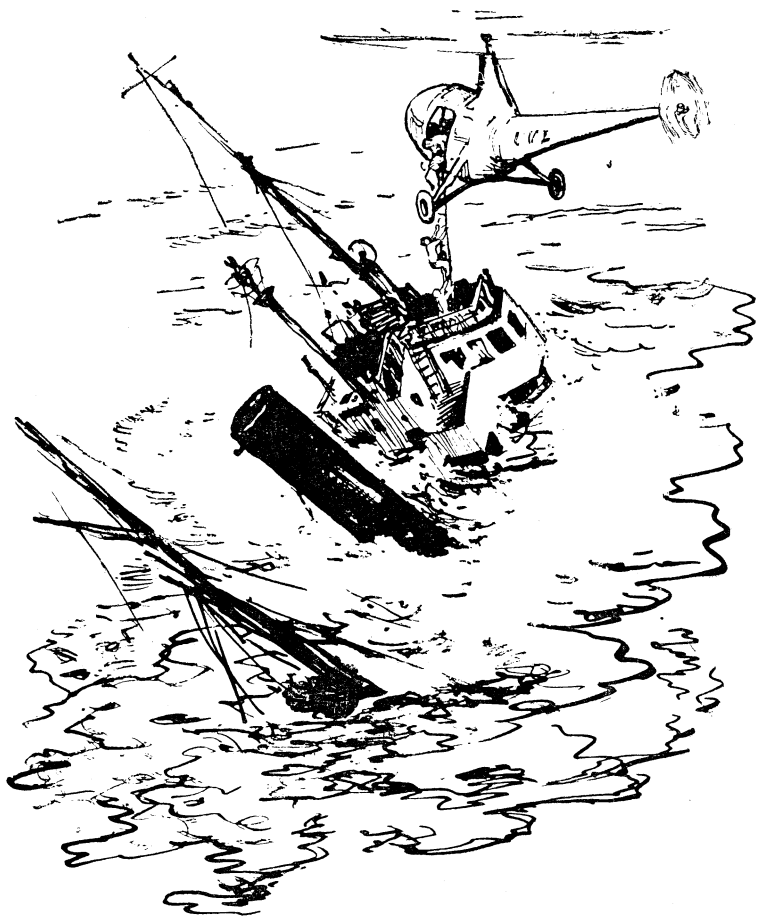
— Добрый вечер, Номо-сан!

— А, мистер Линф! Вы тоже вышли насладиться ночной прохладой? Небо словно из бархата, правда?

— Согласен с вами, Номо-сан. И знаете, бархат был бы самым подходящим одеянием для такой очаровательной девушки, как вы. У нас в Крестоне как-то на маскарадном вечере одна девушка была в бархатном платье с украшениями из блескопаутинок. Но мальчишки поотрезали эти украшения бритвенными лезвиями!

Девушка нахмурила брови. Этот высокий темноволосый человек был ей не безразличен, и, верно, поэтому его неуклюжие, порой грубые шутки доставляли ей огорчение. Она спросила сдержанно, даже официально:

— Скажите, мистер Линф, каких результатов вы достигли по-

следними измерениями? До каких глубин простирается холодное течение? Завтра утром я измерю радиоактивность воды в океане.

— Радиоактивность? Но, дорогая Номо-сан, уместно ли сейчас говорить о радиоактивности?

— Знаю, на вас наводит скуку наша вечная озабоченность и работы, связанные с проблемой радиации. Но поймите, мистер Лииф: Япония — это страна Хиросимы, страна, где и сегодня люди гибнут от ужасных последствий атомного взрыва. Я вам показывала в Нагасаки рыбаков, у которых кровь отравлена радиацией, и вы с отвращением отвернулись от них. Но мы не можем, не хотим от них отстраняться!

Прошло много лет после Хиросимы, а море и океан, окружающие острова нашей родины, продолжают оставаться радиоактивными. Опыты с атомными и водородными бомбами способствовали новому заражению атмосферы и вод нашего Ниппона¹. Для нас борьба с радиоактивностью — это проблема жизни и смерти.

Номо-сан воодушевилась. У нее даже голос стал громче и тверже. Фреди невольно опустил глаза.

Признаться, он придерживался того мнения, что японцы преувеличивают опасность. Так по крайней мере сообщалось на страницах газет, которые он читал, так неоднократно говорили дикторы ра-

диовещательных и телевизионных станций. Хиросима?.. Но ведь в Хиросиме все эти ужасы произошли в конце второй мировой войны. Говорят, это было необходимо... Так пишут в учебниках истории.

Правда, он видел тех, кто стал жертвой радиации... Эти при-

¹ Ниппон — название Японии на японском языке.

зрачные, почти фантастические существа, — жутко на них смотреть! Но ведь это последствия войны. А сегодня? Неужели еще существуют люди, совершенно лишенные совести? Нет, японцы все-таки преувеличивают.

На палубу поднялся профессор Окава, брат девушки. Окава был молод, но его научные работы в области биологии уже пользовались известностью далеко за пределами Японии. Взгляды молодого ученого совпадали со взглядами сестры, и Лииф понял, что спорить с такими серьезными противниками будет трудно. Ученый дружески протянул руку Лиифу:

— Дорогой господин Лииф, я рад, что застал вас здесь. У меня исключительная новость. Послушай и ты, Номо...

Совсем недавно океанографы с корабля «Суакотсу-Мару» изучали зоопланктон поблизости от кораллового острова Бикини в архипелаге Маршалловых островов. Там производились опыты с атомными и водородными бомбами. Так вот, эти простейшие организмы оказались в тысячу раз радиоактивнее той воды, в которой они находились. Понимаете, что это значит?

Вы знаете, что я произвожу эксперименты над одноклеточными. Сегодня кончил новую серию опытов — восемьдесят четвертую. Полученные мною данные, кажется, разрешают предполагать, что некоторые микроорганизмы обладают большой способностью поглощать радиоактивные вещества. Наблюдения показывают, что потом эти существа, видимо, каким-то образом создают оболочку, которая задерживает часть радиоактивных излучений. Об этом заставляют думать некоторые измерения.

Значит, в какой-то мере мы сможем обезвредить наши воды, если, конечно, прекратится их дальнейшее заражение... Все это, разумеется, требует дальнейшей проверки.

Фреди молчал. Он не знал, должен ли выразить восхищение научными опытами Окавы или по-прежнему сомневаться в полезности его открытий.

Внезапно раздался громкий голос вахтенного:

— Человек за бортом!

Собеседники бросились к борту, яркий луч фонаря выхватил из темноты спасательный круг, голову и плечи человека.

* * *

Неизвестного подняли на борт. Это был мужчина крепкого сложения, хорошо развитый физически, но очень сильно избитый. В течение нескольких часов судовой врач пытался вернуть его к жизни. Мужчина на короткое время пришел в себя и смог ответить на вопросы капитана, но к четырем часам утра он вновь потерял сознание и умер. Выражение ненависти застыло на измученном и жутко обезображенном лице.

Показания умершего были подтверждены подписью трех свидетелей, присутствовавших при его исповеди. Вот что записал с его слов штурман:

«Зовут меня Гарри Тэйлор, родом я из Детройта. У меня нет никакой специальности. Я выполнял любую работу, лишь бы не умереть с голоду. Последние два года я был безработным. Узнав, что в мексиканском порту Веракрус ищут рабочих, я отправился туда. Меня зачислили в экипаж большого каргобота

«Сильвер Стар». На этом корабле все было засекречено. Нельзя было узнать, какие грузы он перевозит, куда и зачем. Две недели я лодырничал, но каждую субботу получал по двадцать долларов. В одну из темных ночей, однако, нас внезапно разбудили. В порту, куда мы пришли, стояла длинная колонна автомашин. Мы сгрузили с них несколько сот металлических ящиков. Меня удивило, что в ход не были пущены подъемные тали¹, а все делалось вручную, причем в абсолютной тишине. К утру ящики были уложены штабелями в трюме, и наш корабль вышел в море. Люди, находившиеся на корабле, были охвачены каким-то непонятным страхом, с нескрываемым подозрением относились друг к другу...

Я решил непременно узнать, почему все так таинственно. В одну из своих вахт я спросил товарища, какой груз мы перевозим. Он бросил на меня взгляд, полный ужаса, и прошептал: «Держи язык за зубами, если тебе дорога жизнь...» Прошла еще неделя. В одну из ночей нам приказали поднять все ящики из трюма и сбросить их в море. Больше я не мог сдерживаться. Я отыскал зубило и крадучись спустился в трюм, где хранились ящики. Но едва я сделал несколько ударов по первому из них, как меня обнаружил какой-то матрос. Вместо того чтобы помешать мне, он с воплем бросился наверх. Потом по радио назвали мое имя и потребовали, чтобы я без промедления поднялся на палубу. Я подчинился. Наверху меня ожидали командир корабля, его помощник и несколько матросов. «Ты открыл ящик?» Я ответил отрицательно, и все с облегчением вздохнули. А потом меня стали бить. Били всем, что попадало под руку, били долго, топтали ногами. Я потерял сознание. А когда очнулся, увидел, что лежу там же, на палубе. Доведенный болью до безумия, я с трудом прополз на четвереньках к бакборту корабля, снял спасательный круг и бросился в воду, чтобы избежать новых издевательств. Это все...»

* * *

Фреди Линф стал неузнаваем. Безмятежность покинула его. Он непрестанно вспоминал несчастного Тэйлора. Что хранилось в ящиках? Почему их с такими предосторожностями и с такой таинственностью перевозили, а потом сбрасывали в море? Почему Гарри Тэйлор заплатил жизнью за свое любопытство?

И вместо того, чтобы, по своему обыкновению, проводить свободное время, растянувшись в качалке, Линф целые дни в глубокой задумчивости мерил крупными шагами палубу. Книга, которую он перечитывал, давно полетела за борт. Трубка в зубах молодого гидролога не гасла ни на минуту.

Номо-сан бросала на Линфа озабоченные взгляды; профессор Окава несколько раз пытался завести с ним разговор, но Фреди отвечал невпопад.

Однажды утром, когда судно находилось в нескольких милях от острова Кюсю, испуганный вахтенный матрос сообщил profes-

¹ Тали — система блоков для подъема тяжести.

сору Окава, что с корабля исчезла одна из моторных лодок. Спустя некоторое время выяснилось, что вместе с ней исчез и гидролог Фреди Линф.

* * *

Для Фреди не представляло трудности получить место на каргоботе «Сильвер Стар». Корабль должен вот-вот выйти в дальнее плавание, а экипаж еще не был полностью укомплектован. Линф получил задаток и на вопрос капитана, что он с ним сделает, сообщил, что незамедлительно превратит его в виски. Такой ответ пришелся по душе и капитану, которого звали Фортунато, и его помощнику Моррису.

Фреди поселился в одной каюте с Робом Портером. Это был мужчина лет сорока, худой, жилистый, с рыжеватой шапкой густых волос и всегда влажными глазами. По специальности пилот, но из-за пьянства лишился диплома летчика.

На «Сильвер Стар» он совершал третий по счету рейс.

— Если ты благоразумный человек, — сказал Линфу как-то Портер между двумя глотками спиртного, — то не будешь жалеть, что работаешь с нами. Только я хочу предупредить тебя об одном: не суй нос не в свое дело... Ну, будь здоров! Был у нас на корабле один... Тэйлор! Вечная ему память!..

Портер умолк и опасливо посмотрел вокруг. Фреди не вызывал его на дальнейший разговор. Он был уверен, что бывший пилот знал меньше его.

Наступила ночь погрузки. Потом было дано распоряжение поднять якорь. Фреди целыми днями вертелся среди матросов и старался перехватить обрывки разговоров, но все его попытки узнать хоть что-нибудь были безуспешны.

Однажды после вахты он остался на палубе — не хотелось идти в каюту. Ночь выдалась темная, душная, и иллюминаторы в каюте капитана были открыты. Из каюты слышались голоса. Капитан Фортунато разговаривал со своим помощником Моррисом и судовладельцем Джибарезом. Чувствовалось, что собеседники возбуждены.

— Мы должны, наконец, изменить маршрут, господин Джибарез, — заявил капитан. — Нас могут заметить, а это будет не в ваших интересах...

Судовладельца Джибареа Линф видел всего несколько раз и потому не сразу узнал его голос.

— Безусловно, меня это меньше всего устраивает, Фортунато. Но другого выхода нет. И быть не может. В договоре ясно сказано: «Ящики будут потоплены в водоемах коралловых островов Бонин». Так на какой же дьявол мне неприятности? И без этого у меня голова идет кругом! Только я один знаю, что мне пришлось пережить из-за того типа, который пытался шпионить. С тех пор мне дано строгое распоряжение сопровождать все транспорты и неустанно следить за экипажем. И это только потому, что вы, Фортунато, не в состоянии подобрать надежных людей!

Капитан задержался с ответом:

— Это может случиться с каждым. Важно, что я поймал его с поличным и заставил во всем сознаться... Но маршрут

все равно должен быть изменен. Мы с таким же успехом можем топить ящики и в другом месте океана... И разве сможет кто-нибудь нас проконтролировать?

— Вы говорите глупости, Фортунато! Атомная корпорация каждую секунду знает, что делаете вы, я или Моррис. Ну, а теперь скажите откровенно, почему вы так настаиваете, чтобы ящики были сброшены в другом месте?

В разговор громко вмешался помощник капитана:

— У капитана достаточно серьезные мотивы! Речь идет не только о том, чтобы нас не видели, а... а... о смертельной опасности, которая подстерегает.

— Ну, вот тебе и раз! Снова возвращаемся к старой песне, снова разговоры об опасности! Я объяснял вам уже не раз: ящики непроницаемы. Они изготовлены из сплава свинца, бериллия и других — дьявол знает, каких металлов! А глубины водоемов Бонин, как вам известно, превышают девять тысяч метров! И потому радиоактивные остатки не могут причинить никакого вреда.

Моррис зарычал еще сильнее:

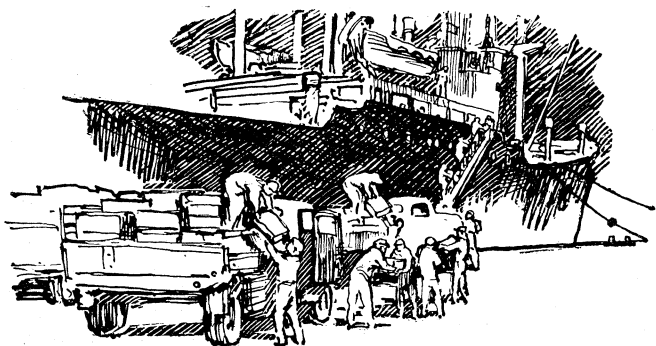
— Но есть еще одна вещь, о которой вы не знаете, господин Джибарез. В этом районе часты подводные землетрясения: Ящики станут тонкими, как лезвия для бритвы, и будут расплющены, а радиоактивные отходы распространятся повсюду. Все будет заражено! Решительно! Я лично предпочел бы плавать даже в нитроглицериновом океане, чем на таком корабле, как наш. И это потому, что, пока мы выйдем из этой зоны, радиация проникнет в наш организм, в нашу кровь — в мою, капитана и в вашу, господин Джибарез! Это будет ужаснейшая смерть — медленная, мучительная. Это будет хуже проказы!..

Фреди почувствовал щемящую пустоту в желудке... Покачнувшись, зацепился за какой-то железный бак. Он загремел. Голоса в каюте смолкли.

Короткая пауза — и вопль капитана:

— Эй, кто там?..

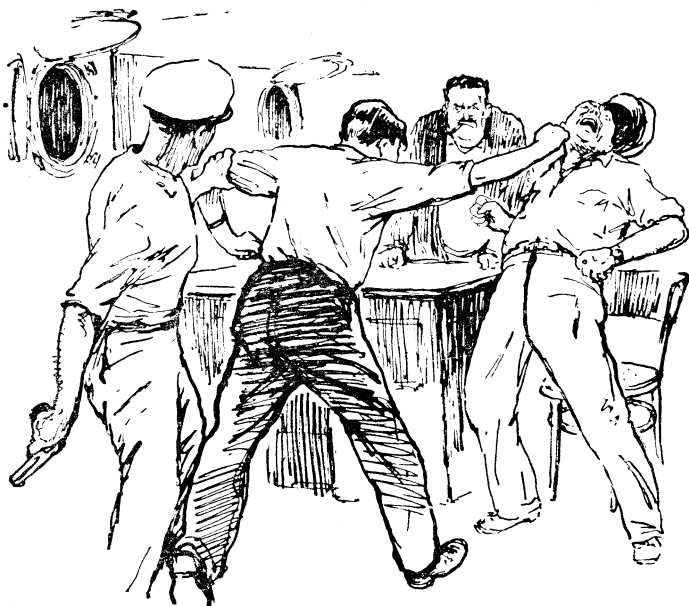
Несколькими прыжками Лииф достиг трапа и бросился в свою каюту. Он не заметил, как обронил впопыхах желтый носовой платок.

Портер сидел, сгорбившись, на своей койке и вполголоса напевал популярную морскую песенку.

— Роб, послушай меня, я узнал! Ты знаешь, какой груз находится на «Сильвер Стар»? Радиоактивные отходы...

Портер широко зевнул:

— Ну и что же?

— Как «ну и что же»?! Мы бросаем в воду радиоактивные отходы!

— Подумаешь, важность!.. Ты отлично знаешь, что вода меня совершенно не интересует.

— Портер! Роб! Я хочу знать, ты притворяешься идиотом или ты в самом деле идиот? Ведь это же самая подлая вещь, какую только можно себе представить! Послушай-ка меня внимательно, я тебе все объясню. В атомных лабораториях остаются отходы, которые не могут найти никакого практического применения. И все же они обладают мощной радиоактивностью. Они заражают почву, из которой трава получает живительные соки: корова поедает зараженную траву, и ее молоко становится радиоактивным. Ребенок, который пьет это молоко, болеет тяжело и долго, и в конце концов наступает ужасная смерть...

— В таком случае они очень правильно поступают, выбрасывая эти отходы в воду.

— Портер, глупый ты! Пойми, наконец!.. Эти остатки обычно хранятся в очень глубоких бетонированных погребах, которые затем наглухо замуровываются. Но, как видно, хозяев атомных предприятий этот способ не устраивает... Он требует слишком больших расходов. И они просто-напросто выбрасывают эти остатки в океан. Но они не решаются использовать для этого воды вблизи своих стран и потому отправляют эти отходы сюда, в Тихий океан...

— И?.. — Портер стряхнул с себя безразличие.

— В этом районе часты подводные землетрясения. При первом же из них ящики будут расплющены, а содержимое... Ну, а содержимое... Ты понял, наконец? Воды будут заражены, и миллионы людей окажутся в смертельной опасности! Портер, мы должны что-нибудь предпринять! Мы должны помешать этому!

— Оказать им сопротивление? Наивный ты человек! Помешать... Но как?

— Мы должны рассказать всему миру о том, что узнали! И тогда они не посмеют продолжать свои дьявольские дела.

— Ну, допустим. А как быть с ящиками, которые уже сброшены в океан? Опасность продолжает существовать, ее же никак нельзя устранить.

— Нет, можно, Портер. Я знаю человека, который может это сделать. Во всяком случае, пытается. Профессор Окава... Преступление не должно продолжаться. Нужно положить конец преступлению. Роб, ведь ты пилот! На борту корабля есть геликоптер. А что, если ночью?..

Фреди замолчал, потому что дверь в каюту неожиданно и резко распахнулась. Появился помощник капитана, держа в руке шелковый желтый платок.

— Это твой? — Он остановился в дверях и стоял неподвижно до тех пор, пока Фреди не кивнул головой.

Тогда Моррис сделал шаг вперед и, вынув из кармана револьвер, крикнул:

— К капитану, вперед марш!

Фортунаато нервно кусал губы. Джибарез с мертвенно-бледным лицом бросал на капитана взгляды, полные ненависти и презрения.

— Второй шпион, — процедил он сквозь губы. — Ты мне дорого за это заплатишь, Фортунаато...

Капитан поднялся со стула и приблизился к Линфу. Сжал кулак и тяжело ударил его в лицо. Линф зашатался, но тут же ответил ударом, отбросившим капитана к стенке каюты. В этот момент Моррис, стоявший за спиной Линфа, с размаху ударил его по голове рукояткой револьвера. Фреди почувствовал острую боль, зашатался и рухнул. Фортунаато еще несколько раз ударил его ногой.

* * *

Когда Фреди пришел в себя, он услышал чей-то тихий шепот:

— Линф, это я, Портер. Ты пришел в себя? Они приставили к тебе Вилькинса для охраны, но я угостил его виски, и теперь он спит. У нас нет времени для размышлений. Я все подгото-

вил. В баке вертолета есть горючее. Обоспись на меня. Так... А теперь пошли! Быстро!

Линф попробовал идти, но не смог и застонал от боли. Тогда Роб поднял его и почти на руках дотащил до вертолета. Все это продолжалось не больше минуты. Портер усадил Фреда в кабину и завел мотор. Машина поднялась в воздух.

При шуме мотора вахтенный не двинулся с места. Такой уж был порядок на корабле: не вмешиваться в дела, которые не касаются тебя лично. А когда капитан и Джибарез выскочили на палубу, вертолет поднялся уже на высоту более ста метров.

Револьверные выстрелы не достигли цели...

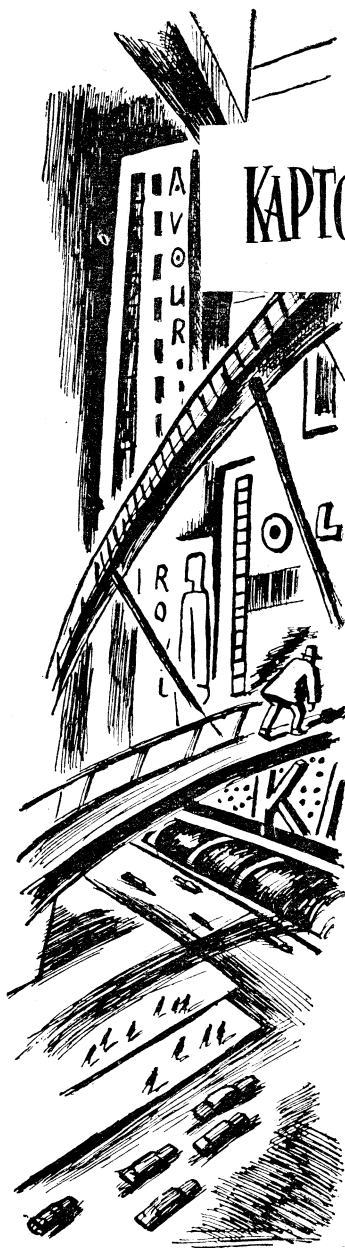
* * *

Вот об этих-то ужасных событиях и рассказал Линф в своем интервью корреспонденту «Морнинг стандарт», которое так и не было опубликовано. На вопрос журналиста о его планах на будущее Линф ответил: «Вскоре мы вместе с Номо Окава отправимся в новую экспедицию». И добавил: «Цель нашей экспедиции будет сводиться к тому, чтобы попытаться хоть в малой степени очистить воды архипелага Бонин от радиоактивности. Мы пойдем по пути, проложенному профессором Окава, который погиб на своем посту, и постараемся довести его дело до конца. Мы добьемся успеха».

Сокращенный перевод с румынского М. ГРИНЯ

КАРТОЧНЫЙ ДОМИК

Рисунок М. РОГИНСКОГО

Деньги! Деньги!.. — кричала жена. — Ты губишь себя, Вилли. Вырвись с биржи и поедem куда-нибудь, где мы будем чувствовать себя людьми.

Он захлопнул дверь квартиры и поморщился от пронизавшей его боли в печени. Двери лифта раздвинулись, и лифтер, поклонившись, сказал:

— Доброе утро, мистер Борн. Сегодня отличная погода.

— Очень приятно, Сэм, — сухо ответил Борн. — Меня только что накормили отличным завтраком.

Сэм не знал, как это воспринять, и ограничился слабой улыбкой.

— Что новенького на бирже, мистер Борн? — спросил он, когда лифт остановился на первом этаже. — Мой двоюродный брат, он учится на летчика, посоветовал мне разделиться с акциями Лунных развлечений. А в «Биржевом журнале» они записаны в растущие.

Борн ответил:

— Даже если бы я знал, я все равно бы вам ничего не сказал. Вам нечего делать на бирже. Особенно если вы думаете, что там можно играть, как в рулетку.

Пока он ехал в машине до конторы, его не покидала

мысль о том, что Сэму, миллионам Сэмов нечего делать на бирже. Но они там были, и это они создали Великий бум 1975 года и на его гребне вознесли В. Дж. Борна и К^о. Но сколько это будет продолжаться? При этой мысли у него снова закололо в печени.

Приехал он в 9.15. Контора уже была бурным водоворотом. Пошелкивали вычислительные машины, на информационных досках мерцали цифры, сновали курьеры, распространяя самые последние новости с бирж Лондона, Парижа, Милана, Вены. Скоро к ним присоединятся Нью-Йорк, Чикаго и Сан-Франциско.

Может быть, сегодня как раз наступит день краха?.. Может быть, в Нью-Йорке начнется падение акций Лунных шахт и разработок? Может быть, Чикаго нервно отзовется падением Объединенных товаров, и Урановые рудники Ута заодно с ними полетят вниз? Может быть, паника на Токийской бирже вслед за получением известий из Соединенных Штатов, паника, переданная с восходящим солнцем в Вену, Париж, Милан, Лондон, на следующий день штормовой волной ударится в Нью-Йоркскую биржу?

«Карточный домик, — думал Борн. — Щелкни по одной карте — и упадут все. Может быть, это случится именно сегодня?»

Мисс Иллинг записала ему в блокнот уже дюжину звонков от его личных, самых важных клиентов. Он не обратил на них никакого внимания. В ответ на ее «доброе утро» сказал:

— Соедините меня с мистером Лорингом.

Лоринг долго не подходил к телефону. Так долго, что у В. Дж. Борна внутри все перевернулось. Хотя он знал, что, когда Лоринг работает, он глух и нем ко всему. Лоринг упрям, невежлив, неблагодарен, но умеет работать. Поэтому приходится его терпеть.

Наконец голос Лоринга резко зазвучал в трубке:

— Кто говорит?

— Борн! — рявкнул он. — Как дела?

Последовала долгая пауза. Потом Лоринг ответил безразличным тоном:

— Я всю ночь работал. Думаю, что я это поймал.

— Что вы хотите сказать?

— Я сказал, что хотел сказать. По-моему, я это поймал. Я послал часы, кошку и клетку с мышами на два часа. Они все в порядке вернулись обратно.

— Вы хотите сказать?.. — хрипло начал Борн и облизал губы. — Сколько лет? — спросил он уже спокойнее.

— Мыши мне ничего не сказали, но я думаю, что они провели в 1977 году два часа.

— Я немедленно еду к вам, — оборвал его Борн.

Когда он выбегал из конторы, служащие с удивлением смотрели на него.

А что, если Лоринг врет?.. Нет! Полгода он сосет деньги, но с того самого момента, как он ворвался в контору Борна со своим проектом «машины времени», ни разу не соврал. С грубой откровенностью Лоринг признавал свои неудачи, сомневался, что проект когда-либо осуществится. Но теперь, радовался Борн, это оказалось лучшей ставкой, какую он когда-либо делал в своей жизни. Шесть месяцев и четверть миллиона долла-

ров — двухгодичное предсказание рынка стоило миллиарда. «Четыре тысячи к одному, — торжествовал он, — четыре к одному!» Два часа на то, чтобы узнать, когда взорвется Великий бум 1975 года. Потом, вооружившись информацией, обратно в контору — скупать акции до самого конца бума, а затем, на вершине его, все вовремя распродать и остаться богатым навсегда.

Он взбежал на чердак Лоринга.

Лоринг явно переигрывал роль незаинтересованного наблюдателя. Увидев Борна, он с усмешкой сказал:

— Хотите заглянуть в свое будущее?

— Не валяйте дурака, — оборвал его В. Дж. Борн. — Покажите-ка мне эту штуку.

— Вот, — сказал Лоринг и указал на телефонную будку. — Я раздобыл ее на свалке. Она замечательно сюда подошла.

В лаборатории ровно гудели аккумуляторы. Они не изменились со времени последнего визита. Высокий аккумулятор Ван де Граафа, так же, как и всегда, казался атрибутом третьеразрядного боевика. Тридцать квадратных футов вакуумных ламп и сопротивлений выглядели убогим клубком. Новая деталь обстановки — телефонная будка без телефона — привлекала внимание Борна. Медный диск, укрепленный на ее потолке, был соединен с остальным оборудованием лаборатории толстым кабелем. Пол будки походил на кусок полированного стекла.

— Хотите посмотреть испытание на мышах? — спросил Лоринг.

— Нет, — ответил Борн, — я хочу сам попробовать. Вы думаете, я зря платил вам деньги?

Переведя дух, он спросил:

— Вы гарантируете безопасность?

— Послушайте, Борн, — ответил Лоринг, — я ничего не гарантирую. Я думаю, что если вы вернетесь до истечения двух часов, вы попадете обратно в настоящее. Но я повторяю: вам лучше всего вернуться до истечения двух часов. Иначе вы можете попасть в тот же участок пространства, где будет находиться движущийся автомобиль, а в таком случае результат будет похож на взрыв водородной бомбы.

В. Дж. Борн вдруг почувствовал, что у него закололо в печени.

— Что нужно мне знать еще? — выговорил он с трудом.

— Ничего. — Подумав минуту, Лоринг добавил: — Вы первый пассажир, заплативший за билет.

— Тогда поехали?

Проверив еще раз, не забыл ли он захватить записную книжку и надежную авторучку, Борн вошел в телефонную будку.

Лоринг закрыл дверцу, усмехнулся, помахал рукой и исчез, буквально исчез, хотя Борн, не отрываясь, смотрел на него.

Тогда Борн распахнул дверцу и крикнул:

— Лоринг, какого черта вы?!

Но Лоринга на чердаке не было. Генераторы молчали. Лампы были темны и холодны. На всем был слой пыли и легкий затхлый запах.

Он выскочил из лаборатории и бросился по ступенькам вниз... «Мне дано только два часа», — подумал он и посмотрел на часы. Они показывали 9.55, но солнце явно говорило, что начи-

нается вечер. Он еле удержался, чтобы не схватить за рукав проходившего мимо школьника и не спросить его, какой сейчас год. Увидев газетный киоск, Борн бросился к нему быстрее, чем когда-либо за последние годы. Бросив продавцу десять центов, он схватил «Пост». На газете стояла дата: «11 сентября 1977 года». Значит, все в порядке!

Борн перевернул страницу газеты, чтобы посмотреть на финансовые новости. Лунные шахты и разработки шли по 27, Ураниум — по 19, Объединенные товары — по 24. Катастрофически низко! Кризис наступил.

Он снова посмотрел на часы. 9.59. Прошло уже четыре минуты. А ему надо быть в будке в 11.55. «Это будет хуже водородной бомбы», — вспомнил он слова Лоринга.

— Такси! — кричал он, размахивая газетой.

Машина остановилась у тротуара.

— Публичная библиотека, — сказал Борн, откидываясь на сиденье и снова разворачивая «Пост».

Первый заголовок гласил: «25 тысяч безработных участвуют в демонстрации за увеличение пособия по безработице». Конечно, так и должно быть. Узнав, кто выиграл президентские выборы 1976 года, Борн от удивления открыл рот. Господи, да у него не было бы никаких шансов, если бы он попытался выставить свою кандидатуру в 1975 году. «Новая волна преступлений», — говорит комиссар полиции». «Блондинка манекенщица зарезана в ванне. Ищут таинственного друга». Заинтересовавшись фотографией манекенщицы, он прочел заметку на две колонки, оплаченную компанией по производству трикотажных изделий, до конца. «В общем перемен не так уж много», — подумал Борн.

И вдруг он заметил, что машина стоит. Она попала в густой затор. Время было 10.05.

— Шофер! — крикнул он.

Испуганно обернувшись, шофер пытался успокаивающе улыбнуться — ведь во времена кризиса никак нельзя потерять клиента.

— Все в порядке, мистер. Через минуту мы выберемся отсюда. Все машины с магистрали сворачивают тут, и поэтому получается пробка. Но это на пару минут. Сейчас поедем.

Через минуту они и вправду поехали, но только для того, чтобы через несколько секунд остановиться снова. Такси двигалось рывками. Борн нервно мял в руках газету. В 10.13, бросив на сиденье шоферу деньги, он выскочил из машины. В 10.46 по его часам, запыхавшись, он, наконец, добрался до библиотеки. По времени, которого придерживался весь мир, в конторах кончался рабочий день. Борн попал в поток девушек, одетых в короткие юбки и удивительно широкополые шляпы.

Потом он заблудился в мраморных просторах библиотеки и дебрях собственной паники. Когда он нашел отдел периодики, его часы показывали 11.03. Борн выпалил девушке за столиком:

— Подшивку «Биржевого журнала» за 1975, 76 и 77-й годы.

— У нас есть микрофильмы за 1975 и 1976 годы и отдельные номера за этот год.

— Тогда скажите, в каком году разразился кризис? Я ищу именно это.

— В 1975, сэр. Вам принести микрофильм?

— Подождите, — остановил он ее. — Вы случайно не помните месяц?

— По-моему, это было в марте, или августе, или что-то вроде этого.

— Тогда принесите мне за весь год, — сказал он. — За тысяча девятьсот семьдесят пятый.

Его год, его настоящий год. Сколько у него осталось времени? Месяц? Неделя? Или..

— Подпишите, пожалуйста, карточку, — терпеливо повторила девушка у него над ухом. — Здесь аппарат для просмотра микрофильмов. Садитесь, пожалуйста, и я вам принесу пленку.

Он расписался, подошел к единственному свободному в ряду аппарату и сел. В его распоряжении оставалось пятьдесят минут. Борн ждал. 11.10, 11.15, 11.20.

«Это будет похуже водородной бомбы», — мысленно повторил он и почувствовал, как у него по лбу льется пот.

Печень измучила его. Наконец появилась девушка. Она осторожно несла катушку 35-миллиметровой пленки и дружелюбно улыбалась Борну.

— А вот и мы!

Девушка вставила пленку в аппарат и нажала кнопку.

— Боже мой, — сказала она, — нет тока! Я же говорила электрику...

Борну хотелось закричать и затопать ногами.

— Посмотрите, в том ряду освободился аппарат.

Руки и колени у Борна дрожали, но он дошел до него и посмотрел на часы — 11.27. Оставалось двадцать семь минут! На экране возник знакомый заголовок: «Биржевой журнал», 1 января 1975 года».

— Вы просто поверните ручку, — сказала девушка и показала ему, как это делается.

По экрану забегали тени, сливаясь воедино. Девушка вернулась к своему столику.

Борн прокрутил фильм до апреля 1975 года — месяца, который он покинул девяносто одну минуту назад, и до 16 апреля, того самого дня, из которого он прибыл. Тени на экране были той самой газетой, которую он читал сегодня утром: «Синтетика повышается на Венской бирже».

Дрожа, он перешел к образам будущего. «Биржевой журнал» 17 апреля 1975 года. Трехдюймовая шапка кричала: «Ценности падают в мировом кризисе! Банки закрываются, клиенты штурмуют залоговые кассы».

Внезапно он почувствовал, что совершенно спокоен: он застрахован от ударов будущего. Выключив аппарат, он твердыми шагами прошел сквозь мраморные залы. Теперь все было в порядке. Двадцати шести минут вполне достаточно, чтобы вернуться к машине. У него в запасе несколько часов на бирже. Его собственные деньги будут в полной безопасности. Он снимет с крюка и своих личных клиентов.

Поймав такси, он без задержек добрался до чердака старого дома № 70 на Весте. В 11.50 по своим часам вошел в телефонную будку и закрыл дверь.

А в 11.54 заметил резкую перемену в силе солнечного света, который пробивался сквозь запыленные стекла лаборатории, и

спокойно вышел из будки. Снова был апрель 1975 года. Лоринг крепко спал у газовой горелки, на которой кипел кофе. Борн выключил газ и тихо спустился по лестнице. Лоринг был упрямым, ненадежным молодым человеком. Но это он дал возможность В. Дж. Борну побывать в будущем и собрать урожай своего счастья.

Вернувшись в контору, Борн вызвал брокера и твердо сказал:

— Кронин, слушайте внимательно. Я хочу, чтобы вы немедленно продали все акции и все, что у меня есть лично, и тут же получили на все заверенные чеки.

Кронин неуверенно произнес:

— Вы не сошли с ума, шеф?..

— Не теряйте ни минуты и регулярно докладывайте мне обо всем. Привлеките к этому всех своих помощников. Все остальные дела бросьте.

Отдав такое распоряжение, Борн легко и вкусно пообедал у себя в кабинете и приказал никого к нему не пускать, кроме брокера. Кронин докладывал, что распродажа идет нормально,

ЧЕЛОВЕКА НАДО БЕРЕЧЬ

В европейских странах есть немало хороших законов, охраняющих растения и животных. В Альпах, например, нельзя сорвать эдельвейс — полицейские наблюдают за туристами, а в Англии нельзя выбросить кошку на улицу. Но, к сожалению, на человека столь гуманные законы не распространяются. И вот какие из-за этого случаются парадоксы. Одна семья в Англии была выселена за то, что задержала квартирную плату. Но с семьей жило 27 кошек! И домовладелец, который, не задумываясь ни на минуту, выбросил вон людей, вынужден был оставить в квартире кошек.

Нет, конечно, человека надо беречь — эту формулу любят повторять на Западе.

что Борн, наверно, все-таки рехнулся, что неслыханное требование заверенных чеков вызывает тревогу и, наконец, что все указания мистера Борна выполнены. Борн приказал немедленно доставить ему все чеки.

Через час они прибыли. Борн вызвал курьеров из расчета по курьеру на каждый банк и роздал им чеки. Он приказал им получить деньги наличными, арендовать сейфы необходимых размеров в тех банках, где он не имел их раньше, и поместить в них деньги.

Затем ему пришлось позвонить в банки, чтобы подтвердить свои распоряжения. Борн был на «ты» по крайней мере с одним вице-президентом в каждом из банков, и это ему сильно помогло.

В. Дж. Борн почувствовал себя счастливым человеком. Откинувшись в кресле, он впервые за весь день посмотрел на информационную доску. Нью-Йорк закрывался с резким падением. Чикаго был еще хуже. Сан-Франциско был неустойчив. И пока он смотрел, вспыхивающие цифры в графе Сан-Франциско начали падать. Через пять минут это было головокружительным падением в пропасть. Звонок, возвестивший закрытие биржи, задержал катастрофу.

Борн позвонил жене, что домой не вернется, — поехал ужинать в ресторан. Потом снова зашел в контору и посмотрел на доску, которая показывала положение на Токийской бирже, и еще раз поздравил себя, так как цифры говорили о панике и разорении. Карточный домик рушился.

Вечером он отправился в свой клуб, где и провел ночь. Рано утром, позавтракав в одиночестве, в пустом еще ресторане, Борн поехал в свою контору. Мелкие брокеры уже приехали и возбужденно гудели, собравшись кучками в вестибюле и у лифтов.

— Как вам это нравится, Борн? — спросил один из них.

— То, что поднимается, должно опускаться, — ответил тот. — Я-то в безопасности.

— Я об этом уже слышал, — сказал его собеседник, и в его взгляде Борн уловил зависть.

Информационные доски в зале рассказывали печальную повесть о биржах Вены, Парижа, Милана, Лондона. В зале уже сидело несколько клиентов, и ночные дежурные были заняты, принимая по телефону указания к открытию биржи.

Борн улыбнулся одному из своих служащих и выдал из себя редкую шутку:

— Хотите купить залоговую контору, Виллард?

Виллард взглянул на доску и сказал:

— Нет, спасибо, мистер Борн. Но я вам очень благодарен, что вы обо мне не забываете.

Большинство служащих собралось рано. Кризис чувствовался в воздухе. Борн приказал им в первую очередь сделать все возможное для его личных клиентов и поднялся к себе в кабинет.

Звонок открытия биржи явился сигналом начала фантазмагорин. У мелкой биржевой сошки не было никаких шансов противостоять величайшей в истории биржи катастрофе. Борн получил некоторое удовлетворение оттого, что распорядительность его служащих уменьшила потери его личных клиентов. Очень важный банкир позвонил с утра Борну и предложил ему участвовать в займе, который должен был поддержать рынок. Борн

сказал «нет», зная, что никакие займы не удержат Лунные шахты и разработки от падения. Банкир резко повесил трубку.

Мисс Иллинг спросила:

— Вы примете мистера Лоринга? Он здесь, в приемной.

— Пусть войдет.

Лоринг был смертельно бледен. В кулаке он сжимал номер «Биржевого журнала».

— Мне нужно немного денег, — сказал он.

Борн покачал головой.

— Вы же видите, что здесь творится, — ответил он, — с деньгами туго. Мне было очень приятно сотрудничать с вами, Лоринг, но я думаю, что наступило время прекратить наше сотрудничество. Я уже истратил на вас чистых четверть миллиона и не предъявлял вам никаких претензий в процессе...

— Все эти деньги ушли, — хрипло сказал Лоринг. — Я еще не оплатил это чертово оборудование, и десятой части его! Я вложил все свободные деньги в акции. Я потерял сто пятьдесят тысяч за сегодняшнее утро. Все мое оборудование разберут и увезут. Мне нужно немного денег.

— Нет! — рявкнул Борн. — Абсолютно нет!

— Сегодня днем приедут на грузовике за моими генераторами. Я купил акции. Они росли в цене. И вот... Мне нужны были деньги, чтобы продолжать работу, мне нужен был резерв для этого. Я должен достать денег.

— Нет! — повторил Борн. — В конце концов я тут ни при чем.

Длинное лицо Лоринга было совсем близко.

— Так ли это?.. — крикнул он и бросил на стол газету.

Борн прочел знакомый заголовок: «Биржевой журнал», 17 апреля 1975 года. Ценности падают в мировом кризисе. Банки закрываются. Клиенты штурмуют залоговые кассы».

На этот раз он не так спешил, как вчера в библиотеке.

«Мировое резкое падение ценностей съело миллиарды бумажных долларов с тех пор, как оно началось,—незадолго до закрытия Нью-Йоркской биржи. Не предвидится конца катастрофическому потоку приказов продавать. Опытные наблюдатели пришли к общему мнению, что массовая распродажа акций на Нью-Йоркской бирже вчера вечером В. Дж. Борном из В. Дж. Борн и К⁰ явилась окончательным ударом по буму, который теперь уже стал достоянием истории. Банки были подкошены...»

— Так ли это? — кричал Лоринг. — Так ли это?..

Его глаза стали бешеными, когда он протянул руки к тонкой шее Борна.

«Карточный домик», — мелькнуло у Борна сквозь боль. Ему удалось достать до кнопки звонка на столе. Мисс Иллинг вошла и завизжала. Выбежала она, чтобы вернуться с парой мускулистых вышибал. Но было уже поздно...

Перевод с английского И. МОЖЕЙКО

Замечательные успехи Советской страны в завоевании космоса вызвали волну восхищения во всем мире. В адрес партийных и правительственных организаций, газет и журналов, а также лично Герою Советского Союза майору Гагарину поступают поздравления и подарки от рабочих Англии, Чехословакии, Америки, Польши, Франции, Болгарии, Дании, Румынии и из многих других стран земного шара.

На с н и м к е: Юрий Алексеевич рассматривает миниатюрную шахтерскую лампочку, любовно сработанную горняками Шотландии.

Сувениры, сувениры...

Я верю, что многие читатели "Искателя" в будущем полетят гораздо выше, чем я. Им удастся побывать на планетах нашей Солнечной Системы. А, может быть, кто-нибудь из них проникнет даже в иные Галактики.

Желаю искателям удач, интересных приключений — и поменьше опасных происшествий на пути в Космос.

Толуганов
08.05.61.

В ГОСТЯХ У ЮРИЯ ГАГАРИНА

Здесь все просто. Просто, как прост и скромен хозяин этой квартиры.

— «Вокруг света»?!. Знаю. Конечно, знаю. Еще юношей читал этот журнал.

Слышать эти слова из уст человека, который облетел вокруг света за сто восемь минут, — такая встреча интереснее любой фантастики.

...Разговор заходит о том, как Юрий Алексеевич нашел свою дорогу в космонавтику.

И опять та же известная ныне всему миру чистая, добрая улыбка:

— Моя дорога была простая. В нашей стране такие дороги открыты тысячам и тысячам парней и девушек. Главное, знать, что хочешь. Я хотел летать и, право, не думал, что мне выпадет такая честь — стать первым космонавтом. Главное, помоему, — это упорство. Оно нужно на любой дороге. Ведь и геологом стать нелегко. И настоящим мастером бурения, и настоящим металлостом.

— Что вы понимаете под словом «настоящим»?

— Настоящий — это тот, кто крепко любит свое дело, верит в него и хочет добиться вершины.

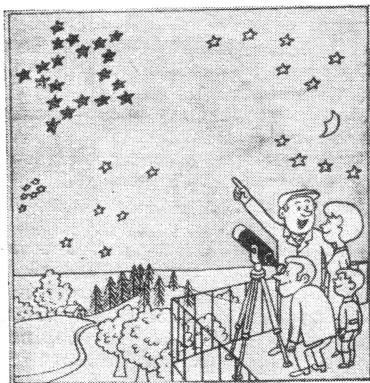
Это нужно людям любой специальности. И ясно, что на пути своем человеку предстоит преодолеть немало всякого рода трудностей, но преодоление их — подлинная радость труда. Труды настоящего...

Теперь по рассказам Юрия Алексеевича весь мир знает, как выглядит наша планета с высоты более 300 километров, и черное, очень черное небо, и радужный ободок вокруг шара, и необычайный блеск звезд.

— Я уже говорил, что, увидев землю из космоса, я подумал: до чего же красив наш земной шар и как важно, чтобы все люди заботились о преумножении красот земных и чтобы тем, кто думает о разрушении, не было в мире пути.

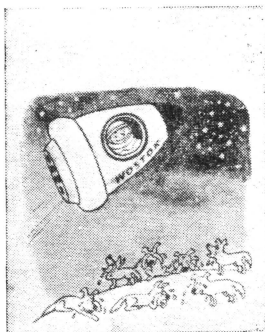
Естественно, что разговор перешел на темы космические, на успехи других стран в освоении межзвездных пространств. Юрий Алексеевич задумался и сказал:

— Очень хочется побывать и на Луне и заглянуть на таинственную Венеру... Верю, что человек сможет осуществить это в недалеком времени. Теперь и за океаном появился свой космонавт. Правда, успехи ученых США трудно сравнить с тем, чего добились наши ученые. Но мне приятно приветствовать мужество американского коллеги. Думаю, что в мирном соревновании, в великом поиске мы, советские люди, и дальше будем на ролях ведущих, а ведомых пусть станет больше.

Небо поздравляет!

Из иностранного юмора

Уволены.

**В. В. ПАРИН, профессор,
действительный член Акаде-
мии медицинских наук**

НА ЗВЕЗДНОЙ ДОРОГЕ — ЧЕЛОВЕК

(Несколько слов о космической биологии)

Рассказ о космической биологии мне хочется начать с воспоминания. Это было всего несколько десятков лет назад, но кажется сейчас непомерно далеким.

Я помню, как в дни моего детства где-нибудь над ипподромом или над лугом неподалеку от города демонстрировались полеты первых аэропланов — шатких сооружений из деревянных реек, тросиков и миткаля. Какой восторг они вызывали! А сейчас это трудно себе представить.

Всего за сорок-пятьдесят лет человек овладел воздушным пространством Земли — тем «пятым океаном», на дне которого мы живем. И, летая всё выше, дальше и быстрее, он с каждым десятилетием все настойчивее мечтал о рейсе в космос. «Человечество не останется вечно на Земле, — предсказывал гениальный Циолковский, — но в погоне за светом и пространством сначала робко проникнет за пределы атмосферы, а затем завоюет себе все околосолнечное пространство...»

А что ждет человека за пределами земной атмосферы? Какие опасности там его подстерегают, какие факторы будут влиять на его жизнедеятельность во время космического рейса? Что нужно для того, чтобы сохранить его жизнь и работоспособность в космосе?

Авиационная медицина ответить на эти вопросы не могла: она обладала сведениями о жизнедеятельности человека при полетах в пределах все того же «пятого океана». Должна была родиться новая наука. И она родилась. Имя ее — космическая биология.

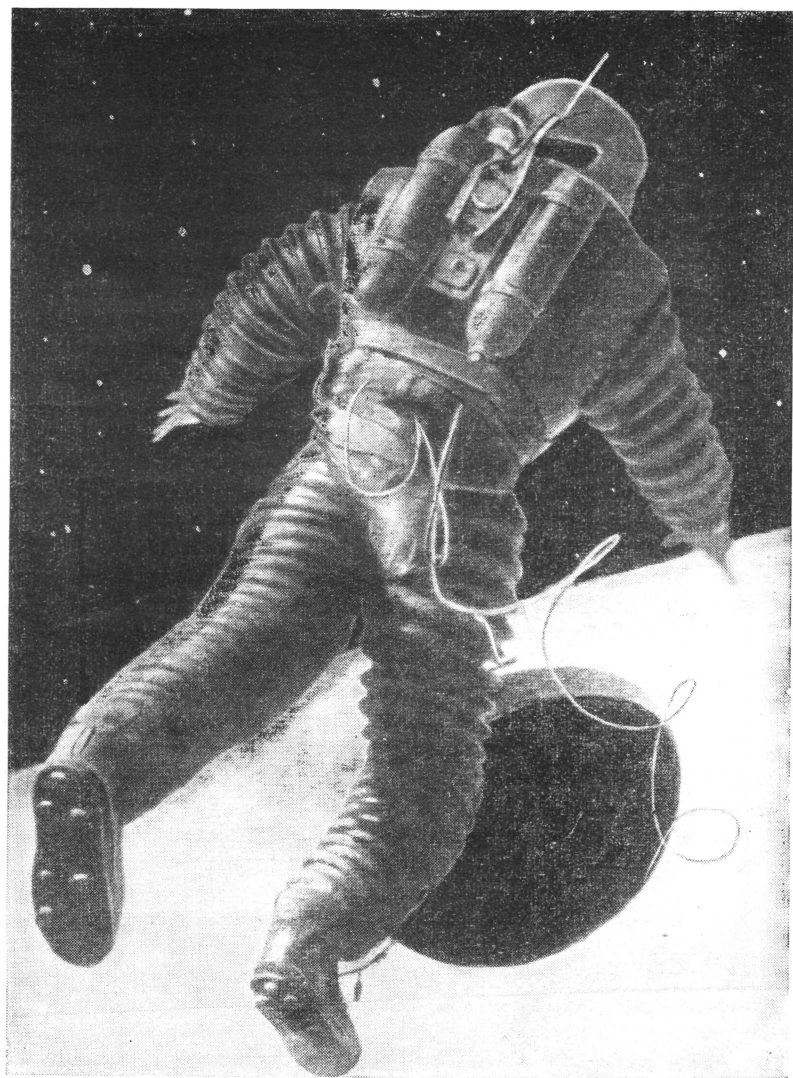
Без прочных теоретических основ, разработанных К. Э. Циолковским, не было бы ракетостроения. Без ракетостроения не могла бы развиваться и космическая биология. Самые первые шаги новой науки были связаны с ракетами.

Конечно, и в лабораторных условиях с помощью специальных установок можно искусственно воспроизвести некоторые факторы космического полета: перегрузки, шумы, вибрации, пониженное барометрическое давление. Но очень трудно обеспечить одновременное действие этих факторов (а в полете они действуют одновременно) и совсем невозможно создать в лаборатории некоторые из них: длительное состояние невесомости, например, или различные виды радиации, встречающиеся в космосе.

Вот почему опыты на Земле позволяли только приближаться к изучению явлений, возникающих в живых организмах при космических полетах. Что же должны были делать ученые, дабы узнать, каково фактическое действие факторов космического полета на живые организмы, имеется ли опасность для их существования и какие меры надо принимать, чтобы надежно защитить их жизнь во время полета и при возвращении на Землю? Разумеется, экспериментировать, исследовать, проводить опыты. Где? На больших высотах. Каким образом? С помощью ракет. А над кем? Над животными.

Когда-то Иван Петрович Павлов полушутя, полусерьезно заметил, что собака вывела человека в люди. Сейчас мы можем сказать, что собака оказала человеку еще одну неоценимую услугу — была его первым разведчиком в космосе. Ускорение на активных участках полета и связанные с ним перегрузки, состояние невесомости и влияние космической радиации — как все это перенесет живой организм? Опыты на собаках имели первостепенное значение хотя бы потому, что у них реакции кровообращения и дыхания на изменения внешней среды примерно такие же, как у человека.

Первая страница космической биологии была написана в 1949 году, когда доктор медицинских наук В. И. Яковлев и профессор В. Н. Чернов стали проводить опыты с подъемом животных на большие высоты. Но в этой странице оказалось немало пробелов. Почему? Да потому, что, во-первых, ученые могли наблюдать подопытных животных только перед полетом и после него, когда те приземлялись на парашютах. Во время самого полета, в самое важное время, животные выпадали из-под наблюдений исследователей. Во-вторых, слишком кратковременны были

эти первые рывки ракетных аппаратов за пределы земной атмосферы. Что можно в таких условиях узнать, например, о влиянии длительного состояния невесомости на организм? Но спустя всего несколько лет ученые, работавшие в области космической биологии, получили возможность экспериментировать в таких лабо-

раториях, о которых совсем недавно могли мечтать только фантасты.

Я говорю об искусственных спутниках Земли, оснащенных чудесными радиотелеметрическими системами. Вот уже несколько лет эти автоматические станции, двигаясь по орбитам в околоземном и солнечном пространстве, передают на Землю научную информацию о свойствах и составе космической радиации, плотности метеорного вещества, интенсивности магнитного поля и многие другие сведения, знание которых совершенно необходимо для научного обоснования безопасного полета человека в космос. Благодаря искусственным спутникам Земли и их совершенному оборудованию ученые получили возможность вести широкое научное наблюдение за подопытными животными, длительное время находящимися в космосе, даже видеть их на телевизионных экранах!

3 ноября 1957 года была открыта еще одна страница космической биологии. В этот день на втором советском искусственном спутнике Земли в космос отправилась Лайка.

К тому времени уже было установлено, что условия, необходимые для жизни животных в космосе, в течение нескольких часов могут быть созданы при помощи герметических кабин регенерационного типа. Лайка помещалась в такой кабине, оснащенной приборами для регулирования температуры, давления и газового состава воздуха.

Для регенерации воздуха использовались высокоактивные химические соединения. Количество вещества, участвующего в реакциях, регулировалось автоматически. Была в кабине создана и система принудительной вентиляции — ведь в условиях невесомости конвекция воздуха отсутствует. Для обеспечения животного в полете пищей и водой в кабине располагалось приспособление, заполненное желеобразной массой, — в ней содержалось необходимое количество основных пищевых веществ и воды. Наконец на борту второго искусственного спутника находилась малогабаритная надежная автоматическая аппаратура для исследования физиологических функций. С помощью радиотелеметрической системы научная информация передавалась наземным измерительным станциям.

Лайка летела в космосе, а ученые на Земле регистрировали частоту ее пульса, электрокардиограмму, частоту дыхания и двигательную деятельность животного!..

Впервые в истории человечества удалось изучить поведение животного в условиях длительного состояния невесомости. Оказалось, что оно не вызывает сколько-нибудь заметных расстройств основных физиологических функций животного. Системы обеспе-

чения жизнедеятельности и контрольно-измерительная аппаратура во время выведения спутника и движения его по орбите работали нормально. Нужно ли говорить, какое фундаментальное значение имели все эти результаты!

А потом советские конструкторы создали замечательные системы, обеспечивающие безопасный спуск космических лабораторий в заранее намеченной местности. Теперь необходимо было решить еще ряд сложных проблем. Во-первых, получить дополнительные сведения о влиянии длительной невесомости и переходных состояний от невесомости к перегрузкам при возвращении корабля на Землю. Во-вторых, выяснить, какое воздействие космического излучения возможно на организм во время полетов. Тут был один путь — отправить в космос возможно большее число разнообразных биологических объектов и длительное время исследовать их после полета в точных условиях земных лабораторий.

Второй космический корабль-спутник, этот «ноев ковчег» века ракетоплавания, электроники и автоматики, поднял за пределы земной атмосферы такой многочисленный экипаж: собак Белку и Стрелку, лабораторных мышей, морских свинок, а также семена растений, проростки семян, микроорганизмы.

Наиболее простым представителем живых организмов на этом корабле был бактериофаг, невидимый даже в обычный микроскоп. Ученым важно было знать, как изменятся его свойства под действием космических излучений.

Одним из «кирпичиков», входящих в состав живых организмов, является ДНК — дезоксирибонуклеиновая кислота, — она имеет важное значение для передачи наследственных признаков. Это химическое соединение тоже было послано в космос.

Плодовые мушки довольно чувствительны к действию лучистой энергии. Важно, что их можно было взять в полет достаточно много: это позволяло проверить, случайны или закономерны полученные результаты. У мышей исследовали костный мозг, чувствительный к действию лучистой энергии.

Белка и Стрелка были наиболее высокоразвитыми животными на борту второго корабля-спутника. Полгода после полета велись за ними наблюдения. Было установлено, что собаки без всяких последствий перенесли ту дозу радиации, которую они получили в космосе.

Опыты, исследования, наблюдения... Самые разнообразные, но в конечном итоге направленные к одной великой цели — человек и космос.

Мы узнали многое: что ускорение на активном участке полета переносится без каких-либо вредных последствий, что довольно

длительное состояние невесомости вполне переносимо, что на определенной высоте полета уровень радиации сравнительно невелик и, по-видимому, не опасен. В этих же экспериментах была отработана и система научного врачебного контроля: ученые создали аппаратуру, которая прошла успешные испытания в космических рейсах на кораблях-спутниках.

Все изученное было проверено еще и еще раз, и человек получил «визу» на вылет в космос.

ПЕРВЫЙ ОПЫТ

Космическая биология, подготовившая полет человека в космос, обогатилась новыми ценнейшими научными данными в период подготовки космонавта и во время самого полета.

Да, предварительно удалось узнать многое, но тем не менее задача была трудна и не имела прецедента в прошлом. Надо сказать, что при всей сложности она была значительно облегчена замечательным творческим трудом самого космонавта, ставшего подлинным научным работником и соавтором общего труда многих ученых.

Специальную задачу представляла разработка методов объективного контроля за состоянием человека. Ученым удалось разработать единую систему контроля за состоянием физиологических функций, в особенности дыхания, кровообращения, как в предстартовый период, так и во время полета.

Особую проблему представляла подготовка человека в предстартовый период. Усиленный медицинский контроль, специальное питание, систематические исследования в наземных условиях методами, предназначенными для полета, — все это обеспечило единство и преемственность в получении ценнейшей научной информации, а также дало возможность получить необходимые отправные данные для дальнейшего анализа явлений, характеризующих реакцию организма человека в полете.

Исследование биотоков мозга, мышц, подробные электрокардиографические исследования, векторкардиография и многое другое обеспечили нужный объем и глубину необходимого контроля за состоянием здоровья космонавта в предстартовом периоде. Наряду с этим велось постоянное медицинское и психологическое наблюдение, проводились биохимические, иммунологические пробы, тесты, контролирующие нервно-эмоциональное состояние космонавта.

В течение всего полета Юрия Гагарина осуществлялся непрерывный врачебный контроль за его состоянием. Кроме сообще-

ний о самочувствии, передаваемых им периодически по радио, врачи и физиологи с помощью радиотелеметрических систем наблюдали за пульсом и дыханием первого человека, находившегося в космическом пространстве.

Большой опыт, накопленный биотелеметрией — новым направлением науки, соединившим в себе самые последние достижения медицины и радиоэлектроники, 12 апреля 1961 года был поставлен на службу человечеству. Трудно переоценить значение объективных данных биотелеметрии в обеспечении безопасности полета. В комбинезон космонавта были вмонтированы простые и удобные датчики, которые преобразовывали физиологические параметры, биотоки сердца, пульсовые колебания сосудистой стенки, дыхательные движения грудной клетки в электрические сигналы.

Специальные усилительные и измерительные системы обеспечили выдачу на радиоканалы импульсов, характеризующих дыхание и кровообращение на всех этапах полета.

Первый опыт применения биотелеметрии для врачебного контроля во время космического полета человека оказался успешным. Следовательно, работа наших ученых в этой области идет по правильному пути.

Предварительные данные, полученные при обработке радиотелеметрической информации, показывают, что с врачебной точки зрения полет Юрия Гагарина протекал исключительно хорошо. Изменения пульса и дыхания на активном участке полета и участке спуска были примерно такими же, как во время многочисленных тренировок. В условиях невесомости пульс и дыхание стали почти нормальными.

Это значит, что человек может нормально переносить условия космического полета, выведения на орбиту и возвращения на Землю, что в условиях невесомости космонавт полностью сохраняет работоспособность, координацию движений, ясность мышления. Первый в истории человечества рейс в космическое пространство, осуществленный советским космонавтом Ю. А. Гагариным на корабле-спутнике «Восток», позволил сделать вывод огромного научного значения — полет человека в космос возможен.

ЗАВТРА...

Три основные задачи стоят перед космической биологией. Первая — узнать, как будут себя чувствовать земные обитатели в космических рейсах, — успешно решается. И самое яркое тому свидетельство — блистательный полет Юрия Гагарина.

Конечно, изучение космоса с помощью автоматических научных станций будет продолжаться. Они разведчики человека на его звездной дороге. Но познание — это творчество, дело человеческого разума, незаменимого никакими автоматами. Человек сам хочет заглянуть под облачный покров таинственной Венеры, выяснить загадку марсианских каналов и собрать гербарий тамошних растений, побывать на Луне. Речь идет о длительных космических путешествиях.

Для их успешного осуществления надо сделать еще многое.

Вокруг Земли существуют два пояса высокой радиации. Необходимо точно узнать, насколько опасны они для человека. Если опасны, то как защитить космонавта от действия радиации при неизбежной для вылетов в дальний космос необходимости пробиться через эти барьеры? Видимо, здесь надо очень основательно решать задачу радиационной защиты человека. Для этого понадобится и защитная оболочка самого корабля и специальный защитный костюм самого космонавта. Или другое. Нам уже известны некоторые вещества, содержание которых в организме повышает его устойчивость к радиации, — значит, перспективна также химическая и фармакологическая защита. Наконец установлено: человек значительно лучше переносит радиацию, когда его жизнедеятельность понижена. Может быть, со временем удастся создать такие вещества, которые позволят человеку долгое время находиться в состоянии как бы «замороженном». Поиски идут...

А невесомость? Это совершенно необычное для всех земных существ состояние, видимо, потребует еще очень и очень пристального изучения. Есть основания думать, что длительная невесомость может оказаться небезопасной. Привыкнув к ней в дальнем космическом рейсе, воспринимая ее как новое естественное состояние, человек при возвращении на родную планету пострадает от неизбежных при приземлении перегрузок. И родная стихия Земли с ее тяготением может оказаться для него роковой. Продумываются различные варианты способов замены земного притяжения на космическом корабле. Один из возможных путей состоит в придании кораблю постоянного вращения для создания определенной центробежной силы.

Ждут своего решения и вопросы «космической» гигиены, важная проблема создания на борту корабля замкнутой экологической системы, то есть, по существу, создания своего маленького мира с полным кругооборотом веществ за счет использования биологических свойств растений и микроорганизмов.

Со временем должны быть решены еще две основные задачи космической биологии: разгадка тайн жизни других планет и

выяснение тех широких горизонтов, которые новая наука раскрывает перед медициной и биологией. Космическая биология должна помочь нам узнать и о том, что встретит космонавт-путешественник на других планетах, каковы на них физические условия. Сейчас разрабатываются новые научные способы, с помощью которых можно полнее исследовать физико-химические условия атмосферы Марса и Венеры, улучшается методика, позволяющая изучать поверхность других планет солнечной системы. Дальние трассы исследуют сначала автоматические ракеты с разнообразными приборами, затем их пройдут животные, а потом уже полетит человек.

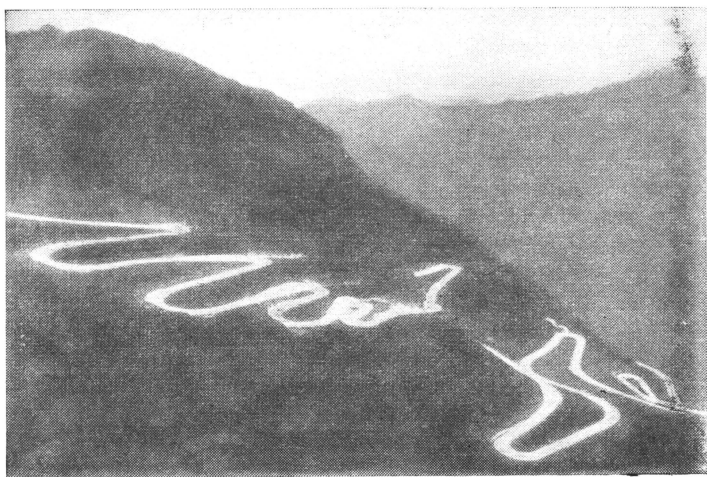
Но только ли в звездные дали направлена космическая биология? Нет, конечно. Развиваясь все полнее и разностороннее, она поможет людям и в решении многих «земных» проблем. Больше того, здесь уже получено много интересного.

Прежде всего это касается медицины. В космосе, например, побывали различные штаммы кишечной палочки, постоянного спутника человека. Ученые наблюдают, изменилась ли деятельность этих микроорганизмов в условиях космического полета и после него. Такой же полет совершили и клетки раковой опухоли.

Известно, что при изучении рака медицина широко использует культивирование раковых клеток на специальных питательных средах, вне организма. На раковые клетки действуют самыми различными способами и выясняют, какие воздействия тормозят их рост, какие вызывают гибель, а какие, наоборот, стимулируют их жизнедеятельность. Вполне вероятно, что разные дозы космического излучения могут по-разному влиять на жизнедеятельность раковых клеток. И очень возможно, что нащупать новые пути борьбы с этой болезнью медицине поможет космическая биология.

Еще одно. Посылая в космос штаммы грибов — продуцентов антибиотиков, мы, вероятно, сумеем изменять их свойства, а значит, получать новые, еще неизвестные на Земле разновидности антибиотиков. Нужно ли говорить, какое громадное значение имеет это для развития медицины!

Залог познания новых миров и развития «земной» медицины и других естественных наук — вот что несет в себе космическая биология, наука, перспективы которой так же безграничны, как просторы космоса.

ТУРИСТАМ НУЖНА ОПЕКА

Поездка через перевал Сен-Готард в Альпах — модный туристский маршрут. Целые полчища автомобилей движутся по извилистой дороге. Даже по ночам не прерывается их поток, и тогда свет фар сливается в одну светящуюся полосу.

Но вблизи зрелище это не столь привлекательно. Аварии и заторы — настоящее бедствие на этой трассе.

Швейцарский клуб туристов ввел поэто-

му на Сен-Готарде круглосуточное автопатрулирование.

Патрули буксируют поврежденные при столкновениях машины, растаскивают автомобили при заторах, сменяют за рулем тех туристов, у которых крутые повороты вызывают головокружение.

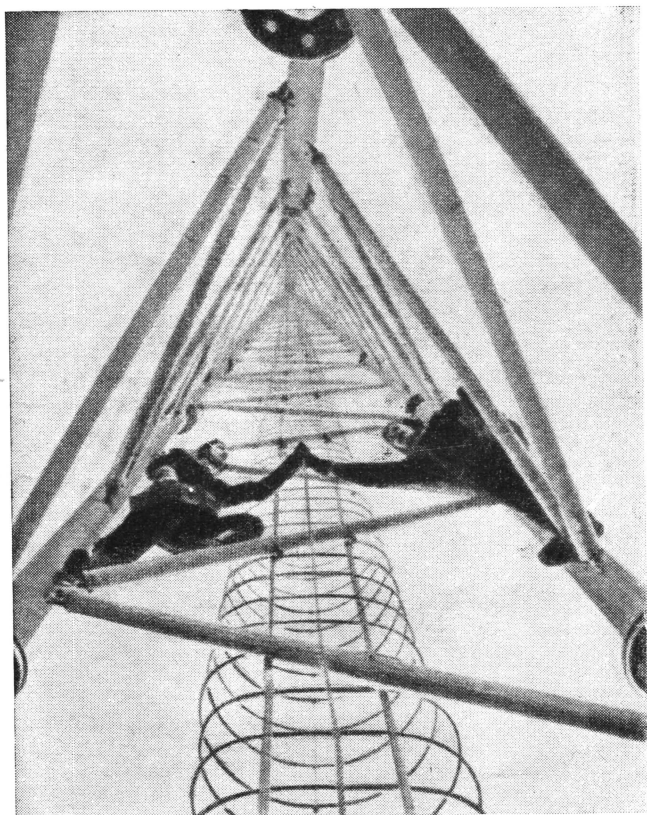
Бывают месяцы, когда к помощи патруля прибегает до тысячи путешественников.

ЗАКАЛЯЙСЯ!

Водные лыжи — любимый летний спорт многих. Но водные лыжи зимой!

Это спорт самых закаленных, тех, кто не боится жестокого ветра, снега и неожиданных ледяных купаний. Пока водные лыжи зимой еще новинка, но с каждым годом к этому виду спорта приобщается все больше и больше людей. На снимке: спортсмены на зимнем Рейне.

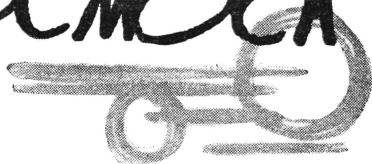
Этот снимок сделан в Швеции, на строительстве телевизионной башни, одной из самых высоких в мире. Самая высокая — 520 метров! — воздвигается сейчас в Москве.

ФРАНСИС КАРСАК

РОБИНЗОНЫ КОСМОСА

Рисунки Н. ГРИШИНА

ПРОЛОГ

Я не собираюсь описывать здесь историю катастрофы или завоевания Теллуса. Мне просто хочется рассказать о своей жизни. Пройдет пять-шесть столетий, и тогда моя книга будет ценным документом, ибо это рассказ свидетеля, который собственными глазами видел Великое Начало.

В те дни мне шел всего двадцать третий год — целых шестьдесят лет пронеслось с тех пор, как стремительный

Некоторые главы из этого фантастического романа были напечатаны в одном из номеров журнала «Вокруг света». В «Искателе» роман будет публиковаться в трех номерах с небольшими сокращениями.

поток. Я знаю, что стал ниже ростом, движения мои утратили былую четкость, я быстро устаю, и меня уже мало что интересует в жизни, разве только дети, внуки да, пожалуй, еще геология. Руки мои слишком дрожат, чтобы писать, а потому я диктую своему внуку Пьеру, диктую повесть о единственной, неповторимой человеческой судьбе. Я тороплюсь. Лишь временами я останавливаюсь передохнуть и подхожу к окну; за ним колыхнется на ветру пшеница. На какой-то миг мне кажется, будто я снова у себя на родной Земле, но потом я приглядываюсь и вижу, что деревья отбрасывают две тени...

I. ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

В то лето мы с моим братом Полем решили провести отпуск в Альпах, у нашего дяди Пьера Бурна, директора новой обсерватории. Гигантское зеркало ее телескопа диаметром в пять с половиной метров позволяло отныне французским астрономам соперничать с американскими коллегами. Вместе с дядей работал его помощник Робэр Менар, поразительно скромный, несмотря на свои огромные знания, сорокалетний холостяк, и два дядиных ученика — Мишель и Мартина Соваж.

Мы с братом сели в поезд вечером и уже на следующий день часа в четыре пополудни прибыли на место. Нас ожидали: высокий блондин стоял возле автомашины и махал нам рукой. Он представился:

— Мишель Соваж. Ваш дядя извиняется, что не смог вас встретить, но у него важная и срочная работа.

Машина резко набирала скорость.

— Что-нибудь новое среди звездных туманностей? — спросил мой брат.

— Скорее уж во всей вселенной. Вчера вечером я хотел сфотографировать туманность Андромеды — там есть одна недавно открытая звезда. Расчет был сделан, я включил автоматику большого телескопа, но, к счастью, из любопытства заглянул в «искатель», маленькую подзорную трубу, укрепленную параллельно с большим объективом. И что бы вы думали — туманность Андромеды оказалась на восемнадцать градусов в стороне от своего нормального положения! Я ее еле отыскал...

— Как странно! — живо откликнулся я. — Вчера перед отъездом астроном Верилак говорил мне...

— Значит, он вернулся? — перебил Мишель.

— Да, с Непгуна. Так вот, он говорил, что либо они ошиблись в расчетах, либо что-то отклонило ракету на обратном пути.

Мы болтали, а машина быстро мчалась по долине. Рядом с шоссе бежала железная дорога.

— Что, поезд идет теперь до самой деревни?

— Нет, эту линию проложили недавно к заводу легких металлов.

— Завод большой?

— Пока здесь триста пятьдесят рабочих. Должно быть по крайней мере вдвое больше.

Начался серпантин: дорога поднималась к обсерватории, которая стояла на вершине невысокой горы. У ее подножия приютилась высокогорная долина с маленькой прелестной деревушкой. Чуть выше деревни виднелся поселок из стандартных домиков, сгрудившихся вокруг завода. Вдаль за гребни гор уходила линия высокого напряжения.

— Ток подают заводу, — объяснил Мишель. — Для него и построили плотину. Мы получаем электричество от этой же линии.

Возле самой обсерватории расположились дома, где жили мой дядя и его помощники.

— Сегодня вечером за столом соберется большая компания: ваш дядя, Менар, вы двое, мы с сестрой, биолог Вандаль...

— Вандаль? Я же его знаю с самого детства! Он старый друг нашей семьи, мой учитель.

— А с ним его коллега из Медицинской академии, знаменитый хирург Массакр.

— Ничего себе имечко для хирурга! — сострил мой брат Поль. — Массакр. «Убийство»! Не хотел бы я у него оперироваться... Бр-р-р!

— И напрасно. Он лучший хирург Франции, а может быть, и всей Европы. Кстати, кроме Массакра, будет один его друг и одновременно ученик, антрополог Бреффор.

— Тот самый, что занимается патагонцами?

— Да. Так что, хоть дом и велик, все комнаты заняты. Едва машина остановилась, я побежал в обсерваторию и постучался в кабинет дяди.

— Кто там?! — рявкнул он, но, увидев меня, смягчил ся. — Ах, это ты! Ну, подойди, подойди...

Он поднялся из кресла во весь свой гигантский рост. Таким я вижу его и сейчас: седая шевелюра, седые брови, из-под которых сверкают горящие как угли глаза, и матово-черная борода.

— Добрый день! — скромно послышалось из угла.

Я обернулся: худенький Менар стоял за своим столом, заваленным листками с алгебраическими формулами. Это был щуплый человечек в очках, с козлиной бороденкой и огромным морщинистым лбом. Под столь незначительной внешностью скрывался человек, свободно владеющий дюжиной языков, самые дерзкие теории физики и математики были ему так же ясны, как мне геологические горизонты в окрестностях Бордо. С этой точки зрения мой дядя, превосходный исследователь и экспериментатор, не годился Менару в подметки. Зато вдвоем они составляли могучую пару в области астрономии и атомной физики.

Стрекот машинки заставил меня обернуться к другому углу.

— И впрямь надо тебя представить, — проговорил дядя. — Мадемуазель, познакомьтесь: мой племянник Жан, шалопай, неспособный проверить цифры даже в ресторанном счете. Жан, это наша ассистентка Мартина Соваж.

— Как доехали? — спросила девушка, протягивая мне руку. Я пожал ее, не успев как следует прийти в себя. В моем представлении ассистентка дяди была этаким скромной лабораторной крысой в очках, а передо мной стояла юная красавица с телом греческой статуи и таким прavigильным лицом, что можно было прийти в отчаяние, настолько черты его казались совершенными. Впрочем, лоб, пожалуй, был чуть низковат, но зато под ним сияли великолепные серо-зеленые глаза, и его обрамляли длинные пряди на удивление черных волос — ведь брат ее был блондином. Про нее нельзя было сказать, что она красива. Нет, она была прекрасна, прекраснее всех женщин, каких мне только доводилось видеть.

Рукопожатие ее было дружеским и коротким. Мартина сразу же вернулась к своим расчетам.

— Я вижу, ты тоже убит, — насмешливо прошептал дядя, увлекая меня в сторону. — Мартина разит без промаха; по-видимому, контраст с обстановкой усиливает эффект. А сейчас, извини, мне надо закончить до вечера работу, чтобы подготовиться к ночным наблюдениям. Встретимся за обедом, в семь тридцать.

— А это очень важно, твоя работа? — спросил я. — Мишель мне говорил о каких-то странных явлениях...

— Странных! Эти явления опрокидывают всю нашу науку! Подумай только: туманность Андромеды отклонилась на восемнадцать градусов от своего нормального положения! Одно из двух: либо туманность действительно сдвинулась, но тогда она должна была развить скорость физически немыслимую, потому что еще позавчера она была на своем месте, либо, как думаю я и мои коллеги из обсерватории Мон Паломар, свет туманности отклонился из-за какого-то феномена, которого позавчера не существовало. И не только ее свет — лучи всех звезд, расположенных в том же направлении, свет Нептуна и, может быть, даже... Из всех гипотез наименее глупой кажется следующая: ты, должно быть, знаешь, — впрочем, наоборот, — ты, конечно, не знаешь, что мощное поле тяготения способно отклонить луч света. Сейчас все происходит так, как если бы между Землей и Андромедой в солнечной системе появилась огромная масса материи. Но она невидима, эта масса! Немыслимо, глупо, но все-таки это так.

Я вернулся в дом дяди, где уже собирались приглашенные к обеду.

В семь двадцать появился хозяин дома со своей свитой. В семь тридцать мы сели за стол.

Обед прошел весело, если не считать озабоченных лиц моего дяди и Менара. Что же до меня, то я был целиком поглощен Мартиной.

В тот вечер мне недолго пришлось наслаждаться ее обществом. В восемь пятнадцать дядя встал из-за стола и кивнул Мартине; вместе с Менаром они вышли из дома, и я увидел через окно, как три фигурки поднимаются к обсерватории.

II. КАТАСТРОФА

Кофе мы вышли пить на террасу. Мишель жаловался на всеобщее пренебрежение к астрономическому изучению планет с тех пор, как астронавты начали изучать их, как он выразился, «на местах». Спускалась ночь. Над горами висела половина луны, мерцали звезды.

С темнотою пришла прохлада, и мы вернулись в гостиную. Свет зажигать не стали. Я сел напротив Мишеля лицом к окну. Малейшие подробности этого вечера сохранились в моей памяти с удивительной ясностью, хотя с тех пор прошло столько лет! Я видел купол обсерватории; маленькие башенки с вспомогательными телескопами четко вырисовывались на фоне вечернего неба. Общий разговор угас, все неторопливо беседовали парами. Я говорил с Мишелем. Не знаю почему, я чувствовал себя легко и счастливо. Казалось, я ничего не вешу и не сижу, а парю над своим креслом.

В обсерватории осветилось одно окошко, погасло и снова осветилось.

— Патрон зовет, — проговорил Мишель. — Придется идти.

Он взглянул на светящийся циферблат своих часов.

— Сколько времени? — спросил я.

— Одиннадцать тридцать шесть.

Он встал, и это простое движение отбросило его к стене, расположенной в добрых трех метрах. Мишель был поражен. Мы тоже.

— Черт!.. Я потерял всякий вес!

Я поднялся и, несмотря на все предосторожности, врезался головой прямо в стену.

— Хорошенькое дело!

Удивленные возгласы слышались со всех сторон. Несколько минут мы носились по гостиной как пылинки, подхваченные ветром. Все было во власти странного токсического чувства какой-то внутренней пустоты и головокружения. Трудно было понять, где теперь верх, где низ. Цепляясь за мебель, я кое-как добрался до окна. Мне показалось, что я сошел с ума.

Звезды отплясывали бешеную сарабанду, как пляшет их отражение во взбаламученной воде потока. Они мерцали, разгорались, угасали и снова вспыхивали, резко перемещаясь с места на место.

— Смотрите! — крикнул я.

— Конец света, — простонал Массакр.

От звездной пляски рябило в глазах; я перевел взгляд ниже и снова вскрикнул:

→ Черт! Смотрите!

Вершины гор исчезали одна за другой. Ближайшие пики еще стояли, но самые дальние слева были срезаны ровнее, чем головки сыра ножом.

— Сестра! — хрипло вскрикнул Мишель и бросился к двери. Я видел, как он мчался по дорожке к обсерватории нелепыми длинными скачками метров по десять каж-

дый. Ни о чем не думая, не испытывая ничего, даже страха, я машинально отмечал все происходящее.

Казалось, к нам приближается, опускаясь сверху, огромное незримое лезвие, выше которого все исчезало. Наверное, это продолжалось секунд двадцать. Я слышал вокруг приглушенные возгласы гостей. Я видел, как Мишель ворвался в обсерваторию. И вдруг она тоже исчезла. В следующее мгновение катастрофа обрушилась на нас...

Дом задрожал. Я вцепился в какой-то стол. Окно вылетело, словно вышибленное изнутри гигантским коленом.

Чудовищный вихрь вышвырнул меня вместе с остальными наружу, и мы покатались вниз по склону, цепляясь за кусты и камни, ослепленные, оглушенные, задыхающиеся.

Все кончилось через несколько секунд. Я опомнился метрах в пятистах от дома среди обломков дерева и осколков стекол и черепицы. Обсерватория снова появилась, и, по-видимому, в полной сохранности. Было сумрачно; странный красноватый свет лился сверху. Я поднял глаза и увидел солнце, маленькое, медно-красное, далекое. В ушах у меня гудело, левое колено вспухло, глаза застилали кровавой пеленой. Воздух казался пропитанным неприятным чужим запахом.

Первая моя мысль была о брате. Он лежал на спине в нескольких метрах от меня. Я бросился к нему, с удивлением ощущая, что снова обрел вес. Глаза Поля были закрыты, из правой икры, глубоко разрезанной осколком стекла, лилась кровь. Пока я перетягивал ему ногу жгутом, свернутым из носового платка, брат пришел в себя.

— Мы еще живы?

— Да, ты ранен, но не опасно. Я сейчас посмотрю, что с остальными.

Вандаль уже поднимался, Массакр вообще отделался подбитым глазом.

С Бреффором дело оказалось серьезнее: он лежал без сознания с пробитым черепом.

— Его надо срочно оперировать, — заторопился хирург. — В доме вашего дяди у меня есть все, что нужно.

Я взглянул на дом: он довольно успешно выдержал испытание. Часть крыши была снесена, окна выбиты, ставни сорваны, но остальное как будто уцелело. Мы перенесли Бреффора и Поля в дом. Внутри все было перевернуто вверх дном, и содержимое шкафов валялось на полу. Кое-как мы поставили на место большой стол и уложили на него Бреффора. Вандаль взялся помогать Массакру. Только тогда я вспомнил, наконец, о своем дяде.

— Схожу посмотрю, — проговорил я и, прихрамывая, побрел к обсерватории. Я поднялся по лестнице — под куполом возле большого телескопа не было ни души. Тогда я бросился в кабинет. Здесь взъерошенный Менар возился со своими очками.

— Где дядя? — крикнул я.

— Не знаю, — ответил он, продолжая протирать очки платком. — Когда это произошло, они хотели выйти...

Я поспешил наружу и принялся кричать:

— Дядя! Мишель! Мартина!

Кто-то откликнулся. Обогнув завал камней, я увидел дядю, который сидел, привалившись спиной к обломку скалы. Мартина была рядом.

— У него вывихнута лодыжка, — пояснила она.

— А где Мишель?

— Пошел за водой к ручью.

— Что скажете, дядя? — спросил я.

— А что я могу сказать, если сам ничего не знаю! Как там остальные?

Я рассказал, что с нами произошло.

— Нужно спуститься в деревню, посмотреть, что с жителями.

— К сожалению, солнце уже садится.

— Садится? Наоборот, оно встает!

— Солнце заходит, дядя. Только что оно стояло гораздо выше.

— А, так ты говоришь об этом маленьком, жалком медном фонарике? Оглянись-ка лучше назад!

Я обернулся; там над изуродованными вершинами вставало сияющее голубое светило. Глаза не обманывали меня: в этом мире было два солнца.

Часы на моей руке показывали десять минут первого.

III. СРЕДИ РАЗВАЛИН

Как ни странно было происходящее, я все время инстинктивно старался привести его к привычным земным нормам — ураган, извержение вулкана. И вдруг передо мной предстал немыслимый, безумный, однако реальный факт: я очутился в мире, где было два солнца. Нет, я не в силах передать охватившее меня смятение. Тщетно пытался я спорить против очевидной истины:

— Но ведь мы остались на Земле! Смотри, вот гора, обсерватория, а там внизу деревня...

— Я, конечно, тоже сижу на земле, — ответил дядя, — но насколько я смыслю в астрономии, в нашей системе только одно Солнце, а здесь их два. А я не такой уж осел, чтобы не понимать значения этого факта.

Из-за поворота показался Мишель и вместе с ним два незнакомца: первый — брюнет лет тридцати, второй — лет на десять постарше, огненно-рыжий. Мишель церемонно представил обоих — в тех обстоятельствах это выглядело довольно смешно.

— Симсн Бёвэн, инженер-электрик, и Жак Этранж, металлург, директор завода.

— Мы хотели узнать, что с вами, — объяснил Этранж. — Сначала мы побывали в деревне. Там уже работают спасательные команды; мы послали им на помощь своих рабочих. По первым сведениям, в деревне пятьдесят раненых.

— А у вас на заводе? — спросил дядя.

— Ущерб невелик, — ответил Бёвэн. — Вы же знаете, стандартные дома легкие и монолитные. На самом заводе сдвинулось несколько станков.

— У нас есть хирург, мы пошлем его в деревню.

Дядя повернулся к нам с Мишелем.

— Вы двое, помогите-ка мне! Пойдемте с нами, друзья!

Когда мы добрались до дома, я убедился, что Вандаля и Массакр поработали здесь на совесть. Все снова было приведено в порядок. Мой брат и Бреффор лежали в постелях. Массакр собирал свой докторский чемоданчик.

— Пойду вниз, — сказал он. — Говорят, там много раненых.

— Я тоже спущусь в деревню.

— Иди, иди, — согласился дядя. — Мартина, Мишель, Вандаль тоже могут отправляться. Мы с Менаром посторожим здесь.

И мы отправились.

Главная улица деревни была наполовину завалена обломками домов. Зато поперечные переулки почти все уцелели. Больше всего пострадала центральная площадь; церковь и мэрия превратились в груды развалин. Когда мы подошли из-под обломков извлекали труп мэра. Среди спасателей я заметил одну группу, которая действовала особенно быстро и слаженно. От нее тут же отделился какой-то молодой человек и подошел к нам.

— Наконец-то подкрепление! — крикнул он обрадованно. — Подоспели вовремя!

— Где раненые? — спросил Массакр.

— В зале для танцев. Вы доктор?

— Я хирург.

— Какая удача! Эй, Жак-Пьер, проводи доктора в перевязочную!

— Я пойду с вами, — сказала Мартина. — Буду помогать.

Мы с Мишелем присоединились к группе, разбиравшей завалы. Молодой человек горячо поспорил о чем-то с инженерами, потом вернулся к нам.

— Нелегко же было их убедить, что сейчас самое главное — дать воду и, если можно, электричество. Они тоже хотели заняться расчисткой! Когда же они будут пользоваться своими знаниями, если не сейчас? Кстати, какие у вас профессии?

— Геолог.

— Астроном.

— Ладно, пригодится потом. Сейчас есть работа поважнее. За дело!

— Потом? Что вы хотите этим сказать?

— Я думаю, вы уже знаете, что мы не на Земле. Не надо быть академиком, чтобы догадаться. И все-таки странно! Еще вчера инженеры давали мне указания, а сегодня я назначаю работу инженерам.

— А сами-то вы кто? — спросил Мишель.

— Луи Морьер, цеховой мастер с завода.

Продолжая разговор, мы приступили к разборке обвалившегося дома. К нам присоединились еще двое рабочих.

— Тише! — сказал вдруг Мишель.

Из-под груды развалин доносились слабые крики о помощи.

— Скажите-ка, Пьер, — обратился Луи к одному из рабочих, — кто тут жил?

— Мамаша Феррье с дочкой. Девчонка была хороша, лет шестнадцати. Погоди! Я как-то к ним заходил. Вот здесь была кухня. А они, должно быть, в комнате, вон там!

Он показал на угол с наполовину завалившейся стеной. Мишель нагнулся и крикнул в расщелину:

— Держитесь! Идем к вам на помощь!

Все напряженно прислушивались. Наконец девичий голос, полный муки, ответил:

— Скорее! Скорее...

Быстро, но методично мы начали рыть в обломках тоннель.

Прошло полчаса. Стоны внизу смолкли. Тогда мы пошли на риск, ускорили работу и успели вовремя извлечь из-под развалин Розу Феррье. Мать ее была мертва.

Об этом эпизоде спасательных работ я рассказываю подробно лишь потому, что позднее Роза, сама того не желая, сыграла роль Елены Спартанской и послужила причиной первой войны на Теллусе.

Всю вторую половину дня мы работали не покладая рук. Вечером, когда голубое солнце закатилось за горизонт, а на востоке поднялось маленькое красное солнце, под развалинами не осталось ни одного раненого. Число их достигло восьмидесяти одного. Погибших было двадцать один.

Вокруг колодца, теперь иссякшего, раскинулся пестрый табор. Люди, лишенные крова, укрывались под одеялами, растянутыми на шестах. Одну такую палатку Луи соорудил для рабочих своей спасательной команды. Мы сели перед нею и поужинали холодным мясом с хлебом, запивая еду розовым вином, — в жизни я не пил ничего вкуснее! Потом я дошел до перевязочной, надеясь увидеться с Мартиной, но она уже спала. Массакр был доволен: опасных случаев оказалось немного. Сюда же по его указанию перенесли на носилках Бреффора и моего брата. Оба чувствовали себя гораздо лучше.

— Извините меня, — сказал хирург, — я просто валяюсь от усталости, а завтра у меня довольно сложная операция.

Я вернулся к палатке, улегся на ложе из толстого слоя соломы и мгновенно уснул.

Разбудил меня шум мотора. Была еще «ночь», то есть тот самый пурпурный сумрак, который теперь называют «красной ночью». Автомобиль остановился за разрушенным домом. Я обошел руины и увидел своего дядю: он приехал вместе с Вандалем узнать, как идут дела.

— Что нового? — спросил я.

— Ничего. Электричества нет, купол обсерватории неподвижен. Я был на заводе. Этранж говорит, что тока не будет еще долго: плотина осталась на Земле. Кстати могу сказать, что наша планета делает один оборот вокруг собственной оси за двадцать девять часов и что ось ее очень немного наклонена по отношению к плоскости орбиты.

— Откуда ты это знаешь?

— Очень просто. Голубой день длился четырнадцать часов тридцать минут. Красное солнце дошло до зенита за семь часов пятнадцать минут. Значит, сутки продолжаются двадцать девять часов. Далее: день и «ночь» равны, а мы, по всей видимости, находимся далеко от экватора,

скорее всего на сорок пятом градусе северной широты. Отсюда вывод — ось планеты имеет весьма незначительный наклон, разумеется, если только мы не попали в период равноденствия. Красное солнце находится за пределами нашей орбиты и, по-видимому, так же как мы, вращается вокруг голубого солнца. Мы перенеслись сюда в тот момент, когда оба солнца противостоят планете. Позднее следует ожидать дней, когда нам будут светить сразу два солнца, а иногда не будет ни одного. Наступят черные ночи, или, вернее, лунные.

— Лунные? Разве здесь есть луна?

— Взгляни сам!

Я поднял глаза. В розовом небе бледно мерцали две луны: одна примерно такая же, как у нас на Земле, другая значительно больше.

— Только что их было три, — продолжал дядя. — Самая маленькая луна уже зашла.

— Сколько еще продлится эта «ночь»?

— Около часа. На завод заходили крестьяне с окрестных ферм. Там жертв немного. Но зато дальше...

— Надо съездить туда, посмотреть самим, — перебил я. — Я возьму твою машину, и мы отправимся с Мишелем и Морьером. Надо же узнать, как далеко простирается наша территория.

— Тогда я поеду с вами.

— Нет, дядюшка, у тебя вывихнута нога. Мы можем застрять: придется идти пешком. Сейчас мы совершим совсем короткий рейд. А позднее...

— Хорошо. Тогда помоги мне выйти и доведи меня до вашего госпиталя. Вы идете со мной, Вандаль?

— Мне бы хотелось отправиться в эту разведку, — ответил биолог. — Я думаю, что участок земной поверхности невелик и мы сможем его объехать кругом. Не правда ли?

— Да, если только дороги будут проезжими. Что же, оставайтесь с нами.

Я разбудил Мишеля и Луи.

— Ладно, поедом, — сказал Морьер. — Только сначала я хочу поговорить с вашим дядей. Послушайте, месье Бурна, займитесь, пока мы ездим, учетом. Надо подсчитать жителей, запасы продовольствия, оружия, инструментов и прочего. После смерти мэра вы здесь самый уважаемый человек. Вы в хороших отношениях и с кюре и с учителем. Единственный, кто вас, пожалуй, недолюбливает, это трактирщик Жюль, потому что вы никогда к нему не заходите. Но им займусь я, он у меня будет шелковый. Разумеется, закончить вы не успеете, мы вернемся гораздо раньше.

Все заняли места в открытом автомобиле устаревшей модели, но зато вполне надежном. Я взялся за руль, и тут дядя окликнул меня:

— Постой! Возьми-ка то, что лежит в ящике спереди.

Я открыл ящик и вынул оттуда пистолет военного образца 45-го калибра.

— Дельная мысль! — одобрил Луи. — А другого оружия у вас нет?

— У меня нет, но в деревне, я думаю, найдутся охотничьи ружья.

— Правильно! Заедем к папаше Борю. Когда-то он был унтер-сфисцером в колониальных войсках, а теперь заядлый охотник.

Мы разбудили старика и, несмотря на его протесты, реквизировали почти весь его арсенал: один винчестер, два охотничьих ружья и патроны, заряженные картечью. Солнце уже вставало, когда мы двинулись в путь, на восток.

Сначала ехали по дороге; местами она была перерезана осыпями. Один завал задержал нас на целый час. Через три часа после отъезда началась зона сплошного хаоса: впереди, насколько хватает глаз, громоздились обвалившиеся горы и огромные кучи земли, камней, деревьев и — увы! — остатков домов.

— Наверное, край земли уже близок, — проговорил Мишель. — Дальше пойдем пешком.

Захватив оружие и немного еды, мы углубились в опустошенную зону, оставив автомобиль без охраны.

Луи с Вандалем шли впереди. Они взобрались по склону, достигли гребня, и оттуда послышались их изумленные голоса. Мы с Мишелем поспешили за ними.

До самого горизонта, насколько можно было различить, перед нами лежало огромное болото с маслянистой водой, поросшее жесткой сероватой травой, словно припорошенной пылью. Пейзаж был мрачный и грандиозный. Вандаль внимательно рассматривал его в бинокль.

— Там горы! — сказал он.

Земная зона вдавалась в болото высоким мысом. Мы осторожно спустились к воде. Она оказалась довольно прозрачной и глубокой, на вкус была солоноватая.

— Все пусто, — заметил Вандаль. — Ни рыбы, ни птиц.

— Взгляни туда! — проговорил Мишель, указывая на тинистую отмель чуть поодаль. Там лежало какое-то зеленоватое существо длиной около метра. С одного конца его можно было различить ротовое отверстие, окруженное шестью мягкими щупальцами; у основания каждого тускло светился неподвижный серо-зеленый глаз. На другом конце был мощный хвост, или горизонтальный плавник.

Прежде чем вернуться к машине, мы еще раз оглянулись на бескрайние болота и тут впервые после нашего прибытия в этот мир увидели высоко в небе облачко. Оно было зеленоватого цвета. Лишь позднее нам суждено было узнать его зловещее значение.

Когда мы вернулись, автомашина стояла с зажженными фарами.

— Свет был выключен, я точно помню! — воскликнул я. — Кто-то побывал в машине!

Однако вокруг на пыльной земле были отпечатки только наших ног. Я повернул рычажок, чтобы выключить фары, и

вскрикнул: рукоятка была вымазана чем-то холодным и клейким, как слизь улитки.

Мы доехали до развилки дорог и повернули на север. Довольно скоро горные обвалы преградили нам путь.

— Лучше вернуться в деревню и ехать по дороге к каменному карьеру, — предложил Луи. — Здесь мы слишком близко от мертвой зоны.

Я последовал его совету. В деревне мы увидели дядю: вытянув перевязанную ногу, он сидел в кресле и разговаривал с кюре и учителем. Мы сказали ему, чтобы нас не ждали раньше завтрашнего дня, и поспешили прямо на север. Дорога сначала взбиралась на невысокий перевал, потом сбегала в вытянувшуюся неширокую долину. Редкие фермы здесь почти не пострадали: крестьяне выгоняли скот и переключались за работой, словно ничего и не произошло. Еще через несколько километров обвалы снова преградили нам путь. Но здесь полоса разрушений была уже и среди хаоса возвышалась уцелевшая гора. Мы взобрались на нее и смогли осмотреть местность сверху. Здесь тоже вокруг земли простирались одни болота.

Уже наступали красные сумерки, все были измучены карабканьем по обвалам и потому решили заночевать на ближайшей ферме. Шесть часов проспали мы как убитые, а затем двинулись на запад. На сей раз перед нами открылись не болота, а пустынное море. Тогда мы повернули на юг.

Машина прошла уже километров двенадцать, но мертвая зона была еще далеко. Дорога каким-то чудом уцелела среди обвалов, что намного облегчило продвижение. Ехать, однако, приходилось медленно, потому что обломки скал местами загромождали часть шоссе. Внезапно за поворотом перед нами возник совершенно нетронутый уголок — небольшая долинка с пастбищами и рощами. Посредине ее сверкало озерцо — осыпи запрудили горную речушку, и она разлилась. На пологом склоне стоял маленький замок, к которому вела тенистая аллея. Мы въехали в нее. У входа я заметил табличку: «Частная собственность. Въезд воспрещен!»

— В нашем положении, думаю, можно пренебречь, — пробормотал Мишель.

Едва мы успели развернуться перед замком, как на террасе появились две девушки и молодой человек. Он был высок, темноволос и, пожалуй, неплох собой, но сейчас его лицо было искажено гримасой злобного недоумения. Одна девушка, тоже довольно хорошенькая, явно приходилась ему сестрой. Другая, та, что постарше, была слишком яркой блондинкой, чтобы ее можно было принять за естественную. Молодой человек быстро сбежал по ступеням.

— Вы что, читать не умеете?

— Полагаю, — начал Вандаль, — что при данных обстоятельствах...

— Какие еще могут быть обстоятельства? Убирайтесь

немедленно! — заорал он. —
Иначе я прикажу вышвыр-
нуть вас отсюда вместе с ва-
шей таратайкой!

— Мы уедем и сами, —
сказал Вандаль. — Но по-
звольте вам сказать, что мы
теперь на другой планете,
где все ваши деньги вряд
ли чего-нибудь стоят...

— Что здесь происходит?

На террасу вышел пожи-
лой широкоплечий мужчина
в сопровождении дюжины
здоровенных и довольно не-
симпатичных парней.

— Вы говорили о другой
планете, — обратился хозя-
ин замка к Вандалю. —
Как вас понять?

Вандаль объяснил.

— Значит, мы уже не на Земле? Интересно, интересно... И планета девственная?

— Пока что мы видели только болота с двух сторон, а с третьей — море. Остается разведать, что находится с четвертой стороны, если только ваш сын нам позволит.

— Шарль молод, и он не знал, что произошло. Мы тут ничего не понимали. Сначала я думал, что это землетрясение, но когда я увидел два солнца и три луны... Благодарю вас, теперь мне все ясно. Надеюсь, вы с нами выпьете по рюмке?

— Спасибо. К сожалению, у нас нет времени.

— В таком случае не настаиваю. Завтра я к вам заеду узнать результаты вашей разведки.

И мы тронулись дальше.

— Видали рожи? — спросил Луи. — Знаете, кто это? Хоннегеры, швейцарцы, как они говорят. Папа миллионер, нажился на торговле оружием. А сынок еще хуже папаша. Воображает, что все девушки без ума от него и его денег!

— Что это за шикарная блондинка с ними?

— Маделина Дюшер, — ответил Мишель. — Киноактриса. Знаменита не столько своей игрой, сколько скандальными похождениями. Ее фото были во всех газетах.

— А дюжина типов с физиономиями висельников?

— Должно быть, подручные для обдeldывания их грязных делишек, — сказал Луи.

— Боюсь, эти люди причинят нам еще немало хлопот, — задумчиво проговорил Вандаль.

Снова началась зона опустошения. Четыре часа пробирались мы через нее пешком, но зато на сей раз, к нашему величайшему удовольствию, за нею оказалась твердая почва.

Мы собрали множество образцов растительности; здесь были тускло-зеленоватые травы с жесткими режущими стеблями без соцветий и многочисленные кустарники с удивительно прямыми стволиками и серой корой металлического отлива. Луи обнаружил также одного представителя местной фауны. Он походил на плоского слепого удава без позвоночника, длиной около трех метров. На «голове» у него были две большие заостренные клешни с каналами внутри; Вандаль сказал, что примерно такое же приспособление есть у личинок жука-плавунца. Вандаль очень хотел захватить нашу находку с собой, но, приняв хавшись, мы обнаружили, что сухой была только кожа, а внутренности неведомого создания оказались в крайней стадии разложения. Поэтому пришлось удовлетвориться фотоснимками. Боясь, что в высокой траве скрываются живые и, наверное, опасные собратья этой твари, мы поспешно двинулись в обратный путь к деревне.

За нашей спиной до самого горизонта простиралась травянистая степь, и над нею тоже плыло вдали зеленое облако.

IV. ОДИНОЧЕСТВО

В деревне нас ожидали хорошие вести: в колодцах снова появилась вода, правда чуть солоноватая, но, по заключению Вандаля, вполне пригодная для питья. Перепись шла полным ходом.

Согласно подсчетам, население деревни и окрестных ферм достигало 2 847 человек, из них 943 мужчины, 1 007 женщин и 897 детей в возрасте до шестнадцати лет. Скота, по-видимому, было много, особенно коров.

Выяснив все это, Луи сказал:

— Завтра утром надо созвать общее собрание.

Он нашел добровольного глашатая и вручил ему воззвание, написанное карандашом на клочке бумаги:

«Граждане и гражданки! Завтра утром на площади у колодца общее собрание. Астроном Бурна объяснит причины катастрофы. Луи Морьер и его товарищи расскажут о результатах разведки. Сбор через два часа после восхода голубого солнца. Нужно принять решения на будущее. Присутствие обязательно».

Я хорошо запомнил это первое собрание. Сначала слово взял Луи:

— Сейчас месье Бурна объяснит, насколько это возможно, что с нами случилось, но вперед я хочу сказать вам пару слов. Вы, должно быть, уже поняли, что мы больше не на Земле. Теперь, оказав помощь раненым, нам придется взяться за самое трудное. Прежде всего нужно организоваться. Никакое человеческое общество не может жить без законов. У нас уцелела часть земли длиной примерно в тридцать километров и шириной в семнадцать. Но надо смотреть правде в глаза: только четверть этой площади пригодна для обработки, а все остальное — перевернутые горы. Я думаю, что земли нам хватит, чтобы прокормиться. Каждый сможет получить хоть по тысяче гектаров, потому что дальше вокруг нас — целая планета! Самое главное — это рабочая сила. Начиная с этого дня нам понадобится каждый человек и работать будут все. Нам неслыханно повезло: вместе с нами оказались инженеры и ученые. Но все равно мы должны смотреть на себя как на пионеров и проникнуться их суровым духом. Тот, кто вместо помощи соседу будет ему вредить, отныне преступник, и с такими мы будем поступать по заслугам. Хотим мы этого или нет, отныне это закон, и нам придется ему подчиняться или... всем передохнуть! После собрания я с добровольцами проведу перепись профессий. Те, кто пришел, дадут сведения о тех, кто отсутствует. После завтра общего собрания выберет депутатов, которые создадут правительство; обычными делами будет по-прежнему заниматься муниципальный совет. А теперь даю слово астроному Бурна.

Мой дядя встал, опираясь на трость.

— Дорогие друзья! — сказал он. — Вы знаете, что беспрецедентная катастрофа, по-видимому, навсегда оторвала нас от старушки Земли и забросила в неведомый мир. Что это за мир? Пока я не знаю. По предварительным расче-

там, эта планета должна быть немногим больше Земли. Когда я узнаю что-нибудь новое об этом мире, который теперь стал нашим, я вам сообщу.

В общем собравшиеся приняли выступления хорошо. Крестьяне явно примирились с катастрофой — семьянины и домоседы, привязанные к своим полям, они по большей части сохранили все, что у них было, и остальным не очень-то интересовались.

Назавтра, в воскресенье, мы проснулись от колокольного звона. С помощью прихожан кюре извлек из-под развалин церкви колокола, повесил их к большой ветке дуба и трезвонил вовсю. Когда мы подоспели на площадь, кюре уже отслужил воскресную мессу под открытым небом. Славным человеком был наш кюре; позднее он доказал, что в его пухленьком теле жила героическая душа.

Я приблизился к нему.

— Поздравляю вас, монсеньер, ваши колокола напомнили нам о родной Земле.

— Монсеньер? — удивился добряк.

— Ну да, вы же теперь епископ. Впрочем, что я говорю, — для нас вы сам папа!

— Боже правый, об этом я не подумал! — бледнея, пробормотал кюре. — Какая страшная ответственность...

— Ничего, справитесь!

Я оставил ошеломленного толстяка и направился в школу, где уже трудился Луи. Ему помогали учитель с женой и двое юношей.

— Как дела со списком?

— Продвигаются. Если кто-нибудь скрывает, о нем всегда можно узнать у других. Вот предварительный подсчет: триста пятьдесят рабочих завода, пять мастеров, пять инженеров, четыре астронома, один геолог — это ты, хирург, врач, аптекарь, биолог, историк — твой брат, антрополог, ветеринар, два учителя, два каретника, три каменщика, плотник с подмастерьем, автовеломеханик, кюре, аббат, церковный служака, три содержателя кафе, булочник, два пекаря, три бакалейщика, два галантерейщика, кузнец с двумя молотобойцами, шесть рабочих каменоломни, два жандарма, часовщик, он же мастер по починке радиоприемников, портной с двумя учениками, две швеи, лесник, а остальные — крестьяне. Что касается папаша Борю, то он настоял, чтобы его записали как браконьера.

— Что с техникой?

— Легковых машин на ходу одиннадцать, да еще у твоего дяди, и стосильный автомобиль Мишеля, который берет слишком много бензина; тракторов три, один из них гусеничный, грузовиков восемнадцать, из них пятнадцать заводских, десять мотоциклов и около сотни велосипедов. К сожалению, осталось всего двенадцать тонн бензина и тринадцать тысяч шестьсот литров газа. Запасных шин тоже маловато.

На следующий день состоялись первые выборы. Никакой точной программы никто не выдвигал: собравшимся просто объявили, что они должны избрать комитет общественного

спасения из девяти человек. Проходит тот, кто набрал больше голосов; каждый избиратель должен подать список с девятью именами, и все.

Результаты выборов удивили всех. Первым — 987 головами из 1 302 присутствующих — прошел прежний заместитель мэра, богатый крестьянин Альфред Шарнье. Вторым — 900 голосами — был избран его дальний родственник, школьный учитель. Третьим — 830 голосами — прошел кюре. Далее следовали Луи Морьер — 802 голоса, крестьянка Мария Прэль, бывшая муниципальная советница, всеми уважаемая за грамотность и годы, — 801 голос; мой дядя — 798 голосов, Этранж — 780 голосов; как ни странно, Мишель — 706 голосов, — оказалось, что он весьма популярен среди женской половины населения! — и, наконец, последним был я — 700 голосов. Лишь потом я узнал, что своим избранием обязан Луи, который провел за меня настоящую избирательную кампанию, убеждая людей, что только я смогу отыскать железо и столь необходимый уголь. Зато содержатель самого большого в деревне кабака получил всего 346 голосов и, к его великому огорчению, в совет не вошел.

Мы хотели избрать председателем Шарнье, ведь он получил большинство голосов, но он отказался, и в конечном счете эту должность по очереди занимали учитель и кюре. В тот же вечер Луи, поселившийся в одной комнате со мной и Мишелем, сказал нам:

— Теперь мы должны держаться вместе. Ваш дядя будет с нами, и на учителя, я думаю, тоже можно рассчитывать. Значит, нас будет в совете пятеро, то есть большинство. Нам придется отстаивать свою точку зрения, что будет не всегда легко. Но рабочие нас поддержат, инженеры, наверное, тоже, а может быть, и часть деревенских жителей. И дело здесь не в самолюбии! Я говорю так потому, что, на мой взгляд, только мы до конца понимаем, что именно нужно делать для спасения этого клочка земного мира.

— Выходит, ты хочешь установить диктатуру? — спросил Мишель.

— Диктатуру — нет, но сильное правительство — да.

— Не вижу особой разницы, — проговорил я. — Но думаю, что это действительно необходимо: сразу появятся недовольные.

— Кюре... — начал было Мишель, но Луи его прервал:

— Не обязательно! Кюре неглуп, а поскольку в религиозные дела мы не думаем вмешиваться... можно будет даже привлечь его на свою сторону. Крестьяне? Земли у них будет вдоволь — бери, сколько сможешь! А что касается коллективного хозяйства — промышленность и ремесло нам придется в какой-то степени обобществить, — то это новшество их пока не затронет. Нет, я думаю, что труднее всего придется, когда мы начнем ломать старые, привычные представления. Во всяком случае, сначала будет нелегко. Потом, через несколько поколений, встанут новые задачи, а сейчас нам надо выжить. И если мы нач-

нем со взаимной вражды или допустим анархию и беззаконие...

— Согласен, я с тобой.

— Я тоже, — сказал Мишель, — хотя, честное слово, в жизни не думал, что стану когда-нибудь членом дирекции!

Первое заседание совета было посвящено распределению «министерских портфелей».

— Начнем с народного просвещения, — сказал Мишель. — Я предлагаю избрать министром месье Бурна. Любой ценой мы обязаны сохранить наше научное наследие. Каждый из наших ученых должен выбрать себе среди школьников наиболее способных учеников и для начала передать им свои практические знания. Теорию будем преподавать потом, самым талантливым, если такие найдутся. Одновременно нужно будет написать учебники, чтобы пополнить библиотеку обсерватории и школы.

— Прекрасно! — согласился Луи. — Предлагаю министром промышленности назначить Этранжа, сельское хозяйство поручить Шарнье, а ты, Жан, будешь министром геологии — это очень важное дело. Месье кюре будет нашим министром юстиции, а учитель — министром финансов: он на досуге изучал политическую экономию. Нам придется выпускать деньги, чтобы было какое-то средство обмена.

— А я? — спросил Мишель.

— Ты организуешь полицию.

— Чтобы я стал полицейским?!

— Да. Дел у тебя будет много, и самых трудных: опи-си, реквизиции, поддержание порядка и прочее. Тебя уважают, это тебе поможет.

— Ну, в таком случае я скоро растеряю все симпатии! А какой пост займешь ты?

— Погоди. Мария Прэль будет министром здравоохранения; ей помогут доктор Массакр и доктор Жюльен. А я, если вы не против, займусь армией.

— Армией? Может быть, заодно и флотом?

— Может быть. Кто знает, что ждет нас на этой планете! К тому же я буду весьма удивлен, если тот мрачный субъект из замка вскоре не даст о себе знать.

Луи как в воду смотрел! На другой день на всех стенах появились листовки, напечатанные типографским способом. Текст их гласил:

«Крестьяне и горожане! Так называемый «Комитет общественного спасения» захватил власть, прикрываясь видимостью демократии. Кто входит в этот комитет? Из девяти членов только четыре местных жителя! Рабочий, три ученые крысы, инженер, учитель — вот уже шесть голосов против трех крестьян и месье кюре, которого против воли втянули в эту грязную историю. Что все эти люди понимают в ваших законных требованиях? Только я, крупный

землевладелец, могу их понять. Примыкайте к моей партии! Разгоните клику самозванцев! Идите к моему замку в Долине!

Подписано Жоашем Хоннегер».

Луи усмехнулся:

— Ну, что я вам говорил? Вот видите! Придется принять меры.

Первой такой мерой стала немедленная конфискация всего оружия, которое затем роздали наиболее надежным добровольцам. Их набралось пятьдесят человек; командиром милиции стал лейтенант запаса Симон Бёвэн. Этот зародыш армии, несмотря на самое пестрое вооружение, был уже значительной силой.

К тому времени окончательно выяснилось, что мы на планете одни. Инженерам с помощью Мишеля и моего дяди удалось собрать достаточно мощный передатчик. В память о Земле мы дали нашему новому миру латинское имя родной планеты — Теллус. Самую большую луну мы назвали Феб, среднюю — Селена, маленькую — Артемида. Голубое солнце получило имя Гелиос, а красное — Соль. Все эти имена прижились и сохранились до сих пор.

С понятным волнением Симон Бёвэн отправил в эфир первые позывные. Мы вели передачи пятнадцать дней, пробовали волны разной длины, но не получили никакого ответа. Эфир безмолвствовал. Угля было мало, поэтому дальнейшие передачи мы вели только раз в неделю. И с тем же успехом. Нужно было смотреть истине в глаза: мы были обречены на одиночество. На Теллусе, кроме нас, не оказалось людей, разве что какие-нибудь маленькие группки без приемников и передатчиков.

V. ГИДРЫ

Если не считать появления новых листовок примерно такого же содержания, Хоннегер нас больше не беспокоил. Поймать расклейщиков тоже пока не удавалось. Но вскоре владелец замка напомнил о своем существовании.

Вы помните Розу Феррье, ту девушку, которую мы вытащили из-под развалин в первый день после катастрофы? Она была самой красивой девушкой деревни. Учитель предупредил нас, что до катастрофы за ней усиленно приударял Шарль Хоннегер. И вот однажды — была красная ночь — мы проснулись от выстрелов. Мишель и я мгновенно вскочили, однако Луи оказался еще проворнее, и все трое мы выбежали на улицу. Навстречу нам из багрового полумрака выскакивали обезумевшие люди. С револьверами в руках мы бросились к месту перестрелки. Там уже действовал ночной патруль: раздавались выстрелы охотничьих ружей и сухой треск винчестера папаши Борю, который вступил в нашу армию в прежнем чине сержанта. Взметнулись языки пламени, освещая улицу: один дом горел. Перестрелка была беспорядочной, суматошной. Едва мы высунулись на площадь,

как пули засвистели над нашими головами, слышались автоматные очереди: у нападающих были автоматы! Ползком добрались мы до папаша Борю.

— Одного снял, — сообщил он нам с гордостью. — Прямо наповал, как дикую козу в старое доброе время!

Прозвучало еще несколько выстрелов, потом отчаянный женский голос:

— Помогите! Ко мне! Помогите!..

— Это Роза Феррье, — сказал Луи. — Хоннегер ее похищает, подлец!

Автоматная очередь заставила нас пригнуться. Крики затихали вдали. Где-то в темноте заработал мотор автомашины.

— Ну погоди, свинья! — крикнул Мишель.

Ему ответил ехидный смех, потом шум мотора удался. Возле горящего дома осталось несколько убитых и один раненый, который пытался уползти в сторону. Мы не верили своим глазам — это был деревенский портной! Картечь пробила ему икры. У него в кармане мы нашли магазин от автомата.

Допрос занял немного времени. Надеясь спасти свою шкуру, предатель раскрыл все планы Хоннегера, во всяком случае то, что знал. Владелец замка намеревался захватить деревню и стать диктатором Теллуса. У него было человек пятьдесят наемных бандитов и большой запас современного оружия. К счастью для нас, его сынок не захотел ждать и решил с дюжиной гангстеров похитить Розу Феррье, которой давно уже тщето домогался. Портной был его шпионом; после налета он рассчитывал укрыться в замке. Вместе с портным листовки Хоннегера расклеивал кабатчик Жюль Модрю. В ту же ночь мы повесили обоих предателей на ветке большого дуба.

Мы потеряли в схватке трех человек убитыми, и шесть было ранено. Три девушки исчезли: Роза, Мишель Одук и Жаклина Прэль, племянница Марии. Но зато после ночного налета все жители деревни и окрестных ферм решительно встали на нашу сторону.

Бандиты оставили на месте схватки двух убитых, два автомата, револьвер и значительное количество патронов. На рассвете совет единогласно объявил Шарля и Жоашема Хоннегеров вместе со всеми их сообщниками вне закона и отдал приказ о мобилизации. Однако неожиданные события заставили нас отложить наступление на замок.

В то утро, когда наша армия собиралась на площади, в деревню ворвался обезумевший от ужаса мотоциклист. Этот крестьянин жил со своей женой и двумя детьми на изолированной ферме километрах в пяти от деревни. Дня три назад он сообщил нам о том, что одна из его коров погибла при весьма странных обстоятельствах: утром она была совершенно здорова, а вечером хозяин нашел на пастбище только ее скелет да шкуру. Из нее словно высосали всю кровь, мясо и внутренности. На коже осталось с десяток непонятных отверстий. И вот сегодня этот крестья-

янин примчался вновь. Он соскочил с мотоцикла так поспешно, что покатился в пыль, бессвязно хрипя:

— Смерть! Летающие пиявки! Они убивают одним ударом...

Несчастный был бледен как мел и весь дрожал. Только выпив добрый стаканчик водки, он смог рассказать нам, что произошло:

— Значит, выгнал я на заре коров, хотел хлев почистить. Мой Пьер, сынишка, погнал их на пастбище. Я видел, конечно, в небе зеленое облачко, да какой же черт его знал, что это за штука! «В этом мире два солнца и три луны, — думал я, — так почему бы не быть зеленым облаком?» Ну так вот. Ах, мразь какая! Пьер уже возвращался, когда облако вдруг начало падать. Да, и упало! И я увидел, что это добрая сотня зеленых пиявок, и у всех присоски болтаются вроде рук. Они упали прямо на стадо, и бедные коровы покатались замертво. Я кричу Пьеру: «Прячься!» Только он уже не успел, бедняга. Одна пиявка подлетела к нему и сверху, метров с трех, ударила его чем-то вроде длинного языка, и он сразу умер. Тогда я запер жену со вторым ребенком в доме, сказал им, пусть не выходят, а сам вскочил на мотоцикл — и сюда! Они за мной гнались, проклятые твари, да не догнали. Прошу вас, едьте со мной, я боюсь, что они ворвутся в дом!

По описанию крестьянина мы тотчас узнали странных обитателей болот, но нас удивило, что они могут летать. Так или иначе, угроза была серьезной. Мы с Мишелем захватили два автомата и сели в закрытую машину; Вандаль, никого не спрашивая, устроился на заднем сиденье; Бёвэн с целым взводом своих добровольцев влез на грузовик с крытым верхом, и мы отправились.

Через два километра нам встретилась первая гидра — так Мишель окрестил этих тварей.

Гидра порхала над лугом, гоняясь за овцой. Мы сбили ее волчьей картечью и остановились, несмотря на мольбы крестьянина поторопиться.

— Чтобы победить врага, нужно его узнать, — объяснил Вандаль.

Животное походило на огромный вытянутый бурдюк длиной метра в четыре, с могучим плоским хвостом. Спереди у него болталось шесть полых щупалец с роговыми коготками на концах, из-под которых выделялась клейкая слизь. У основания каждого щупальца было по глазу. В середине, в кругу, образованном щупальцами, выступал конический бугор, из которого торчала длинная трубка; ее роговой конец был срезан наискосок, как у иглы шприца.

— Жало наверняка ядовитое, — заметил Вандаль. — Советую стрелять, не выходя из грузовика; брезент толстый, может быть, он вас защитит. Именно такую тварь мы видели на болоте, только эта гораздо больше.

Вдоль всей верхней части туловища у гидры тянулись какие-то два мешка, пробитые пулями. Позади щупалец, куда попал основной заряд, в зеленом мясе зияла дыра, в которую можно было просунуть кулак.

Мы двинулись дальше.

За поворотом между деревьями мы увидели еще одну гидру. Она неподвижно парила в воздухе метрах в трех от земли, свободно свесив чуть шевелящиеся щупальца. От неожиданности первую очередь я промазал. Гидра ударила хвостом и зигзагами начала набирать высоту с огромной скоростью — километров шестьдесят в час! Сбить ее так и не удалось. Еще через полкилометра показалась ферма; мирный дымок струйками поднимался над ее трубой. Мы проехали мимо, свернув на грунтовую дорогу, где колеса машины еле выбирались из глубоких колеи. За стеклом окна мелькнули испуганные лица крестьянки и ее второго сына, мальчишки лет одиннадцати-двенадцати.

Мы пересекли поле и оказались на выгоне. Здесь копошились на трупах коров по крайней мере шестьдесят гидр; у каждой один-два щупальца были погружены в тело жертвы.

Пока не прозвучал первый выстрел, гидры не обращали на нас внимания. Некоторые, отяжелев, отваливались от трупов и отправлялись к воде, по-видимому пить. После этого они заметно раздувались, но движения их, как ни странно, становились явно легче.

Каждый из нас выбрал себе цель. Я взял на мушку ближайшую группу — шесть тварей, пировавших на одной корове.

— Огонь! — скомандовал Бёвэн.

Протрещал громкий залп, словно лопнуло шелковое полотнище. Пустые гильзы из моего автомата зазвенели о боковое стекло; одна из них отскочила за шиворот Мишелю, и он коротко выругался, почувствовав под рубашкой горячий металл. Гидры заметались. Многие сразу рухнули наземь, как продырявленные мешки.

Картечь охотничьих ружей рвала гидр на куски.

Те, что не были сразу задеты, с удивительной скоростью ринулись вверх и через несколько секунд повисли высоко над нами зеленым облачком. Перезарядив автоматы, мы вылезли из машины. Остальные на грузовике были настоже, чтобы в случае чего прикрыть нас огнем. Шкуры мертвых коров были сплошь продырявлены; роговые зубцы на концах щупалец гидр оставили ровные круглые отверстия. Все мясо под шкурами превратилось в какую-то черноватую грязь.

— Внешнее пищеварение. — объяснил Вандаль. — Как у личинки паука-плавунца. Гидра убивает жертву ядовитым укусом, потом через щупальца впрыскивает желудочный сок, который превращает мясо в питательную слизь, и спокойно высасывает эту массу.

Зеленое облако по-прежнему висело над нашими головами, и мы не знали, что делать. Уйти? А вдруг гидры после нашего отъезда снова нападут на ферму? Остаться? Но что, если Хоннегер без нас захватит деревню? Гидры сами вывели нас из нерешительности.

— Назад, в укрытие! — закричал вдруг Мишель, не спуская глаз с них.

Мы бросились к машине; первый в нее вскочил Ванда, за ним — мы с Мишелем. Я уже захлопывал за собою дверцу, когда одна гидра спикировала на машину и разбилась о крышу, которая, к счастью, выдержала удар. Остальные чудовища с огромной скоростью закружились над грузовиком в фантастической карусели. Торопливо подняв стекло, я смотрел на них, готовый в любую секунду открыть огонь.

Из грузовика началась беспорядочная пальба. Наши добровольцы не жалели пороха! Раненые гидры в корчах шлепались на землю, остальные продолжали носиться в бешеном круговороте. Внезапно, словно по команде, они ринулись в атаку, вытянув ядовитые жала. Раздался вопль — очевидно, одна из гидр пробила брезент своим отравленным оружием и уколола кого-то в кузове. Теперь мы тоже открыли огонь и стреляли удачно. Гидры облепили грузовик, мы боялись ранить товарищей, но поскольку на нас никто не нападал, мы целились не торопясь и били на выбор, как в тире. За несколько минут нам удалось уничтожить еще тридцать чудовищ, а всего в общей сложности более семидесяти штук. На этот раз урок не прошел даром: гидры взмыли ввысь и, наконец, улетели.

Одна мертвая, но не продырявленная гидра осталась висеть метрах в двух над грузовиком. Мы ловко накиннули на нее петлю и отбуксировали в деревню, как вражеский воздушный шар. Крестьянина с семьей и наполовину переваренный труп его сына тоже увезли с собой. На поле остались тела двенадцати коров и гидры — лишь одну по просьбе Вандаля обвязали веревками и осторожно втащили на грузовик, чтобы потом на досуге произвести подробное вскрытие.

Кстати выяснилось, что в грузовике никто не пострадал, просто один из добровольцев вскрикнул от страха. Несмотря на это, мы теперь знали, какую грозную опасность представлял для нас неведомый мир Теллуса.

В деревню мы вернулись победителями. Добровольцы распевали всюю. Это были главным образом рабочие, боевые революционные песни звучали не умолкая. Мы же с Мишелем во всю мочь трубили марш из «Аиды», стараясь наделать побольше шума.

Новости, которыми встретил нас Луи, слегка поохладили наш безудержный энтузиазм.

Продолжение следует.

Перевод с французского
Ф. МЕНДЕЛЬСОНА

УЛИЧНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

На улицах большого города не обходится без случайностей, без маленьких событий, которые на несколько минут могут собрать горстку людей и тут же забываются. «Уличные происшествия», как об этом пишется в протоколах, стали синонимом фактов, не заслуживающих большого разговора. Но подвиг и мужество не выбирают для своего проявления эффектной обстановки.

Машина не смогла остановиться у перекрестка: отказали тормоза. Минута — и автомобиль занесло на тротуар. Про-

хожие отшатнулись. Перед радиатором осталась только маленькая девочка. И вдруг чьи-то руки схватили девочку и подняли ее вверх, выше радиатора. В следующее мгновение грузовик прижал спасителя к стене.

Герману Денисову, студенту Казанского университета, ампутировали ногу. В больницу к нему приходили товарищи, студенты и преподаватели, знакомые и незнакомые. Каждый хотел помочь чем только мог. В каждом говорил настоящий друг. Но это уже новая история...

ДОМНА НЕ ПОТУХЛА

Было около трех часов ночи. Федор Кацайлиди, начальник смены, обходил котельный цех, проверяя работу агрегатов теплоэлектроцентрали «Казахстанская Магнитка». Внезапно раздался взрыв. Рев и свист оглушили Федора. В адском грохоте трудно было сразу понять, что произошло. Цех заволочило раскаленным паром. Находившийся под давлением в сто десять атмосфер, нагретый до температуры более пятисот градусов, пар вырывался из оторванной перекидной трубы, соединяющей выходной коллектор с паросборной камерой.

Надо было как можно скорее ликвидировать аварию, иначе остановится теплоэлектроцентраль, воздушодувная

станция, а за ней и дома. Федор бросился в горячий туман.

Дышать становилось все труднее. Но вот рядом с Качайлиди появились еще люди. Комсорг цеха Раиса Швило пробралась к дистанционному приводу и отключила поврежденный котел от общей магистрали. Слесарь Александр Новожилов вместе с машини-

стом Артуром Ределем на ощупь, обжигая руки, сумели перекрыть форсунки. Борьба длилась пятнадцать минут. Постепенно рев пара затих.

В эту ночь в цехе дежурила в основном молодежь, комсомольцы. И нет ничего удивительного в том, что они вышли победителями из трудного испытания. Разве могло быть иначе?

Р. ПОТАПОВ

Рисунки Н. НЕДБАЙЛО

Солнце, наконец, село. Невыносимый зной сменился душными сумерками, и заросли, словно вымершие днем, начали постепенно оживать. Из дупла старой туранги¹ вылезла маленькая совка. Она взъерошила перья, встряхнулась и загудала: «Гу... гу... гу...»

Каждый вечер звучал в зарослях этот сигнал наступления ночи.

Под деревом, в густой траве закопошился заяц. Он то принимался усердно грызть зелень, то настораживался, ворочал большими ушами в разные стороны — слушал. Где-то рядом в залитых водой эриантусах² плескался, хрюкал и чавкал выводок кабанов. Воздух был наполнен треском цикад и непрерывным кваканьем лягушек, блаженствующих в жаркой испарине затопленных джунглей...

Внезапно крик совки оборвался. Что-то большое зашевелилось в листве раскидистой туранги. Совка расправила крылья и, бесшумно взмахнув ими, исчезла в густеющих сумерках. Заяц перестал есть и нехотя заковылял прочь. В листве тускло блеснула чешуя, и вниз по стволу скользнуло тело огромной змеи.

¹ Туранга — один из видов тополя, небольшое, сильно ветвистое дерево.

² Эриантус — гигантский злак, похожий на тростник. Достигает в высоту 5 метров.

Старая кобра, покинув дневное убежище, отправилась за добычей...

В последние дни кобре приходилось туго: вода согнала ее с обжитых мест и все время шла за ней, не давая нигде прочно обосноваться. Сегодня утром, когда кобра вплавь пересекала большой открытый плес — затопленные сенокосы, — на нее напал орел-змееяд. Заметив его, кобра выставила, словно перископ, голову над водой и злобно зашипела. Орел пикировал несколько раз, но схватить змею не решался: он не умел брать добычу на воде. Едва плес кончился, кобра юркнула в густые тростники. Отогравшись на тростниковом завале, она поползла дальше и добралась, наконец, до леса. Но любимые ею убежища — прохладные дупла у оснований деревьев — оказались затопленными грунтовыми водами. Весь день пролежала она голодная в густой листве туранговой кроны, следя за раскаленным солнечным диском.

И вот наступила ночь. Из-за деревьев медленно выплыла кроваво-красная луна. Словно досадуя на это, отчаянным всхлипывающим воем залился выводок шакалов. Кобра тихо ползла по теплой земле. Выбравшись на кабанью тропу, пробитую в зарослях, залегла рядом с ней. Вдруг прямо на змею наскочила большая мышь. Она успела только слабо пискнуть.

Когда взошло солнце и подсушило росу, кобра снова пустилась в путь и скоро оказалась на вытоптанной поляне. Здесь стояли какие-то постройки, бродили люди, лошади, куры. Сильно пахло мышами. Осторожно пробираясь среди колючек, змея достигла одного из навесов и, тяжело перевалившись через край щели, скользнула в объемистый ларь, набитый овсом. Ее внезапное появление вызвало панику среди серых крыс. Прежде чем перепуганные грызуны успели разбежаться, кобре удалось прикончить одного из них...

* * *

Кобра обосновалась на центральном кордоне заповедника «Тигровая балка». Кордон, затерянный среди влажных зарослей обширной вахшской поймы, жил своей обычной жизнью. Стояло самое тяжелое время года — середина июля. На заоблачных памирских вершинах солнце плавало вековые снега, и бурные потоки наполняли грохотом узкие ущелья. Вода ворсчала на своем пути гигантские валуны, сокрушала берега и, вырвавшись из каменного плена гор, разливалась по плоским жарким долинам, затопляя окрестности.

Вот и сейчас больше половины заповедника скрылось под водой; русло Вахша едва угадывалось среди многочисленных озер. Вода стояла вокруг центрального кордона, превратив его в островок.

Изо дня в день термометр упорно показывал в тени +42, и только ночью, словно нехотя, ртуть опускалась до +36. Испарения делали зной невыносимым. Днем жизнь на кордоне замирала. Почти раздетые, обливаясь потом, мы лежали в плотно закупоренных помещениях. Оживали к вечеру. Одни отправлялись на рыбалку, другие — на обход участков, третьи продолжали научные исследования, прерванные дневной жарой.

Но сегодня все! нам пришлось отказаться от своих планов. Подчаливший объездчик сообщил, что неподалеку от централь-

ного кордона в наносном иле Вахша завяз олень. Во время летних разливов, затопляя пойму, Вахш несет массу ила. Оседающая в тихих заводях многометровым слоем, ил, немного подсохнув, превращается в трясину.

Мы запаслись веревками, досками и тронулись к месту происшествия. Завидя нас, олень забился в студенистой трясине, пугливо кося налитыми кровью глазами. Подбирались к нему по широким доскам, брошенным в вязкую грязь. Возились до темноты, то и дело увязая сами. Наконец вытащили. Олень долго лежал на боку, время от времени тщетно пытаясь встать. Затекавшие ноги не слушались его. Но вот он кое-как поднялся и, покачиваясь, побежал в заросли. Мы покричали и помахали ему вслед.

Вернулись на кордон в полной темноте. Не снимая перепачканной одежды, бросились в озеро. Вода была теплой, почти горячей. Чтобы промочить горло холодной влагой, ныряли на трех-четыреметровую глубину. После водной процедуры с невероятной поспешностью забрались под накомарники. Об ужине

никто не хотел и думать — так свирепо кусались комары. Казалось, появившись в накомарнике дырка — внутрь ворвется звенящая, кусающая масса и вмиг обглодает тебя до костей. Лишь

один паренек решил соорудить яичницу. Он отправился в курятник, отыскивал в темноте гнездо, но был остановлен зловещим шипением. Словно ужаленный, выскочил он наружу.

— Варанга! Варанга! — раздался испуганный крик.

Когда луч карманного фонаря осветил курятник, мы успели заметить мелькнувшее в щели под стенкой тело кобры...

Через несколько дней один из дежурных мыл посуду на берегу озера. Случайно подняв глаза, он увидел сантиметрах в двадцати голову огромной кобры. Парень от неожиданности присел, потом тихо-тихо попятился и опрометью кинулся за ружьем. Как он ухитрился промазать, стреляя почти в упор, понять трудно. Но когда на звук выстрела все выскочили из дома, кобры не было.

Беспокойство овладело нами. Мы догадывались, что змея очень большая, но никто еще не видел ее всю, целиком. Как-то рано утром наш конюх, которого все звали попросту «Де-

дом», засыпав корм лошадям, пошел в сарайчик провести на-седку. Дед был в трусах, босой. Сонно бормоча что-то под нос, он отворил дверь и чуть было не наступил на огромную змею. Кобра стремительно подняла голову, вздрагивая всем телом и пронзительно шипя. Сон с Деда слетел мгновенно. Он рванул-ся назад, совершив при этом прыжок, достойный молодого оленя, и растерянно заметался по двору в поисках палки. Кобра, разумеется, успела благополучно скрыться.

Дед прибежал в «чайхану» — так мы называли нашу столо-вую — обширный навес с дощатым полом.

— Кобра — во! — размаха узловатых дедовских рук не хва-тило, и он отмерил на перилах «чайханы» этак метра три.

Мы вежливо удивились. Однако в тот же день, когда я вы-шел за кордон, кобра переползла дорогу перед самым моим носом, оставив в пыли толстый извилистый след. Такого мне еще встречать не приходилось...

С этого дня кордон был объявлен на «военном положении», но уничтожить змею, несмотря на всеобщую решимость, ни-кому не удавалось.

И тут к нам неожиданно прибыл из Сгалинабада наш старый друг зоолог Джафар. Он занимался змеями и питал какое-то особое пристрастие к самым ядовитым. Услышав об огром-ной кобре, он, конечно, решил изловить ее живьем. И вот Джафар начал поиски. Он облазил буквально каждый санти-метр двора, потревожил каждое дупло, каждую дырку и каж-дую щель, но змея исчезла. 15 дней она не показывалась сов-сем. Бедняга Джафар стал серьезно сомневаться в наших рас-сказах — уж не розыгрыш ли все это? Но кобра объявилась вновь, и не где-нибудь, а в комнате директора.

Случилось это так. Дневная жара загнала директора в ком-нату. Он с наслаждением растянулся на кожаном диване, чтобы подремать в относительной прохладе. И тут его внимание при-влек сильный шорох. Приподнявшись на локте, он с ужасом увидел кобру, только что выползшую из-под дивана. Кобра ползла с поднятой головой. Добравшись до середины комнаты, она свернулась в несколько колец и, не опуская головы, уста-вилась на человека. Директор замер в неудобной позе, округ-лив глаза и приоткрыв рот. На лбу выступили крупные капли пота. Прошло несколько мучительных минут. Змея и человек молча взирали друг на друга. Затем к человеку вернулась спо-собность соображать. Стараясь не шевельнуть ни единым мус-кулом, он стал взывать о помощи, сначала тихо, а потом все более и более повышая голос. Но как раз в это время у соседа шумел примус, и тот ничего не слышал. Однако кобра забес-покоилась. Покрутив головой, она лениво поползла к письмен-ному столу и через несколько секунд исчезла под ним. В тот же миг директор метнулся к двери. Забыв, что она закрыта на крючок, он навалился на нее всей своей массой — только щепки полетели — и, тяжело дыша, вывалился наружу. Крикнул на подмогу нескольких человек и начал наступление на собствен-ную комнату. Перевернули все вверх дном, но ничего, кроме большой дыры под письменным столом, не обнаружили.

Тем же вечером увидел, наконец, нашу кобру и Джафар. Она вылезла из отверстия в цементном фундаменте и исчезла в ку-

стах, пышно разросшихся под окнами. Наступившие сумерки не помешали Джафару разглядеть змею.

— Вот это да! — бормотал он. — Вот это да! Прямо королевская кобра.

Всю ночь он не давал нам спать, ворочаясь под накомарником на скрипучей койке. Наутро Джафар собрал всех на совет. Было решено осмотреть фундамент и полы, тщательно заделывать все щели, ведущие в подполье. Все, кроме той, откуда выползла вчера змея.

Над осуществлением этого плана мы провозились полдня. Перед единственным оставшимся отверстием Джафар расчистил площадку для схватки с коброй. Начались утомительные дежурства по утренним и вечерним зорям. Но кобра, будто почуяв неладное, стала пользоваться оставленным отверстием не иначе как ночью. Джафар попытался ловить ее с электрическим фонариком и едва не погиб. Потеряв понапрасну еще два дня, он обозлился:

— Нужно заставить эту гадину вылезти из подполья днем! Но как?

И тут кого-то осенило. Что может быть проще? Взять мотопомпу и накачать в подполье воды. После этого нам останется только хватать спасающуюся от холодного душа кобру.

Джафар пришел в восторг. На следующий день все население кордона — около десяти человек — принялось за работу. Старенькую мотопомпу почистили, привели в порядок, протянули шланги. Вооружившихся палками людей Джафар расставил со всех сторон дома. У основного лаза он встал сам...

Мотор мотопомпы завывал уже сорок минут. Волнение наше достигло предела. Изю всех щелей фундамента в разные стороны бежали ручейки. Неужели кобры в подвале нет? Право же, если бы это было так, мы не очень бы удивились: в нас как-то уже укоренилось убеждение, что кобра неуловима.

— Чего там! Хватит!

— Зря бензин палим! Ясно же, что никого там нет!

Джафар скачала только сердито огрызался, но в конце концов и сам стал сомневаться. И вдруг мы услышали протяжный вопль с другой стороны дома:

— Аааааааа! Сюдаааааа! Ой, сюдаааааа!

Побросав шланги, все кинулись на зов. Обежав вокруг дома, мы увидели нашего лаборанта, неуклюже скакавшего посреди выжженного солнцем двора. В руках у него была длинная дубинка. Он кружил около огромной змеи. Джафар моментально оценил опасность, которая угрожала и парню и кобре.

— Прочь! Прочь! — взревел он.

Парень поспешно отскочил. Метнувшаяся было в бегстве кобра, увидев нового, более решительного врага, опять поднялась, шипя и расправляя шею¹.

Начался захватывающий поединок. Мы встали широким кольцом вокруг, готовые в любую секунду прийти на помощь. Джа-

¹ Принято считать, что рассерженная кобра раздувает шею. На самом деле она просто расправляет длинные шейные ребра, так что шея становится широкой и плоской, как тарелка.

фар, как тореадор, медленно кружил возле кобры, держа наготове мулету — рогатку. Все, что произошло дальше, длилось не более одной-двух минут. Левой рукой Джафар ухватил хворостину — стебель эриантуса метра в два длиной — и попытался задеть им змею. Едва стебель коснулся ее, как она выкинула поистине дьявольский трюк. Собственно, никто ничего не успел заметить. Мы увидели только, как резко взмахнул руками Джафар, совершая отчаянный прыжок в сторону. Словно спущенная пружина, рванулась змея вперед и чуть-чуть не зацепила противника. Не увернись Джафар вовремя — плохо бы ему пришлось. Воспользовавшись всеобщим замешательством, кобра ринулась наутек. Но Джафар уже был тут как тут. Он преградил ей путь. Кобра снова поднялась. Голова ее стремительно металась то вправо, то влево. Из полуоткрытой пасти несло шипение, быстро мелькал черный раздвоенный язычок. Джафар уже не подходил близко, кружил около, преграждая змее путь к зарослям и внимательно следя за каждым ее движением. Он тяжело дышал. Поединок затягивался. Похоже было, что кобре удастся выпутаться и на этот раз...

Дед на всякий случай побежал за ружьем. Но тут Джафар дал новую команду:

ЧЕТВЕРО В ПУСТЫНЕ

Их было четверо: Абид Акрамходжаев, Мамаджан Эгамбердыев, Юрий Федотов и шофер Гайфулла Гатиятуллин. Закончив исследования впадины Мангышлак, они возвращались на базу экспедиции в Нукус. До Нукуса было далеко, и «газик» с геологами шел и шел по безжизненной пустыне. Пора бы появиться первым деревьям, а их все нет и нет. Гайфулла Гатиятуллин остановил машину, почувствовал: заблудились.

Жаркий день сменила ночь, пронизанная осенним холодом и тревогой. Утро не принесло перемен. Исколесив более трехсот километров, вездеход замер — кончился бензин. Тогда геологи слили воду из радиатора и, забрав остатки продовольствия, двинулись в направлении, где, по их предположению, находилась Аму-Дарья. В этих зааральских местах лишь вдоль Аму-Дарьи узкой лентой тянутся обжитые

— Швыряйте в нее глиной, только не сильно!

Он нагнулся, подобрал, не спуская глаз с кобры, сухой ком и швырнул ей прямо в пасть. Блеснув на солнце, кобра снова бросилась вперед. Немного не достав Джафара, она опять изготавилась к броску. Но тут со всех сторон на нее градом посыпались глиняные комья. И кобра растерялась. Несколько секунд она вертелась на месте, потом, получив множество сильных ударов по туловищу, распрямилась и кинулась в бегство. В то же мгновение Джафар ловким движением прижал рогаткой ее голову к земле. В следующий миг большим пинцетом-зажимом он плотно ухватил змею и бросил ее в ящик с мелкой решеткой наверху. Очутившись в клетке, освобожденная, наконец, от зажима, кобра сразу свернулась в клубок и грозно зашипела. Особенно близко совать нос мы не решились — знали, что она способна брызгать ядом на расстоянии. Ящик осторожно отнесли в тень под навес. И только тут заметили, что уже два часа дня, что сейчас самое пекло, все мы взмокли, а солнце превратило двор кордона в раскаленную сковородку.

Мы еще раз посмотрели на нашего смертельного врага, переглянулись и, рассмеявшись, побежали к озеру купаться.

районы. Ели раз в день. Воды приходилось по чайной ложке на человека. Заря сменяла зарю, а кругом все та же гибельная пустыня. На шестые сутки иссякли запасы пищи, остались лишь капли воды.

«Конечно, нас станут искать. Но когда придет помощь? Человек в пустыне — то же, что капля в море. Нет, ждать нельзя», — думал Федотов.

— Пить... Пить, — услышал он. Это шептал Абид Акрам-ходжаев. Обессиленный, лежал он на песке. Юрий наклонился над ним. «Все вместе не дойдем», — решил он.

— Я моложе вас. И сил у меня побольше. Значит, дальше идти мне. Ждите, — сказал он утром.

Товарищи отдали ему последние капли воды, и Юрий ушел. Он двигался вперед с каждым часом медленнее, тяжелее и, наконец, добравшись, дополз до колеи, выбитой в песках автомобильными колесами.

Юрий пролежал здесь двое суток. Он не слышал, как близ него затормозила машина, не видел, как подбежал к нему шофер Туркменской экспедиции «Главгаза» Раджаб Туаков. Очнувшись, почувствовав во рту тепловатую воду.

— Там... люди... — прошептал геолог.

«Люди гибнут в пустыне!» Весть моментально облетела район. Шоферы разворачивали машины — спешили на помощь.

Она подоспела вовремя. Под наблюдением врача геологи быстро поправились, окрепли и вскоре разыскали свой «газик» — ведь там остались ценные материалы.

...Пройдет время. В глубине пустыни, где работала четверка упорных, взметнется газовый или нефтяной фонтан, и вышка в песках станет памятником мужеству искателей.

Сегодня у нас в гостях человек многих профессий. Константин Фомич Михаленко — известный летчик Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза, командир корабля полярной авиации, литератор, художник, кинооператор, фотокорреспондент.

К. МИХАЛЕНКО

Рисунок автора

Ледовая разведка

Как-то у меня спросили: что такое ледовая разведка, для чего она нужна? И я не смог сразу ответить на этот вопрос, хотя сам полярный летчик и не один раз летал на такую разведку.

...Уже много дней мы живем на берегу моря. Оно рядом с нами, вот здесь, сразу же за площадью Ленина, и с любой улицы поселка видна его серо-белая громада. Берег смотрит в море не только окнами домов. Антенны радиостанций, маяки, пеленгаторы — все это обращено вдаль, за горизонт — туда, где клубятся темные космы низких облаков и бродят льды. Они, эти льды, разные. Нужно знать их характер, чтобы к поселку, где расположен порт, маневрируя среди льдов, прошли караваны судов. С берега к ним навстречу вылетают самолеты и ведут между ледяными полями, по полыньям и разводьям к намеченной цели. И так — вдоль всей трассы Северного морского пути.

За работой морских и воздушных кораблей непрерывно следит Большая земля. Метеорологи, синоптики, гидрологи ведут

Мы просим Константина Фомича рассказать немного о его главной профессии.

Константин Фомич говорит:

— Еще в юности я мечтал связать свою жизнь с авиацией. Много слышал о полетах И. Черевичного, И. Мазурука и других прославленных полярных летчиков, восхищался ими. Манила и сама Арктика. Вот почему сразу после армии я пошел в полярную авиацию. С тех пор побывал, начиная с «СП-3», на всех дрейфующих станциях «Северный полюс», участвовал в одной из советских антарктических экспедиций. И ни разу не пожалел о своем выборе.

Эта профессия дает много: ты видишь самые отдаленные уголки планеты, узнаешь сильных, мужественных людей, участвуешь в событиях, порой невероятных. Эта профессия сама протягивает тебе перо, кисть и говорит: «Пиши, рисуй, рассказывай...» И я пишу, рисую — о том, что видел, что пережил. Насколько удачно это получается, пусть судят читатели.

наблюдение за погодой, измеряют силу течений, приливов, отливов, прогнозируют погоду и движение льдов.

...Иван Черевичный, как и многие другие пилоты, работающие вдоль трассы Северного морского пути, много раз летал на ледовую разведку, проводил корабли через море Лаптевых и дальше на восток. Обычно накануне вылета штурман Николай Зубов вместе с гидрологом Юрием Барташевичем вычерчивали на карте зубчатую линию маршрута (для осмотра большей площади самолет ходил над морем галсами: от берега прямая линия в море и опять к берегу). Для точного нанесения пройденного маршрута, особенно точки поворота в море — гидрологи называют ее подвешной точкой, — необходима привязка, то есть выход к заранее намеченному береговому ориентиру. Такими ориентирами служат морские маяки, знаки или характерные мысы. Не всегда легко и просто подойти самолету к такому ориентиру.

Бывает так. Теплый воздух над льдами моря превращается в туман и ползет длинными шлейфами, скрывая под собой разводья, полыньи и ледяные поля. А корабли просят, требуют ледовую обстановку! И самолеты в любую погоду выходят в море, «ползут» в туманах над самыми льдами, «привязывают» свои маршруты к земле и, подготовив карту,

сбрасывают ее ледоколу. Там, где ледовая обстановка более сложная, самолеты «висят» над кораблями и кабельтов за кабельтовым, миля за милей ведут караваны по намеченному пути.

...Самолет, тяжело загруженный горючим, отделяется от беговой дорожки и скрывается в серых клочьях облаков. Иван Черевичный ведет его на небольшой высоте, стараясь не терять из виду мелькающую внизу воду. Вскоре появляются первые льды. Чем дальше к северу летит самолет, тем плотнее льды. Отдельные льдины, сближаясь, образуют громадные ледяные пространства с узкими полосками воды — разводьями.

Низкие облака седыми космами порой касаются моря. Иван ведет самолет еще ниже. Двадцать, десять метров показывает стрелочка радиовысотомера!

— Ну и погодка!.. — недовольно замечает Иван.

— Обыкновенная, ледовая, — отвечает механик Александр Мохов.

Радист Олег Куксин снимает наушники и входит в отсек пилотов.

— Иван Иванович, на побережье ерунда творится. Смотри, какая погода, — протягивает он лист бумаги.

— Прочти вслух, — просит Черевичный, не отрывая взгляда от мелькающей поверхности льда.

— Что тут читать — шторм! Туман закрыл весь берег.

— Ничего. Полет долгий. Может рассеяться. За погодой следи. Позже решим, куда возвращаться.

— Добро. Буду брать погоду побережья.

Радист опять опускается на свое место у рации. Надевает наушники. В них слышны позывные различных радиостанций — портов, полярных станций, зимовок и кораблей. У всех он берет погоду, прогнозы и все это передает штурману. Николай Зубов делает разные пометки на карте. И вот уже выясняется погода большого района. Самолет идет прежним курсом на север.

Зубов входит в кабину пилотов.

— Иван Иванович, через пять минут разворот. Широта — 82 градуса. Отсюда курс 230 градусов — пойдем на привязку к берегу.

— Понял, Коля, — отвечает Черевичный.

...Самолет стремительно несется к берегу, где в тумане притаились высокие скалы. Ивану помимо воли хочется взять на себя штурвал, уйти вверх, за туман, туда, где светит солнце — дальше от опасности! Но нет, нельзя. Если не подойти к берегу, не «привязать» маршрут, пойдет насмарку весь полет!

Иван до боли в глазах всматривается в белое молоко тумана. От напряжения стали влажными ладони, капельки пота стекают к губам. Иван проводит по ним пересохшим языком.

К пилотам входит штурман. Он так же напряженно всматривается вперед. До берега остались считанные секунды, расчетное время на исходе... Все замерли, молчат. И вдруг скорее

угадывается, чем действительно просматривается, темный силуэт скалистого берега.

— Земля!

Черевичный резко перекладывает штурвал. Самолет почти у самого берега и, задрвав крыло, проносится над подножьями скал, черными зубьями впившихся в море... Но штурман успевает различить пирамиду морского знака.

— Вышли точно, — говорит он Черевичному. — Отверни вправо еще на сорок градусов — пять минут этим курсом, дальше пойдем вдоль берега.

Иван передает штурвал второму пилоту. Закуривает. Пальцы его слегка дрожат.

— Спокойно, Иван, — шепчет ему в ухо Зубов. И громко: — Молодец! Отлично подошел!

Они смотрят друг на друга и улыбаются.

Еще серия коротких галсов в море, к берегу и опять в море... На карте появляется полоска условных значков, пестрых цветных пятен. Зубов с Барташевичем склонились над картой и совещаются. Для них обстановка ясна: корабли пройдут! Барташевич садится за стол и торопливо наносит на кальку схему ледовой обстановки, Зубов вычерчивает маршрут, рекомендованный для движения кораблей.

— Иван Иваныч! — кричит он. — Вылезай за облака, пойдем к каравану!

Черевичный ставит самолет в набор высоты и выходит за белые барашки облаков.

Уже готова карта ледовой обстановки. Ее подписывают трое: командир самолета Иван Черевичный, штурман Николай Зубов и гидролог Юрий Барташевич. Карту запечатывают в металлическую коробку, привязывают длинную бечеву с красным флажком — выпелл готов к сбросу.

Стрелочка радиокompаса, нервно колеблясь, разворачивается в сторону, указывая, что где-то внизу ледокол. Опять вниз, ближе к поверхности моря, ведет самолет Черевичный. Выводит его на ледокол и сбрасывает выпелл.

Самолет направляется к берегу. Черевичный включает радиовысотомер.

— Всем смотреть за землей! — отрывисто раздаются слова команды.

Самолет идет на посадку. Сквозь белесые волны тумана кое-где мелькает горбатая поверхность моря. Разворот. Полет по прямой. Иван вычисляет в уме углы между самолетом, радиостанцией и полосой посадки. Опять разворот. Полет по прямой. Разворот. Где-то впереди, пока еще не видимая, полоска аэродрома.

— Выпустить шасси! — командует Черевичный.

— Есть шасси! — отвечает механик.

И вот уже виднеются огни костров и черные шлейфы дыма. Самолет, шурша колесами по прибрежной гальке, катится вдоль посадочной полосы.

Короткий отдых. Осмотр машины. И опять в воздух, к кораблям, в море.

Люди

Белая пустыня. Кое-где из-под снега торчат черные, будто обугленные, стволы лиственниц и ветви чахлого кустарника. Тишина. Тяжелая, осязаемая. Кажется, все живое вымерзло или погибло. Даже серебристые лучи северного сияния похожи на застывшее дыхание вселенной.

Но так только кажется. По льду Улаханя двигаются тяжело нагруженные нарты, запряженные шестеркой лохматых псов якутской породы. Иней, осев на их мордах, образовал причудливые ледяные маски. Собаки тяжело дышат, изредка хватая зубами комья снега, и коротко повизгивают.

Люди идут молча — один впереди, другой позади нарт. Говорить на таком морозе — значит попусту тратить силы. Люди берегут их. Впереди длинный путь по нехоженой целине вдоль течения Улаханя — путь к Тыкуру, районному центру. Собственно, людям и не о чем говорить. Все слова уже сказаны раньше, еще летом, когда они шагами измеряли россыпи касситерита, когда отдыхали рядом с шурфами и составляли карту. Теперь многочисленные образцы пород и карта, небольшой клочок бумаги, потертой на сгибах и испещренной замысловатыми линиями, колонками цифр да условными значками, не дают им покоя, влекут вперед, к людям, в районный центр, на базу геологической экспедиции.

Геологи с первыми морозами вернулись с гор Рюн-Хая — Белого камня, и, едва дождавшись, когда мороз оденет льдом Улахан, отправились в путь.

...Два дня назад, после очередной ночевки, они двинулись в путь до рассвета и не придали значения предостерегающему облачку, появившемуся над Улаханом. Теперь на двоих у них осталось только два патрона: по одному в каждом стволе. Второе ружье, запас патронов и продовольствия вместе со всей упряжкой лежат на дне Улахана. Люди остались лицом к лицу с голодом, с белой безжизненной пустыней... Вернуться назад? А как же россыпи касситерита? Нет! И к тому же пройденный путь длиннее оставшегося. Значит, только одно — двигаться вперед!

Воля и выдержка или уныние и слабость? Кипучая энергия мозга и тепло крови или власть стужи и мрака? Кто кого?..

Люди свернули с реки и пошли на северо-восток напрямик через вздыбленную холмами тундру. Сделали они это сознательно. Новый путь хотя и труднее, но дает значительный выигрыш во времени. Выиграть время — значит выиграть жизнь!

У них были спички, и в случае нужды можно было развести огонь. Был плиточный чай; он не заменял пищу, но на время создавал иллюзию сытости.

Теперь они с каждым днем сокращали переходы и чаще останавливались отдыхать в пути. По ночам жгли большой костер, грелись и пили чай. Люди собирали мерзлые ягоды можжевельника, почки тальника, чтобы чем-то заглушить голод. Однажды у них из-под ног взлетела стая куропаток. Тот, что нес ружье, вскинул его к плечу, но сдержался. Оставшиеся патроны бессмысленно тратить на дичь, которой не насытишь даже одну из собак...

Когда муки голода стали нестерпимы, люди убили одного пса. Впервые за эти дни они поели по-настоящему и слегка накормили собак.

И опять они двигались вперед. Скоро в упряжке остались только две собаки. Люди впряглись в нарты вместе с ними и продолжали путь, шатаясь от голода и усталости.

...Днем на их следу появились волки. Они скользили меж зарослей кустарника, и люди сначала не подозревали об их присутствии, но вскоре преследователей почуяли собаки. Они жалобно скулили, жались к ногам людей, вздыбив шерсть, и отказывались идти вперед. Тогда люди тоже обнаружили опасность.

Голод лишил волков обычной осторожности. Они приблизились настолько, что уже можно было различить их горящие глаза. Сейчас волки были сильнее людей. Может быть, поэтому они не бросились сразу на людей, а может быть, в них еще не исчез страх перед человеком? Может быть...

Люди понимали безвыходность своего положения и расположились на ночлег раньше обычного, еще до наступления темноты. Единственная их защита — огонь костра. Рассчитывать на два патрона было нелепо. Два выстрела свалят двух волков, а остальные?

Люди собрали хворост, разожгли четыре костра и уселись внутри огненного четырехугольника.

Волки, их было больше двух десятков, потеряв из виду людей, заволновались, но, уловив вновь запах человека, успокоились и расположились напротив костров. Они ждали.

Неожиданно тишину тундры нарушил вой. Призывный вой голодного волка. К нему присоединился еще один голос, другой, третий... Собаки прижались к ногам людей и жалобно повизгивали. Вой повторился и замер на самой высокой ноте. Кольцо волков вокруг костра начало быстро редеть. Один за другим они исчезали в темноте ночи. Люди поняли: какая-то другая стая волков шла по следу крупного зверя. Начиналась большая охота, и волки приглашали принять в ней участие своих сородичей. Людей озарила надежда: насытившиеся волки вряд ли будут продолжать их преследование. Люди слушали звуки охоты. Они нарастали, приближались, становились отчетливее. Где-то рядом с кострами послышался топот загнанного животного, азартный визг и короткий, почти собачий лай преследующей его стаи. Охота прошла так близко, что люди ощутили колебание воздуха и в костер упали комья снега.

Люди слушали звуки погони и желали удачи волкам — в этом было их спасение. Люди забыли об усталости, голоде и лишь напряженно слушали. Где-то рядом раздавались тяжелые удары, лязг волчьих зубов, рычание и вой: охота подходила к концу. Преследуемое животное, видимо, окончательно выбилось из сил, и охота уже шла не по кругу, как перед этим, а по прямой, надвигаясь на людей... Один из них схватил ружье и взвел курки, другой плотно обхватил древко топора, и оба скатились на снег под прикрытие нарт.

Через пламя костра мелькнула тень, и рядом с людьми, глубоко вспахав снежный наст, остановился лось. Он резко повернулся и выставил навстречу преследователям тяжелые гребни рогов. Огонь, великий огонь разделил лося и скулющую в бессильной ярости стаю. Но голод и азарт преследования отбросили страх. Сначала через костер метнулся один самый старый и опытный волк. Лось встретил его ударом рогов. Волк упал в пламя костра. Запахло паленой шерстью. Вслед за первым волком бросились другие...

Люди пришли на помощь лосю. Защищая его, они спасали и свою жизнь. Они колотили волков, тыча пылающими головешками в их раскрытые пасти. И волки отступили. Злобно рыча, стая откатилась за линию огня. Люди бросили еще несколько головешек в оскаленные морды, и волки отступили дальше.

Лось часто дышал, изредка слизывая языком кровь с боков. Люди смотрели на могучее животное, и чувства их раздваивались. В лосе они видели спасение от голода, стоило только нажать курок... Один из них уже направил стволы в сторону лося и почти коснулся места, где под кожей ощущалось бие сердце... Лось доверчиво повернул к человеку голову и втянул воздух раздутыми ноздрями. Рука человека дрогнула. Он опустил ружье и посмотрел на товарища. Взгляды людей встретились...

Человек вновь поднял ружье, взвел оба курка, направил стволы туда, где в темноте мерцали фосфоресцирующие точки волчьих глаз. Гул двух выстрелов потряс воздух. В ночи раздался волчий вой и удаляющийся топот старого лося.

Первое знакомство

Наверное, со стороны я имел преглупый вид. Представьте себе: сидит на снегу бородатый дядя, командир экспедиционного авиаотряда, в темных очках, с надвинутым на голову капюшоном полярной куртки, один-одинешенек и хохочет. Да так, что на глазах выступают слезы...

К счастью, меня никто не видел. Ребята из моего экипажа занялись заправкой самолета, а я, пользуясь коротким перерывом в работе, решил посмотреть колонию императорских пингвинов, о которой много до этого слышал.

Колония — рядом с Мирным.

Я обошел несколько небольших островков и направился вдоль изумрудной стены вмерзшего в лед айсберга. По пологому скату забрался на его вершину. Внизу открылась долина, зажатая полукольцом ледяных скал, сверкающих в лучах низкого солнца искрами драгоценных камней. Между скалами в голубой тени топтались тысячи птенцов императорских пингвинов, и над их сплошной серой массой кое-где возвышались элегантные в своих черных «фраках» взрослые пингины.

Стараясь не испугнуть этих забавных птиц, я спустился с айсберга и сел на снег. Опасения оказались напрасными: пингины меня не испугались. Наоборот! От толпы отделилась пара плюшевых детишек и неторопливой валкой походкой направилась ко мне с явным намерением познакомиться. Что ж, для этого я и пришел. Уже взведен затвор фотоаппарата, осталось лишь нажать спуск и запечатлеть на пленку новых знакомых...

Но что произошло в пингвиньем стаде? Почему они все сразу пришли в движение?

До этого мне никогда не приходилось задумываться над тем, что такое смелость, а тут... Честно признаюсь: появилось непреодолимое желание вскочить на ноги и бежать!

Прекратился разноголосый шум. В угрожающем молчании ко мне повернулись головы всех обитателей этой долины, и пингины медленно стали приближаться. Ближе. Ближе!..

А вдруг все стадо бросится на меня? От тысячи клювов не спрячешься... Что делать?

Я сжал зубы и решил ждать. Ждать до последнего момента, а там... В юности я был неплохим спринтером.

Первая пара птенцов, так похожая на плюшевые игрушки, остановилась у моих сапог. Они уставились на меня черными — без всякого выражения — глазами, потрогали подошвы сапог и придвинулись ближе. От стада отделился взрослый пингвин. Торопливо шагая, он преградил им дорогу, толкнув муаровым брюшком, и грозно щелкнул клювом в мою сторону.

Я поджал ноги в положение «на старт».

Пингвин растопырил крылья и, действуя ими, как руками, шлепками погнал обоих детишек в стадо.

Я облегченно вздохнул и рассмеялся.

Пингвин остановился, повернув ко мне голову.

Я засмеялся громче.

Пингвин несколько раз прищелкнул клювом и обругал меня на своем языке. Я хохотал. Пингвин недоуменно разводил лапами, шипел и каркал, возмущаясь, но не забывая гнать перед собой пингвинят в сторону стада. А над стадом снова повис разноголосый гам с редкими всплесками отдельных голосов, похожих то на воркование голубя, то на первое неумелое «кукареку» молодого петушка, то на жалобное уханье филина. Но эти отдельные голоса пропадали в общем гуле. Стадо жило своей жизнью и не обращало на меня никакого внимания.

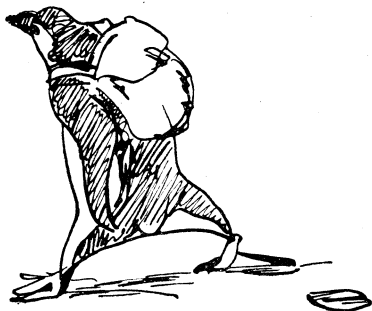
Наказанные пингвинята уткнули носы между пушистыми боками таких же плюшевых малышей, спящих в большом кругу. По-видимому, этим полагался «мертвый час». Зато те, которым подошло время обеда, ковыляя за взрослыми, орали истощенными голосами и теребили их маленькими, но довольно плотными клювами.

Я спустился в долину, иду между пингвинами. Одни уступают дорогу, другие притворяются спящими или в самом деле спят. Обходя их, я приближаюсь к малышу, который только что позавтракал. Мамаша (конечно, условно — я до сих пор не берусь определить пол пингвина) отступает на шаг и щелкает клювом. Но это уже совсем не страшно. Я подхожу ближе. Мама-пингвин теребит своего наследника за пушистый загривок. Он лениво открывает глаза и тут же прячет голову в мягкие складки родительского плюша. Я поднимаю его на руки. Он продолжает спать. Беру маму за ласт, как за руку, и мы шагаем по утопанному, плотному снегу, покрытому скорлупой битых яиц и трупиками замерзших пингвинят.

Мама важно переступает с лапы на лапу, гордо поглядывая по сторонам. Прижатый к груди, спит у меня на руке пингвиненок...

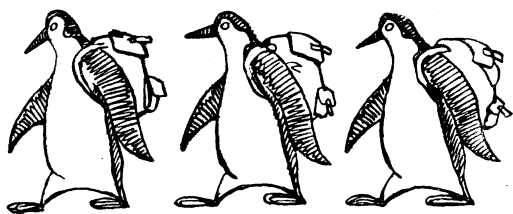
ПИНГВИНЫ-ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

Б. СИЛКИН

С американо-австралийской научной станции Уилкс в Антарктиде улетал самолет. Он вывозил на главную базу Мак-Мёрдо заболевшего полярника.

Зоолог Ричард Пенни из Висконсинского университета решил воспользоваться этой «оказией» для своих опытов.

И вот на самолете, пролетевшем по прямой более 2 400 километров над ледяными просторами, в Мак-Мёрдо были доставлены пять пингвинов породы адели. Здесь их выпустили на волю и вскоре потеряли из виду.

Прошел год. И вдруг — на каменистом откосе около станции Уилкс показался усталый путник. Впрочем, несмотря на то, что пингвин преодолел не менее 3 500 километров, он шел своей обычной солидной походкой, вразвалку. От своих собратьев, наряженных, как и он, в черный «фрак» с белой «манишкой», пингвин отличался только кольцом, надетым на него еще на станции Уилкс.

Путник сразу направился к той самой кучке гальки, которую он покинул год назад, и начал приводить в порядок запущенный без хозяина «дом». А через два дня появился второй пингвин-путешественник, который, очевидно, проделал тот же путь отдельно от своего товарища. Последний, третий пингвин прибыл вслед за ними. Хотя на нем и не было кольца, но оперение на крыле-плавнике в том месте, где кольцо было когда-то надето, оказалось сильно потертым. И то, что пришелец уверенно направился к родному гнездовью, также выдавало в нем «того самого» странника. Остальные два пингвина так и не вернулись домой.

Так орнитологи раскрывают тайны миграции самых странных на земле птиц, которые совсем не умеют летать, неуклюже ковыляют на суше, зато в воде чувствуют себя как рыба. Специалисты считают, что свое путешествие три пингвина совершили вплавь и на «попутных» дрейфующих льдинах.

Как пингвины ориентируются в пути, еще не совсем ясно. Некоторые считают, что они инстинктивно определяют направление по звездам и солнцу, по наземным ориентирам, а также при помощи врожденного чувства времени.

Рисунки В. ВЕЛИЧКО

**В. КОМАРОВ,
В. ШРЕЙБЕРГ**

Блуждающая частота

Рисунки **В. НАЗАРОВА**

Сообщение было коротким: «В Институте, почтовый ящик №... в лаборатории № 15 из экспериментальной радиоустановки исчез секретный блок». Полковник Соболев немедленно выехал на место происшествия.

Получилось так, что после нескольких удачно проведенных расследований подобного рода Павлу Александровичу стали систематически поручать дела, связанные с наукой. Товарищи по работе в шутку называли полковника «академиком». И, надо сказать, это ему нравилось...

...В лаборатории № 15 навстречу Соболеву поднялся из-за стола высокий, худощавый, весь какой-то помятый человек. Костюм новый, но рукава уже кое-где прожжены, видимо паяльником. Одно из стекол очков надтреснуто.

«Работяга. За собой не очень-то следит», — отметил полковник.

— Максимов, Иван Иванович, — представился тот, протягивая Соболеву руку. — Знаете, я, наверное, должен перед вами извиниться. Может быть, зря мы вас потревожили...

— Очень люблю, — улыбнулся полковник, — когда меня тревожат зря: значит, все тихо-мирно... Это как у пожарных — им премии платят за то, что не бывает пожаров. Значит, профилактика хорошо поставлена.

— Так вот, произошла ошибка, — как-то невпопад сказал Максимов.

— Однако мне сообщили, — заметил Соболев, — что у вас пропал секретный блок.

— Так в том-то все и дело, что этот блок жив и здоров!

— Простите, но что-то все-таки пропало? Давайте разберемся.

Максимов посмотрел на Соболева через свои надтреснутые очки.

— Видите ли, мы работаем над новой системой локатора — прибора, который, как вы, должно быть, знаете, способен на расстоянии обнаруживать разные предметы...

— Точнее — цели? — спросил Соболев.

— Пусть будет по-вашему: цели... Так вот, наш прибор позволяет получать данные о местоположении объекта, отражающего радиоволны. Понимаете?

— Знаю, — сказал Соболев. — Прибор посылает импульсы радиоэнергии, волны отражаются от поверхности объекта и затем улавливаются приемником. По времени, которое нужно радиоволне для того, чтобы пройти путь туда и обратно, вы определяете расстояние... Так?

— Отлично! — Максимов взглянул довольно приветливо. — Ну что же, тогда поехали дальше... Вы, разумеется, знаете, что эфир наполнен самыми различными радиоволнами: их посылают миллионы радиостанций, искусственных и естественных, даже Солнце и отдаленные миры. Одним словом, для нас это море помех. — Он замолчал, видимо подбирая наиболее доступные слова.

— Знаю, знаю, — улыбнулся Павел Александрович, — сам недавно заменял конденсатор защиты в пылесосе...

— Однако не все такие сознательные, — улыбнулся Максимов. — Может статься, что эфир будут мутить нарочно, если можно так выразиться, посылать помехи, пряча за ними свои летающие цели, которые мы с вами должны обнаружить. Как же поступить? Тут нужен особый принцип — принцип блуждающей частоты заполнения импульса. Пусть радиоволна, посылаемая и принимаемая нашим локатором, периодически меняет свою длину. Нормальная работа локатора обеспечивается при этом специальной системой синхронизации передатчика и приемника. Тогда никакие помехи нам не страшны. Противник не будет знать, на какой волне вводить нас в заблуждение. Представьте себе, что вы хотите прослушать передачу на своем радиоприемнике, когда одно слово передается на длинноволновом диапазоне, следующее на ультракоротких волнах, а третье, скажем, на средних. Попробуйте-ка! У вас ничего не выйдет. А в нашем локаторе это очень легко сделать. Длинной волны передатчика у нас управляет специальный блок, одновременно синхронизирующий приемное устройство, которое мгновенно изменяет настройку и отыскивает в океане

помех отраженный сигнал. От такого локатора ни за какими поехами не спрячешься... Ну как? Что скажете?

— Так, так, понимаю, — кивнул Соболев и добавил: — Дьявольски остроумно!

— То-то! — не без гордости произнес Максимов. — Так вот, этот самый блок я сначала и посчитал пропавшим. А он как ни в чем не бывало... только на месте другого — какая-то дурацкая шутка.

— И что же, у вас каждый может так запросто подойти к этой уникальной установке и «шутить»? А другой блок все-таки пропал?

— Это резервный, мы его найдем! Незаконченный, — отмахнулся Максимов. — Стоит ли так усложнять...

— Дай бог, — полковник помолчал. — Но я бы хотел все же взглянуть на этот ваш прибор, эти блоки. Так сказать, для очистки совести...

Максимов пожал плечами и провел Соболева в соседнюю комнату. Там полковник увидел невероятное сплетение разноцветных проводов и всевозможных приборов.

— Вот наша установка, — любовно поправил Максимов кающую-то проволочку. — А вот и тот самый блок.

Полковник взглянул. Перед ним была миниатюрная, очень сложная конструкция, составленная из массы крохотных деталей: конденсаторов, сопротивлений, полупроводниковых элементов.

— А как выглядел тот, резервный? — спросил он.

— Точно так же, — ответил Максимов. — Внешне оба блока совершенно одинаковы. Вот потому-то мы сразу и не разобрались.

— Н-да... Действительно тут сразу не разберешься, — сказал Павел Александрович, оглядывая хаос запутанных проводов, — сделано, что называется, на веревочках... А когда вы заметили пропажу?

— Сегодня утром, придя на работу, я, как обычно, сразу прошел в комнату, где установлена система записи сигналов радиолокатора на специальной магнитной ленте. И вдруг оказалось, что система записи не действует. Сначала я подумал, что где-то нарушен контакт. Вы правы, у нас пока все сделано на живую нитку, мы торопимся. Я заметался, начал проверять соединения, спайки, а слона, как говорится, заметил не сразу. Могло ли мне прийти в голову, что блока вообще нет на месте? Я просто глазам не поверил! Пустая панель меня так сбивала с толку, что я как-то даже не глянул на соседнюю, где стоял «пропавший» блок. Вам никогда не случалось терять очки? Ищешь, ищешь, а они на собственном носу, — Иван Иванович поправил свои очки с надтреснутыми стеклами. — Бывает. Я поднял всех на ноги. Вот и вам позвонили... А потом я... нашел очки на собственном носу.

— И что же вы подумали?

— Видите ли, есть у меня техник — Сергеев. Такой, знаете ли, что называется, пижончик, этакий ферт с усиками, считает себя очень остроумным, оригинальным... Так вот, я и подумал: может быть, это его «шуточки»... Но...

— А где он сейчас?

— Еще вчера утром я дал ему задание съездить сегодня на один завод за деталями. Вернется только завтра. Ну, пусть он только появится! Я ему...

— А больше никого не было?

— Сам я уехал в середине дня на конференцию. Оставался еще старший техник Брагин. Но этот... энтузиаст, страстный радиолюбитель. Работа — единственное, что ему осталось: сын погиб на войне. Человек одинокий, пожилой.

— А он где?

— Дома. Видимо, прихварывает. Сердце.

— Значит, когда вчера вы ушли, в лаборатории оставались Сергеев и Брагин. А нельзя ли узнать, когда они ушли?

— Можно установить с математической точностью: у нас в проходной есть табельные часы. — Максимов позвонил и, переговорив по телефону, повернулся к полковнику. — Лаборантка из соседней комнаты, где стоит регистратор, ушла в 16.00. Сергеев упорхнул, как всегда, при первой возможности: сразу же после звонка, в 16.00. Брагин вышел в 16.15. Ключ сдал в спецотдел. Но он, конечно, вне подозрений.

— Да... — как бы размышляя вслух, сказал Соболев. — Вот если бы узнать, в котором часу пропал блок?

— В котором часу? — переспросил Максимов. — А знаете, ведь это тоже можно установить.

Павел Александрович вопросительно взглянул на него.

— Да, да, — повторил инженер, — для этого достаточно обратиться к записям, сделанным на магнитной ленте. Хотя мы и не отмечаем специально время — на данном этапе это нас не интересует, — но лента движется в приборе равномерно, и время, когда вынули блок, можно установить: вычислить по длине записи!

Иван Иванович вынул из блока катушку с магнитной лентой. Видимо, все это начало его забавлять...

Им пришлось немало повозиться: надо было исследовать запись и установить момент, когда система записи перестала действовать. Результат изумил Ивана Ивановича. Оказалось, что резервный блок был вынут из установки в половине третьей его ночи!

— Шуточка-то ночная! — прокомментировал Павел Александрович. — Ночью лаборатория заперта?

— Да... — протянул Максимов, растерянно протирая очки и глядя на отметки, сделанные им на полях ленты. — Что за черт! А мы не ошиблись?

Проверили еще раз. Соболев выпрямился.

— А теперь у меня к вам просьба: дайте мне ключ.

Иван Иванович достал его и протянул полковнику:

— Хотите проверить отпечатки пальцев?

Соболев улыбнулся.

— Я пошлю его в лабораторию спектрального анализа. Ночные шутники не любят сейчас оставлять отпечатков пальцев... Но какой-нибудь след обязательно остается! Да... ино-

В следующем номере будет напечатана статья Э. Финна: «Науки помогают криминалистике».

гда самый неожиданный. Вот же ваша электроника уже помогла нам кое-что установить... — он вдруг замолчал, что-то обдумывая. — А не могли бы вы определить, — сказал, наконец, полковник, — по записям на ленте, в котором часу блоки поменяли местами?

Не ответив, Максимов стал вновь бегло воспроизводить записи на ленте.

— Вот, нашел! — воскликнул он наконец. — Этот резкий всплеск... перерыв... Ведь это и есть тот момент, когда блоки вынули из гнезд. А дальше опять запись до той минуты, когда блок вынули совсем!..

— И когда же это произошло?

— Сейчас узнаем, сейчас... В 15.56!

— Днем? То есть еще тогда, когда и Брагин и Сергеев находились в лаборатории?

— Выходит, что так. Это становится любопытным! Но зачем же было менять местами блоки?

— Спокойно, Иван Иванович! Давайте рассуждать логично, математически. Вы сказали, что когда блоки поменяли местами, локатор продолжал, по сути дела, нормально работать. Знали ваши сотрудники о такой возможности?

— Не думаю. Видите ли, одна из идей конструкции заключается в том, чтобы сделать резервный блок, рассчитанный на худшие условия работы. Причем схема резервного блока, а также размещение деталей находятся в стадии разработки. По идее внешнее оформление резервного блока должно быть такое же, как и основного. Это позволяет обеспечить взаимозаменяемость. Коробка блока со всеми наружными контактами была изготовлена. Даже две. Я думал об их внутренней «начинке». Но пока что резервный блок содержал обычную схему. Мы испытывали основной блок, а о резервном знал я один.

— Так, — сказал Соболев. — Тогда еще один вопрос. Если бы, скажем, вам понадобилось, ну, что ли... украсть идею секретного блока, его надо было бы для этого разобрать?

— Да. Пришлось бы повозиться, и немало. Смотрите на него сколько хотите — по внешнему виду ничего не поймете.

— Значит, блок пришлось бы украсть?

— Но ведь этот не украли!

— Да, украли другой. Но, может быть, по ошибке?..

— Ничего не понимаю, — Максимов пожал плечами.

Полковник покачал головой.

— Честно говоря, я тоже пока мало что понимаю, — признался он. — Но мы должны в этом разобраться. Еще одна просьба: позвоните, пожалуйста, Брагину. Спросите все-таки, почему он сегодня не вышел на работу.

Ни слова не говоря, Максимов снял трубку и набрал номер. Соболев услышал протяжные гудки — никто не отзывался.

— Телефон у него в комнате, — растерянно произнес Максимов, — рядом с кроватью... Я знаю... Вы не видели, куда я дел ключ? — вдруг спросил он с беспокойством, шаря по карманам.

— Вы передали его мне, — сказал полковник.

И на какой-то миг у него мелькнула мысль, что такой мог и сам «в порыве вдохновения» переставить зачем-то блоки,

а через пять минут забыть об этом... Но так или иначе... Исчезнувший блок должен быть все-таки найден.

После, у себя, Павел Александрович долго обдумывал все обстоятельства дела.

Похоже, что здесь продуманная, связанная цепь событий. Блоки меняют местами в конце рабочего дня, после того как Максимов уходит. Зачем? Для того, чтобы утром получить ужасный нагоняй от разгневанного начальника? Нет, конечно. Это сделано с целью: ночью кто-то должен украсть блок. И он это делает! Но получает совсем не то, что, видимо, ожидал получить. Почему?

Сергеев и Брагин. Сергеева отослал сам Максимов. А Брагин? С него-то, пожалуй, и придется начать...

* * *

Романов, помощник Соболева, долго стучал в дверь старого одноэтажного домика: комната, в которой жил Брагин, имела выход прямо на улицу.

Не дождавшись ответа, Романов отошел от двери, заглянул в окно. Сквозь занавеску он увидел, что хозяин дома сидит у стола. «Спит, что ли?»

Капитан постучал в окно. Человек за столом не пошевелился.

Романов почуял недоброе. Пришлось вызвать управдома. Дверь взломали.

Когда капитан вошел в комнату, он сразу понял: Брагин мертв. Рядом на столе валялась распотрошенная радиодеталь, а рука, которую капитан с трудом разжал, сжимала обрывок записки.

«Отец, ты должен мне помочь. К тебе...» — прочитал Романов. Никаких следов насилия не было.

Отправив труп на вскрытие, Романов поехал к полковнику Соболеву.

— Так, — сказал полковник, выслушав его доклад. — Постарайтесь выяснить все, что известно о сыне Брагина.

Когда капитан ушел, Соболев пригласил к себе Максимова. Инженер был ошеломлен, увидев исковерканную радиодеталь.

— Он! Тот самый!.. Неужели это сделал Брагин? — изумленно и почему-то шепотом спросил Иван Иванович.

Полковник помолчал.

— Вряд ли. Ведь мы с вами уже установили, что Брагин ушел с территории института в то время, когда оба блока были еще на месте. А ночью...

— Чтобы пройти в институт ночью, нужно поднять все начальство на ноги. Ночного допуска у Брагина не было... Но как к нему попал блок... эти осколки? Неужели... Нет, нет, не могу поверить! Ведь столько лет вместе работали. Еще вчера я мог бы за него ручаться головой...

— В таких делах никогда не следует поддаваться первым впечатлениям, — сказал Павел Александрович, — так сказать, шарахаться, как бы ни выглядели убедительно факты. Ведь иногда именно на это и рассчитывают. Пока ясно одно: у Брагина кто-то был и принес с собой блок... Но кто и зачем? Теперь, дорогой Иван Иванович, я попрошу вас мне помочь.

— С удовольствием. Что я должен сделать?

— Прежде всего молчать. Никто не должен знать ничего, в том числе и о смерти Брагина. А завтра нам с вами придется проделать небольшой психологический опыт. Помните, вы говорили, что у вас есть еще один резервный блок?

Максимов кивнул.

— Тогда я попрошу вас поставить прибор на место пропавшего. Одним словом, надо восстановить все в том виде, как было в момент ухода Сергеева из лаборатории.

— Ясно. Вы хотите посмотреть, как поведет себя этот Сергеев? — Иван Иванович был мрачен.

— Я понимаю: это неприятно для вас. А вы думаете, мне доставляет удовольствие? Как этакому Шерлоку Холмсу? Но что поделаешь... Не мы с вами виноваты.

К вечеру капитану Романову удалось кое-что выяснить. Зная, что сын Брагина пропал без вести в дни войны, он навел справки в архивах. Здесь он установил, что Брагин несколько лет назад тоже обращался в архив и получил справку: сын его во время войны был в плену и находился в концентрационном лагере, где, как свидетельствовала немецкая документация, умер в 1943 году. Больше Брагин в архив не обращался.

Но капитан Романов знал, что фашисты часто фальсифицировали документацию, если им было нужно, чтобы живые люди считались для всех умершими. Он решил попытаться найти людей, которые находились в одном лагере с сыном Брагина и помнили его. И в Москве нашлись такие! Капитану очень повезло: ему удалось разыскать человека, который хорошо знал Алексея Брагина, даже жил с ним в одном бараке, отлично помнил обстоятельства, при которых тот, простудившись, умер...

Капитан Романов обо всем доложил полковнику Соболеву.

Кроме того, как показал анализ, с ключа, переданного полковнику Соболеву Максимовым, кем-то был сделан слепок. И не с помощью воска или вара, а какой-то очень вязкой пластической массы, почти не оставившей следов. Спектроскопистам пришлось потрудиться.

Принесли полковнику и протокол вскрытия. Смерть Брагина оказалась естественной — инфаркт. Она наступила около семи часов утра...

Когда утром следующего дня техник Сергеев явился в лабораторию, он увидел, что начальник уже на месте и беседует с каким-то посетителем.

— Вот ваше задание на сегодня. Возьмите, — сказал Максимов, протягивая Сергееву листок бумаги. — Я сейчас занят. О вашей поездке вы мне расскажете потом.

И Максимов вновь стал объяснять радиосхему своему собеседнику, который изредка вставлял: «Да, да, понимаю...»

Сергеев прошел к своему рабочему месту.

Сначала он достал из ящика некоторые детали и стал раскладывать их на столе. Затем закурил. Включил паяльник. Потом стал внимательно разглядывать листок, переданный ему

Максимовым. Наконец он подошел к локатору и привычным движением откинул металлический чехол, прикрывавший сложную схему.

— Простите, Иван Иванович, — послышался голос посетителя, — а что, если сделать так, смотрите... — и посетитель стал набрасывать что-то на листке бумаги. Максимов внимательно следил.

В лаборатории наступила тишина.

Некоторое время Сергеев держал крышку в руках. Кашлянул, опустил маталлический чехол на стеллаж. Снова прошел к столу, взял паяльник. Начал тихонько насвистывать какую-то песенку. Вернулся к локатору и склонился над схемой. Через несколько секунд послышался характерный звук, производимый металлическими ножками блока, извлекаемого из тесных контактов панели.

— Стоп! — вдруг услышал он голос, властно прозвучавший за его спиной. — Зачем вы вынули эти блоки? Отвечайте!

Сергеев повернулся к собеседнику Максимова, все еще продолжая держать в руках оба блока. Он сильно побледнел.

Максимов и Соболев смотрели на него в упор.

— Я... я... — начал он, но так ничего и не сказал.

— Ну! — не выдержал Максимов.

У парня задрожали руки. Он осторожно положил на стол оба блока.

Павел Александрович рискнул:

— Скажите, зачем позавчера перед самым уходом отсюда вы поменяли блоки местами? Испугались, струсил в последний момент?

Максимов удивленно посмотрел на полковника.

Сергеев тихо ответил срывающимся голосом:

— Да... Я расскажу... я расскажу все...

Радиолюбители — народ увлекающийся. И, как все люди такого рода, они всегда видят друг друга издали, всегда найдут общую тему для разговора.

Не было ничего удивительного в том, что, когда однажды радиотехник Сергеев положил рядом с собой на столике кафе миниатюрный радиоприемник величиной с зажигалку, к нему подошел какой-то человек и с интересом и хорошим знанием дела повел разговор на близкие обоим радиотемы.

Узнав о том, что Сергеев имеет возможность в своем институте делать недоступные в домашних условиях тонкие, почти ювелирные, работы с радиодетальями, его новый знакомый загорелся...

Не прошло и получаса, как он нащупал слабую струнку Сергеева, равнодушного к новинкам несколько иного рода: галстукам, способным менять свой цвет, носочкам, сделанным из нейлона или какого-нибудь иного новейшего «она», — словом, к тому, что многие парни справедливо и несколько презрительно величают «барахлом».

А в этом отношении у нового приятеля Сергеева, в свою очередь, были кое-какие возможности. По его словам, он работал шофером, часто возил иностранцев и умел не отказываться от «сувениров». Словом, контакт был налажен, и, встречаясь в том же кафе, обе стороны оставались довольными друг другом.

Но однажды новый приятель Сергеева обратился к нему с невероятным требованием: вынести из лаборатории новый, совершенно секретный блок. Иначе начальству станет известно о махинациях с деталями.

— Ты это серьезно? — спросил слегка хмельной Сергеев, все еще надеясь, что его сосед по столику глупо пошутил. — Ведь я их не крал, эти детали... Мне Иван Иванович разрешал отбирать из некондиционных. Даже пропуск на них выписывал.

— Наверное, не для того, — засмеявшись, сказал «приятель», — чтобы обменивать их на барахлишко...

— Постой, постой, — сразу отрезвел Сергеев. — О каком ты блоке? Какой блок? Кто тебе о нем сказал?

— Ты же и сказал! Пить-то не умеешь... Может, послушать хочешь? У меня все записано. — И он вытащил из кармана маленький магнитофон. — Ну, ну, без глупостей: тебе же будет хуже! Выйдем отсюда, поговорим.

Сергеева охватил панический страх. Он согласился на все, но выносить блок из лаборатории категорически отказался. Он говорил, что его обнаружат, что он обязательно чем-то себя выдаст. Заклинал что-нибудь придумать. Тогда «приятель» подробно расспросил его обо всех порядках в институте, о людях и в конце концов милостиво освободил перепуганного парня от необходимости красть блок, заменив это более простым заданием — снять слепок с ключа лаборатории. Сергеев это сделал. Затем в его обязанности входило только дать сигнал: называть день, когда вечером в лаборатории наверняка никого не будет. В тот самый день во время обеденного перерыва Сергеев сходил в кафе, расположенное рядом с институтом, и сообщил обстановку.

Остаток дня парень был сам не свой. Несколько раз он мучительно порывался пойти и все рассказать, но так и не решился. И только в самый последний момент его словно осенило: надо поменять блоки местами, ведь тот, кто придет, будет знать только одно — надо взять левый... А там уж будь что будет. Дома он ночевать побоялся — пошел с вечера на вокзал, просидел там до утра, сел в первую электричку, но на завод так и не поехал. Выходил на каких-то полустанках, снова уезжал, ночевал тоже на станции за городом и вернулся в Москву на другой вокзал. Даже это он предусмотрел, спасаясь от преследования «приятеля». Взял такси и приехал прямо в институт, сам не зная, на что решиться... Увидев, что блоки на тех самых местах, на которых он их позавчера оставил, Сергеев решил, что кража не состоялась и никто ничего не заметил. Тогда он подумал, что, пожалуй, самое лучшее сейчас же незаметно поставить блоки на свои места. И вот...

...Увы, исповедь Сергеева почти не облегчила задачу Соболева. Оставалось множество неясных вопросов.

По своему обыкновению Павел Александрович выписал их столбиком на листе бумаги и внимательно проглядывал — снова и снова.

Что делал Брагин, когда задержался в лаборатории накануне своей смерти? Как попали к нему резервный блок и записка, видимо убившая этого старого, больного человека? Какое отношение он вообще имеет ко всему этому? И самое главное — кто же проник ночью в лабораторию и как ему удалось вынести блок из института, отлично охраняемого? Ведь блок хоть и миниатюрен, а за щеку не поместится...

Перед полковником лежал и обрывок записки, найденной у Брагина: «Отец, ты должен помочь. К тебе...»

Что это может означать? Ведь Алексей Брагин давным-давно умер, погиб... Все предельно смутно, неясно. Тут можно гадать без конца. За что же зацепиться?

Павел Александрович снова посмотрел на список вопросов.

Бесспорно только одно: «приятель» Сергеева к институту никакого отношения не имеет. Кто же ему помог? Кто мог, не привлекая особого внимания, проникнуть в лабораторию ночью? Легче всего это, конечно, сделать кому-либо из охраны.

Соболев потянулся к телефону. Через минуту он уже точно знал, что в ту ночь в главном корпусе института дежурили тридцать два человека. Как определить, который из них? Ведь не осталось никаких следов, ни отпечатков пальцев (должно быть, действовал опытный человек), ни... Но ведь какой-нибудь след всегда остается! Он сам говорил об этом Максиму: «Электроника уже помогла нам установить, что...» Электроника... А ведь это идея!

Едва рассвело, полковник снова примчался в лабораторию к Максиму. Со вчерашнего дня тот заметно осунулся и выглядел неважно: видно, провел тяжелую ночь.

«Сволочи, — подумал Павел Александрович, — как мешают людям! Этому бы сейчас выдумывать какую-нибудь штуковину

для связи с космическими ракетами, а он вынужден возиться со мной...»

— Я вас слушаю, товарищ полковник, — с напряженным ожиданием сказал Максимов.

— Вот что, Иван Иванович. Мне пришла в голову одна идея. Может быть, она покажется вам нелепой, но... мы выяснили, что момент перестановки блоков в локаторе на прием зафиксирован на магнитной ленте...

— Да. А что же вас заинтересовало?

— Я подумал так: ведь это локатор. Значит, он мог что-нибудь зарегистрировать... Вы меня понимаете?

— Вы хотите сказать, что прибор мог зарегистрировать... вора? — Максимов подумал и покачал головой.

— Ведь я знаю, что есть биотоки... электростатический заряд, — не сдался Павел Александрович, — вы и сами говорите: емкостные влияния. Давайте все же проверим. Чем мы рискуем?

Максимов скептически pokrивился, но спорить не стал. Видимо, в глубине души он поверил в этого «детектива» с его странными идеями и поступками.

Они снова стали ворошить воспроизведенные записи ленты, хотя Максимов делал это все же без особого энтузиазма, больше для того, чтобы не обидеть Павла Александровича. Но вдруг он оживился. Поправил очки, быстро вскинул глаза на Соболева и сказал изумленно:

— Однако же вы!..

Оборвав фразу, он пододвинул стул, схватил карандаш и линейку и стал колдовать над записями. Полковник терпеливо ждал. Наконец Максимов сказал:

— Знаете, есть! Что-то есть... Если я все правильно понимаю, здесь действительно зарегистрирован какой-то непонятный источник радиопомех! И он мог появиться только в самой лаборатории — снаружи волны не попадают, так как вся комната защищена экраном — заземленной металлической сеткой. Но откуда? Какая-то чепуха... Час от часу не легче. Ну и работка же у вас!..

Максимов снова проглядел записи и продолжил:

— Знаете, что самое странное? Это источник радиопомех вел себя — как бы сказать? — бестолково, словно помешанный: то сигнал усиливался, то почти пропадал... Могло быть только одно: искра. Что-то искрило. Только искра со своим широким спектром частот могла вызвать такие помехи...

— На передатчик не похоже?

— Абсолютно ничего общего. Как-то не уловишь никакой закономерности, сплошной беспорядок. Разве что... поостойте, тут что-то вроде общего увеличения амплитуды. Приближался он, что ли?

— То есть вместе с человеком? — подхватил Соболев.

Максимов развел руками.

— Что же это все-таки могло быть? У вас нет никаких соображений? Может быть, ручной электрический фонарик с диамкой?..

— Не похоже!..

Итак, след все же остался! Но как им воспользоваться?

Тридцать два охранника — если это только они, — и один из них входил ночью в лабораторию, имея при себе это «нечто».

Пришлось начать с самого прозаического: Павел Александрович засел за изучение документов. Но что общего может быть между скучными строчками автобиографий и данных о прохождении службы и загадочной записью на ленте? Павел Александрович напрягал волю, чтобы работать методично, внимательно.

И вдруг ему показалось, что он нашел то, что искал!

«В 19... году по несчастному случаю с кирпичами на стройке потерял правую руку...»

Полковник еще раз внимательно перечитал эту автобиографию, написанную не очень грамотно, корявым, своеобразным почерком. Для него не было никакого сомнения в том, что человек этот писал не левой, а именно правой рукой!.. Протез! И, конечно, не простой: чтобы обычным протезом научиться так писать, нужно изо дня в день иметь дело с пером. Но сейчас начали делать и другие протезы — биоточные...

...На следующий день по просьбе Павла Александровича локатор в лаборатории Максимова вновь был включен. Аппарат работал с предельным усилением. Дверь в лаборатории была настежь открыта.

А дальше произошло следующее: по вызову начальника охраны вахтер Авдеев, ничего не подозревая, прошел по коридору и дальше в лабораторию мимо включенного прибора. В это время полковник и Иван Иванович внимательно следили за сигналами, записанными на ленте...

— Никаких сомнений! — воскликнул Максимов. — Он!

— Да, — сказал полковник. — Но все еще не тот икс, который мы ищем... Впрочем, и этот икс уже почти в наших руках.

Максимов, не скрывая уважения, спросил:

— Вы уже знаете, кто он?

— Нет еще. Но теперь икс от нас не уйдет. Наберитесь немного терпения, думаю, не пройдет и нескольких дней... Словом, я тогда расскажу вам. Разумеется, то, что можно. Обещаю.

И Павел Александрович сдержал свое слово.

Однажды он снова появился в институте. Вместе с Иваном Ивановичем они прошли в пустую комнату, и полковник приступил к рассказу.

— Так вот, след всегда остается, пусть электронный... Как же все было?

После смерти Брагина мне стало ясно, что человек, которого мы искали, скорее всего имеет специальное задание, связанное с вашим институтом. Письмо к Брагину. От сына, который давно погиб. Эту фальшивку надо было подготовить заранее. Я думал, что она составлена там, за рубежом. Но потом выяснилось, что у икса был только образец почерка — письмо, которое сын писал отцу из плена, но которое попало совсем в другие руки. По этому образцу тренированному мерзавцу было нетрудно написать другое письмо. Начало его вы знаете: «Отец, ты должен помочь. К тебе...» А вот что дальше: «придет человек, умоляя сделать все, что он будет просить. От этого зависит моя жизнь».

Чего же он хотел от Брагина?

Блок он добыл, но, разобрав его, сразу понял, что не тот. Что ему оставалось делать? Все они жаждут как можно быстрее вырваться отсюда, но без блока, с пустыми руками возвращаться он не смел. Утром пропажа будет обнаружена. И тогда все планы сорвутся. И он прибегнул к крайнему средству: шантажировать Брагина. Раньше он этого не делал — понимал, что шансов на успех тут мало. А теперь у него появился особый расчет: если старик не согласится помочь, инсценировать самоубийство, подбросить блок и таким образом толкнуть нас на ложный след. Но до прямого убийства не дошло. Он пришел к Брагину и сказал: «Я разведчик, так же как ваш сын. Вам, старику, больному человеку, все равно жить уже недолго, а вы можете спасти и меня и своего сына. Так уж получилось, что оба мы не по своей воле попали в тяжелые цепи, вырваться из которых можем, только выполнив задание. Если провалюсь я, пропадет и ваш сын...» Словом, подлая ставка на отцовские чувства... Старик должен был поставить резервный блок на место, предварительно собрав его, чтобы никто ничего не заметил, а затем каким-либо образом сообщить об устройстве второго — секретного. В гневе и возмущении старик так разволновался, что больное сердце не выдержало...

— Но как же вы все-таки его обнаружили, поймали? — спросил Иван Иванович.

— Нам помог Авдеев — вахтер. Этого парня враг просто обвел вокруг пальца. Заметьте, к каждому у них свой особый подход. Тут он воспользовался несчастьем... Но как! Молодому человеку хотелось по возможности скрыть свой физический недостаток. Ему — одному из немногих еще — удалось получить биоточный протез. Вещь, пока несовершенная, часто портилась — словом, нуждалась в таком постоянном «дружеском» присмотре. Так у Авдеева и появился «приятель». Он, видите ли, биофизик-инженер. Отчего не помочь человеку, если к тому же это дает возможность попрактиковаться, улучшить новую конструкцию протеза? Говорил, что хочет всех удивить, получить большую премию. Авдееву льстило, что он таким бесполезным для него самого способом тоже помогает науке.

Но вот в один прекрасный день является «приятель» и за-

являет, что есть возможность усовершенствовать протез так, что он будет лучше настоящей руки. Нужен для этого сущий пустяк — новая деталька. Пока, мол, ее еще нет нигде в продаже. А в институте она уже есть — в лаборатории... В вашей, Иван Иванович... Так вот. «Приятель» уверяет, что она ему нужна только на часок — посмотреть, как и что, а уж потом он и сам сделает. Дело, мол, пустячное, но сейчас, дескать, «шпиономания» — прячут все за семью замками, что нужно и не нужно. Словом, вот ключ — Брагин дал. Если Авдеев захочет, пусть принесет блок: Брагин утром поставит его на место. А не хочет — как хочет... Сначала парень засомневался. Но тот говорил так убедительно, так искренне, что в конце концов Авдеев попался.

А для блока он по совету «приятеля» нашел самое надежное место, куда никто не осмелился бы заглянуть: он вынес его внутри своего протеза. Протез с его сложным и не очень-то совершенным биоточным электрохозяйством и был тем самым «сумасшедшим», как вы выразились, источником радиопомех. Впрочем, это вы уже и сами знаете.

Теперь вас, конечно, интересует, как мы взяли «приятеля».

Он сам пришел. Не мог не прийти: без блока ему нельзя было возвращаться туда...

После того как мы пустили слух, что Сергеев в длительной командировке, а во всем виноват умерший Брагин, он немножко успокоился и вскоре, как я и рассчитывал, возобновил свои действия. К кому он мог обратиться? Только к Авдееву.

Когда тот понял, чьим оружием чуть было не стал, он только и мечтал, как бы загладить вину, как бы помочь...

Вот, собственно, и все. «Приятель» снова пришел к Авдееву. Авдеев, конечно, не знал, где его искать — тот всегда разыскивал его сам...

А когда он пришел, мы его ждали.

— Н-да... — только и произнес Максимов.

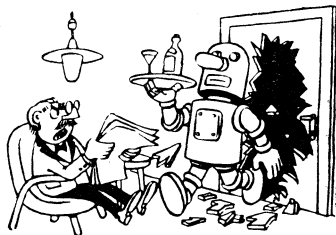
Павел Александрович улыбнулся и сказал:

— А помните, дорогой Иван Иванович, ведь вы совсем недавно считали, что все это «шуточки», а?..

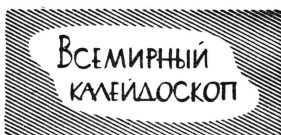

И в шутку и всерьез

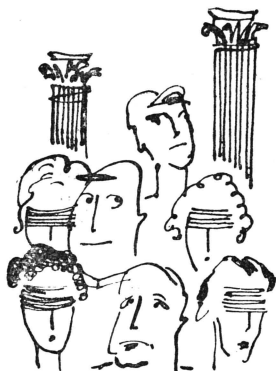
(Из журналов ГДР)

— Сколько раз вам надо повторять: сначала стучите в дверь!

Культура под запретом

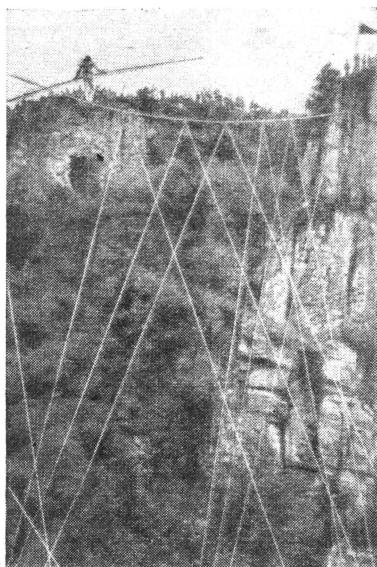

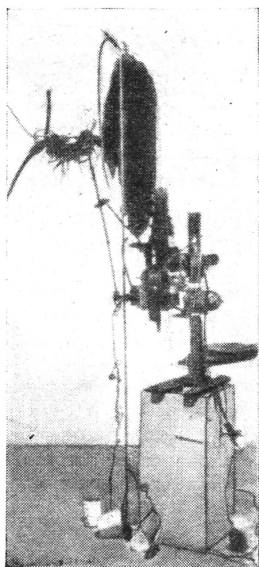
Как известно, до последнего времени исторические фрески Помпеи могли видеть только мужчины. Повинна в этом лишь одна итальянская цензура. По ее мнению, многие фрески слишком фривольны, чтобы ими любовались женщины. Бунт против подобного ханжества поднимался неоднократно. На сей раз голос протеста раздался в итальянском парламенте. Предложен законопроект, по которому женщины тоже получат возможность знакомиться с фресками.

Сенсации ради

Тысячи зрителей собрались около ущелья Чаддар в английском графстве Сомерсетшир. Канатоходец Оманковский решил пройти с завязанными глазами по тросу, натянутому над пропастью глубиной в 133 метра. Самообладание не покинуло смельчака, даже когда он поскользнулся и сел верхом на тросе. Ловко балансируя, канатоходец сначала встал на колени, потом поднялся во весь рост и продолжил свое рискованное путешествие. 300 метров канатоходец преодолел за 21 минуту.

Его смелость, ловкость и бесстрашие изумительны. Но не достойны ли они лучшего применения?

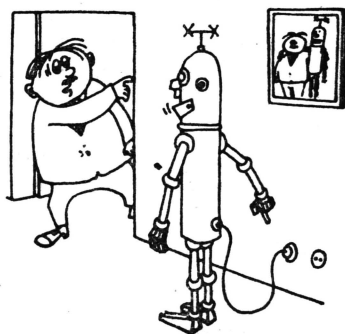

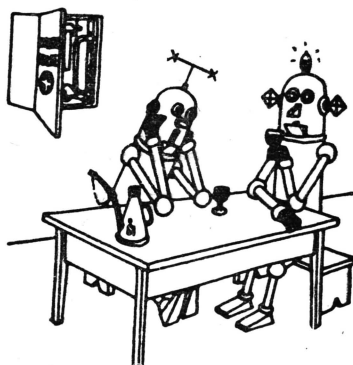
НЕТ, НЕ СМЕШНО!

Смотрите на фотографию и смейтесь. Смейтесь. Ради этого изобрел швейцарский скульптор Тингели «машину, делающую смех». Достаточно включить кнопку — и весь «сложный» механизм машины придет в движение. Задребезжат консервные банки, судорожно начнет дергаться старый парик, укрепленный на штативе, зазвонят колокольчики... Но зритель грустно пожимает плечами...

Эта адская новинка — уже третье творение скульптора. Два предыдущих — самоуничтожающаяся машина и машина, создающая сюрреалистические полотна, — столь же бессмысленны, как и последняя.

— Я сейчас не могу,
я питаюсь.

— Послушай-ка, АВ 23-17, ты единственный, с кем я могу поговорить откровенно.
[На стенной аптечке надпись: «Первая помощь», на масленке: «Масло».]

Невидимая клетка

Клетка из прозрачной пластмассы создавала у зрителей иллюзию, что лев находится на свободе. К сожалению, у льва тоже создавалась такая иллюзия. Он прыгнул, пластмассовая клетка не выдержала, и лев ока-

зался на свободе, от которой давно отвык. Дальше начались недоразумения. Люди испугались льва, лев испугался людей и городского шума. Раздался выстрел. Лев поплатился жизнью за неудачную новинку.

„ТОНУЩАЯ“ СТОЛИЦА

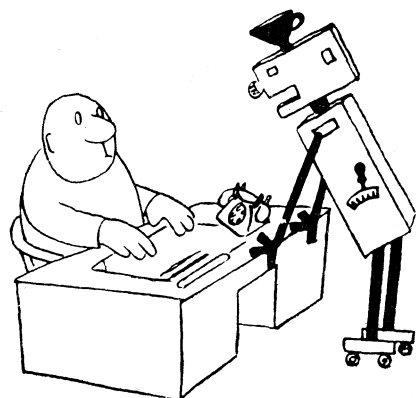
«Территория Лондона опускается. Лондон может стать второй Венецией... или Атлантидой». Это известие сначала возбудило беспокойство англичан, проблема «тонущей» столицы даже обсуждалась на специальном совещании архитекторов.

Но, как выяснилось, столица Англии погружается лишь на 20 сантиметров в столетие, и, значит, в море она окажется только через десятки тысяч лет. Эта цифра вполне успокоила англичан. За такой срок можно будет что-нибудь придумать.

Река-холодильник

Оригинальный способ хранения овощей и фруктов разработали недавно венгерские инженеры. В качестве холодильника используется... река Дунай.

Свежие плоды в специальных мешках из синтетического материала опускаются на дно. Река замерзает. Но даже в самые сильные морозы подо льдом сохраняется температура, идеальная для хранения овощей и фруктов, — плюс четыре градуса. А размеры этого природного холодильника практически неограниченны.

— Я требую с нового
месяца пол-литра масла
прибавки!

БЫВАЛЫЙ ЧЕЛОВЕК

В. ИЛЛЕШ

Рисунки В. ЧИЖИКОВА

Вот уже несколько часов меня не покидает отрадное чувство отдыха. В сапогах сухо. Тепло. Я растянулся на верхней полке. На соседней, подложив под голову репортерскую сумку, дремлет мой друг и постоянный попутчик по командировочному бродяжничеству.

Я, кажется, засыпаю...

Колеса, вздрагивая на стыках, отсчитывают рельсы. Гудит маленький маневровый паровозик — его здесь прозвали «Машей-пенсионеркой». Еще раз и еще... Наверно, машинисту нравится, как эхо в горах усиливает не слишком звонкий голос «Маши». Несется гудок далеко-далеко — туда, где бродят медведи да геологи.

Окопный запах махорки, поднявшийся снизу, наваял было далекие воспоминания, но неожиданно свежий, по-мальчишески восторженный голос вернул меня в вагон:

— Вот это пейзаж! Законный!..

И не успел метроном колес отстучать свое «тик-тик», как хрипловатый голос (махорка — табак тяжелый) возразил:

— Однако, какой там пизаж? Так, известно — тайга. Вот зацепит туча брюхом по гольцу, отшумит дождь — и опять тихо.

Что хорошо, то хорошо... Но пока еще, паря, то не пизаж. Нет!

Странная трактовка этого слова меня заинтересовала. Старческий голос продолжал:

— Вст в пустыне бывает. Очень даже! Поначалу песок один. Много его. Кучами — барханами — лежит. На них колючки и вараны... Вроде как крокодилы малолитражные. Потом, значит, канал прокопают машинами. Они на драги, что золото моют, похожи. Воду горную кипучую пустят, так все и зазеленеет. В небе зарницы. Вроде там сварщики работают... На поле девчата, славные такие, в цветастых рубашках, собирают хлопок. У каждой кос на целую девичью бригаду хватит...

Снизу опять поднялся столб махорочного дыма. Молодой голос спросил:

— Ты это видел?

— Раз говорю, стало быть видел, — ответил старик голосом равнодушным, подобным радио, что на площади в райцентре. — Знаешь, паря, бывает так: с неба земля совсем плоская. Горы желтые, покоробленные, будто бумажные пакеты, в которых цемент на станциях мокнет. Потом, глядь, дверка самолета открывается, и человек прыгает. Ближе к тому самому пизажу, значит. А потом снизу смотришь. Тоже интересно! Самолет повернул. Прыгун руки расставил и на тебя, к земле летит. Ближе. Еще ближе... А колпака своего не открывает. Чего-то ждет. И глядь: совсем на землю упал. А людям внизу хоть бы что!.. Я было с места своего соскочил. Да сзади шуметь начали. Потом инструктор объяснил: все, мол, в порядке. Это кукла была. Новый парашют пробовали. Поначалу вместо человека ее скидывают. Проверяют все. А тогда и ты можешь. Во как!

— И это ты, папаша, видел?

Категорическое «ну» — у сибиряков оно означает «да», «а как же!», «какие могут быть сомнения!» — заставило молодого замолчать.

Поднебесные похождения старика окончательно вывели меня из дремотного состояния. Теперь дым моей трубки да дедовская махорка совсем заволокли отсек вагона. Старик, почувствовав, что аудитория расширяется, продолжал:

— В небе-то чо. Вот под водой, бывало, поглядишь: рыбы спят, а меж них «Северянка» плавает. Сама на акулу похожа. Только жабры светятся... Ты говоришь — пизаж. И в тайге он бывает. Строили эту вот дорогу. Голец здесь где-то был, очень на спящего зверя походил. Так его взорвать решили. День и ночь по дороге машины с красными флажками шли. Взрывчатку везли. Она вроде сухой горчицы, желтая, сыпучая. Как запалили, серо все вокруг стало. Тайги не видно. Гора вроде бы огрызается, а люди от нее прячутся. А как засветлело — глядь, медведь-голец уже подвинулся. Дороге место уступил.

— Ты и здесь был?

— Да что ты заладил: был, не был...

...Проворная «Пенсионерка» снова решила поговорить с горами Шории. На этот раз гудки были особенно протяжными. Мне захотелось спуститься вниз, поглядеть на бывалого человека, пополнить дорожный блокнот. Подмигнул я товарищу,

чтобы «Киев» из сумки вытащил, и, стараясь не гроыхать сапогами, прыгнул вниз. Смотрю: старик как старик. Кожа от загара, а может и от старости, темная, как шишка кедровая, глаза чуть раскосые, с теплой хитринкой: видно, предки его с хакасами породнились.

«Пенсионерка» свое отговорила. И мы услышали слова старика, заставившие меня подумать: не был ли Мюнхгаузен родом из Минусинска или Абазы? Старик явно увлекся:

— ...Смотрю, подходит Миклухо-Маклай к этому голому волосатому и руку ему дает. А тот улыбается: хорошо, мол, человек Миклуха...

Знаю с детства: дерзить старикам нельзя. Но тут не выдержал:

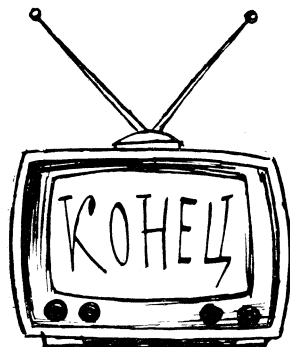
— Как же тебе, батя, не совестно! Где это ты Миклухо-Маклая видел?

Старик посмотрел на меня удивленно, словно я не с верхней полки, а из чужого самолета свалился.

— Это я-то брешу?..

И, почав новую закрутку, добавил:

— Чудак человек! Чо кудахчешь, как неродный? Кто ж ноне не видит пизажей всяких? А особливо я: спроси кого хочешь, все знают: внук мой — колхозный кинщик. Через картины эти, может, я и на Луне бываю...

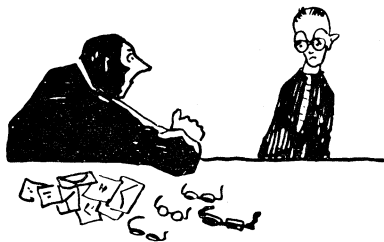
С. ЛИКОК

Мы перерыли массу детективной литературы прошлого. И среди груды пухлых романов и повестей выбрали... короткую пародию английского писателя Стифена Ликока на этот жанр. Она показалась нам наиболее интересной.

В 1926—1928 годах на русском языке вышло несколько сборников Ликока.

Перевод публикуемой пародии сделан заново А. Юровским и Э. Медниковой.

ПОВЕСТЬ О ВЕЛИКОМ СЫЩИКЕ

Рисунки Р. САЧЛЯНА

Великий Сыщик сидел в своем кабинете.

На нем был длинный зеленый плащ, к которому было приколото с полдюжины всевозможных секретных жетонов.

На специальной вешалке возле него висели три или четыре фальшивые бороды.

Наподалеку лежали очки: дымчатые, автомобильные и еще всякие другие.

Великий Сыщик мог в течение одной минуты переодеться и совершенно преобразиться.

Лицо Великого Сыщика было совершенно непроницаемо.

Груда шифрованных писем валялась у него на столе, и Великий Сыщик быстро вскрывал их одно за другим, разгадывал их таинственный смысл и тотчас же бросал в стоявшую рядом специальную корзину.

В дверь постучали...

Великий Сыщик быстро набросил на лицо домино розового цвета, приладил черную бороду с усами и крикнул:

— Войдите!

В комнату вошел его секретарь.

— А, это вы! — произнес Сыщик.

И снял с себя маскарад.

— Сэр, — начал взволнованным голосом молодой человек, — произошло весьма таинственное событие.

— Да?! — глаза Великого Сыщика засверкали. —

И, конечно, детективы всего континента сбиты им с толку?

— Да, они сбиты с толку этим событием, — ответил

секретарь. — И до такой степени, что с ног валяются от неудач и огорчения. Некоторые даже покончили самоубийством.

— Так, так... — сказал Сыщик. — И это таинственное событие считается небывалым в летописях лондонского сыска?

— Совершенно верно, сэр!

— И надо полагать, — продолжал Сыщик, — что в этом деле замешаны такие имена, которые вы едва осмеливаетесь произнести... во всяком случае, не прополоскав предварительно горло борной?

— Совершенно верно, сэр.

— И, разумеется, это дело может повлечь за собой чрезвычайные дипломатические осложнения, ибо если нам не удастся разрешить его, то Англия через шестнадцать минут окажется вовлеченной в войну со всем миром.

Все еще дрожа от волнения, секретарь подтвердил его слова.

— И, наконец, — продолжал Великий Сыщик, — надо думать, что это случилось среди бела дня и, конечно, под самым носом у полиции.

— Таковы в точности, сэр, все обстоятельства, которыми сопровождалось это таинственное событие.

— Хорошо! — сказал Великий Сыщик. — Теперь наденьте вот это, нацепите рыжую бороду и расскажите толком, в чем дело.

Секретарь облекся в голубой плащ с кружевной оторочкой, наклонился к уху Великого Сыщика и прошептал:

— Похищен Принц Вюртембергский, сэр!

Великий Сыщик подскочил на стуле, словно ему дали здорового пинка.

Принц украден! Очевидно, Бурбон. Похищен отпрыск одного из древнейших аристократических домов Европы. Поистине событие, достойное его проницательного ума!

Мозг Великого Сыщика заработал с быстротой молнии.

— Послушайте! — крикнул он. — Откуда вы все это знаете?

Секретарь подал ему телеграмму. Она была адресована Великому Сыщику префектом парижской полиции и гласила:

«Принц Вюртембергский украден. Возможно, переправлен Лондон. Необходимо иметь его здесь ко дню открытия выставки. Нашедшему — тысяча фунтов».

Ну, конечно! Принц похищен из Парижа в такое время, когда его появление на всемирной выставке равносильно политическому событию первого ранга!

Для Великого Сыщика думать и действовать или действовать и думать было одно и то же. Нередко случалось даже, что он делал одновременно и то и другое.

— Дайте телеграмму в Париж. Потребуйте все приметы Принца.

Секретарь поклонился и вышел.

В то же мгновение в дверях послышалось легкое царапанье.

Появился новый посетитель. Он вполз на четвереньках, крадучись. Грязная циновка была накинута на его плечи и голову и скрывала лицо.

Он дополз до середины комнаты.

Затем встал.

— Боже милосердный!

Это был премьер-министр Англии.

— Вы! — воскликнул Великий Сыщик.

— Я! — отозвался премьер.

— И ваше появление связано с похищением Принца Вюртембергского?

Премьер Англии вздрогнул.

— Откуда вы знаете? — спросил он.

Великий Сыщик загадочно улыбнулся.

— Да, — подтвердил премьер Англии. — Я не стану от вас скрывать. Я заинтересован в этом деле, весьма заинтересован. Найдите Принца Вюртембергского, доставьте его целым и невредимым в Париж, и я от себя прибавлю пятьсот фунтов к обещанному вознаграждению. Но слушайте, — внушительным тоном добавил он перед уходом, — позаботьтесь, чтобы не сделали попытки уничтожить отметины Принца или отрубить ему хвост.

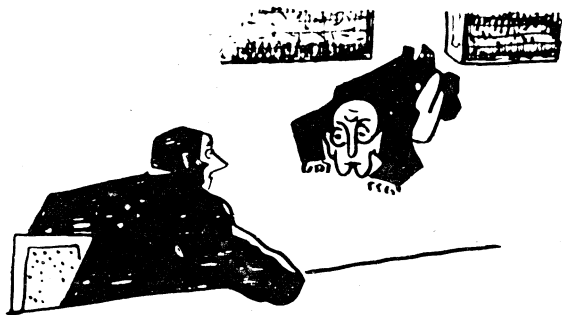
Ага! Отрубить Принцу хвост! Мозг Великого Сыщика снова заработал с бешеной скоростью.

Очевидно, шайка злоумышленников составила заговор с целью... Нег, нет! Не может быть!

Снова в дверь тихо постучали.

В кабинете появился второй посетитель.

На животе, извиваясь всем телом, он пробрался к столу.

На нем был длиннейший пурпурный плащ. Он встал и посмотрел на Сыщика.

— Боже милосердый!..

Это был архиепископ Кентерберийский.

— Ваше святейшество! — воскликнул Великий Сыщик, изумленный до крайности. — Умоляю вас, не стойте! Садитесь! Лягте! Делайте что хотите, только не стойте.

Архиепископ снял с головы митру и с усталым видом положил ее на плетеный столик.

— Вы явились сюда по поводу Принца Вюртембергского?

Архиепископ вздрогнул и перекрестился подумав: «Неужели этот человек маг?»

— Да, — ответил он. — Очень многое зависит от того, будет ли он найден. Но я явился сюда только сказать вам, что моя сестра желает вас видеть. Она должна прийти сюда. Она позволила себе некоторую неосторожность, и теперь все ее состояние зависит от Принца. Доставьте его обратно в Париж. Я очень опасаясь, что в противном случае она будет разорена.

Архиепископ снова надел митру, осенил себя крестом, завернулся в плащ и, крадучись, выполз на четвереньках, мурлыча, как кот.

Лицо Великого Сыщика выражало глубочайшее сочувствие. Можно даже сказать, что сочувствие глубокими бороздами испещрило его лицо.

— Ага! — пробормотал он. — Сестра архиепископа Кентерберийского, графиня Дашлей!

Хотя Великий Сыщик привык к сложной жизни аристократии, он тем не менее чувствовал, что в этом деле кроется интрига более запутанная, чем все, которые до тех пор встречались в его практике.

В дверь снова постучались.

В кабинет вошла графиня Дашлей. Она была закутана в меха.

Графиня была самая красивая женщина во всей Англии. Она вошла в комнату величественной походкой, величественным движением схватила стул и уселась на него своей самой величественной частью тела.

Затем она сняла с себя бриллиантовую тиару, повесила ее на специальную вешалку для тиар, растянула жемчужное кольцо и повесила на специальную вешалку для жемчуга.

— Вы пришли поговорить со мною о Принце Вюртембергском? — спросил Великий Сыщик.

— Гадкий щенок! — воскликнула графиня Дашлей с гримасой отвращения.

Ага! Дело осложнялось еще больше. Графиня не только не влюблена в Принца, но еще ругает молодого Бурбона щенком!

— Я полагаю, что вы заинтересованы в его судьбе?

— Заинтересована? Я? — воскликнула графиня. — Еще бы! Ведь я его сама выкормила!

— Вы... что сделали?.. — изумился Великий Сыщик, и обычно бесстрастное лицо его покрылось густым румянцем.

— Я сама выкормила его, — повторила графиня, — и должна получить за это десять тысяч фунтов... Что же удивительного в том, что я хочу вернуть его в Париж? Но запомните следующее, — добавила она, — если они поймают Принца и отрубят ему хвост или испортят отметины на животе, то гораздо лучше уничтожить его совсем.

Великий Сыщик зашатался, повернулся вокруг самого себя и прислонился к стене.

Уф!.. Под влиянием

хладнокровного признания этой прекрасной женщины у него сперло дыхание в груди. Мать молодого принца Бурбонского, находящаяся в родстве с одной из славнейших фамилий в Европе, ухлопывает такие деньги на какой-то роялистский заговор! И в то же время она, по-видимому, осведомлена о тайнах европейской политики, ибо знает, что, лишив-

шись своих наследственных родимых пятен, Принц тем самым навсегда потеряет все симпатии французского народа.

Графиня надела свою тиару. И ушла.

Снова вошел секретарь.

— Я получил из Парижа три телеграммы, — заявил он, — и все три сногшибательные!

Он подал Великому Сыщику первую телеграмму. Она вешала:

«У Принца Вюртембергского длинный влажный нос, широкие уши, продолговатое туловище и короткие задние лапы».

Великий Сыщик в недоумении посмотрел на секретаря. Затем он прочел вторую телеграмму, которая гласила:

«Принца Вюртембергского легко узнать по его глухому лаю».

И, наконец, третья телеграмма сообщала:

«Принца Вюртембергского можно узнать по белым волосам на спине».

Великий Сыщик и секретарь переглянулись. Таинственное событие могло свести с ума глубиной своей тайны!

Наконец Великий Сыщик прервал молчание:

— Подайте мне мое домино! Надо хорошо разобраться во всем этом.

Его быстрый ум сразу произвел тщательный анализ и подвел итог всем данным, которыми он располагал.

— Очевидно, это совсем еще молодой человек, — пробормотал он. — Надо полагать, очень молодой, если о нем отзываются как о щенке. Длинный и влажный нос? Гм! Наверное, этим хотят сказать, что парень не дурак выпить... Белые волосы на спине... Гм!.. Должно быть, намека на первые признаки разгульной жизни. Ну, конечно! С этими приметам я без труда найду его.

Великий Сыщик встал, закутался в длинный черный плащ, налепил на себя белую бороду и нацепил на нос синие очки.

Совершенно преобразившись таким образом, он вышел из дому.

И начал свои поиски.

В продолжение четырех дней он обнюхивал каждый угол Лондона.

Он входил в каждый кабак. И в каждом кабаке выпивал стакан рому. В некоторых заведениях он показывался в костюме моряка, в других — в форме солдата, в третьих — духовным лицом. Его маскировка была безукоризненна, ибо, пока он платил за выпитый ром, никто не обращал на него внимания.

Поиски оказались, однако, безрезультатными.

Двое молодых людей были арестованы, но вскоре отпущены: каждый из них доказал, что он не Принц Вюртембергский.

В каждом случае приметы не совсем сходились.

У одного действительно был длинный и влажный нос, но не было белых волосков на спине.

У другого были волосы на спине, но он не умел лаять.

Ни тот, ни другой не был молодым Бурбоном.

Тем не менее Великий Сыщик упорно продолжал поиски.

Он не останавливался ни перед какими препятствиями.

Однажды, когда мрак окутал землю, он тайком посетил дом премьер-министра Англии. Тщательно обыскал все сверху донизу. Снял мерку с дверей и окон. Поднимал доски в полу. Внимательно осмотрел водопроводные трубы. Подробно изучил ледник. И ничего не нашел!

Точно так же он проник тайком во дворец архиепископа Кентерберийского. Обыскал и его. Переодевшись мальчиком-певчим, он принимал участие в богослужении, которое управлял архиепископ. И ничего не нашел!

Все еще не унывая, Великий Сыщик пробрался в дом графини Дашлей. Переодевшись горничной, он поступил к ней в услужение.

Наконец он напал на след, который дал ему возможность раскрыть тайну.

В будуаре графини, на стене, висела огромная картина в роскошной раме.

Это был портрет.

И под портретом значилось: «Принц Вюртембергский». На портрете была изображена гончая собака.

Продолговатое туловище, широкие уши, необрубленный хвост, короткие задние лапы — все было налицо, все, что требовалось...

И в мгновение ока мозг Великого Сыщика, работавший с молниеносной быстротой, проник в тайну и разрешил ее:

Принц Вюртембергский — пес.

Накинув поверх костюма горничной плащ, Великий Сыщик выбежал на улицу, окликнул проезжавший мимо кеб и через несколько минут был у себя дома.

— Нашел! — крикнул он, задыхаясь, секретарю. — Тайна раскрыта! Я по кусочкам связал все нити. Чисто дедуктивным методом мне удалось разобраться в этом деле. Вы только послушайте: задние лапы, белые волосы на спине, влажный нос... А, что вы скажете?.. Неужели это ничего не говорит вам?

— Ни-че-го! — отозвался секретарь. — Это дело представляется мне совершенно безнадежным.

Великий Сыщик уже успел преодолеть свое волнение и снисходительно улыбнулся.

— Мой милый друг, все это чрезвычайно просто. Принц Вюртембергский не что иное, как пес, премированная гончая. Графиня Дашлей воспитала эту собаку, которая стоит добрых двадцать пять тысяч фунтов, и сюда нужно прибавить еще приз в десять тысяч фунтов, который ждет ее в Париже на собачьей выставке. Можно ли после этого удивляться тому, что...

Но на этом месте речь Великого Сыщика была прервана пронзительным женским воплем:

— Боже милосердный!..

Графиня Дашлей как вихрь ворвалась в кабинет; на лице ее было дикое выражение.

Ее тиара была в беспорядке.

Жемчуг сыпался с нее на каждом шагу.

Графиня стонала и ломала руки.

— Они отрубили ему хвост!.. — крикнула она, задыхаясь. — Они выщипали все белые волосы у него на спине!.. Что мне теперь делать?! Я погибла!..

— Мадам, — ответил Великий Сыщик, невозмутимый, как бронзовое изваяние. — Мадам, придите в себя. Я могу еще спасти вас.

— Вы?..

— Я!

— Как?

— А вот как! Принц должен был быть выставлен в Париже, не так ли?

Графиня утвердительно кивнула головой.

— И вы ухлопали на него все ваше состояние?

Графиня снова кивнула головой.

— Собака была украдена и увезена в Лондон, и здесь ей отрубили хвост и уничтожили драгоценные отметины?

Изумленная беспримерной пронцательностью Великого Сыщика, графиня все кивала и кивала головой.

— И вы разорены?

— Да, разорена!.. — простонала она и рухнула на пол грудю жемчуга.

— Мадам, не все еще потеряно, — сказал Великий Сыщик.

Он выпрямился во весь рост. По лицу его было видно, что он принял твердое решение.

На карту была поставлена честь Англии вместе с состоянием самой красивой женщины в Соединенном королевстве.

— Я спасу и то и другое! — пробормотал он. — Встаньте, моя дорогая леди, — продолжал он. — Все будет хорошо... Я буду изображать собаку...

И вечером того же дня Великий Сыщик ехал на пароходе через Кане. Он был закутан в длинный черный плащ и стоял, конечно, на четвереньках. А секретарь держал его на короткой привязи.

Великий Сыщик восторженно лаял на волны и то и дело лизал руку секретаря.

— Какая прекрасная собака! — говорили пассажиры.

И это была правда, ибо Великий Сыщик совершил изумительный маскарад.

Он вымазался с ног до головы клеем, поверх которого была наложена собачья шерсть. Отметины на спине были сделаны безукоризненно. Хвост, который соединялся с пружиной, действовавшей автоматически, вилял вверх и вниз, отвечая каждой мысли Великого Сыщика. А бездонные глаза говорили о редком уме.

На следующий день он прибыл на Всемирную собачью выставку и был выставлен в отделе гончих.

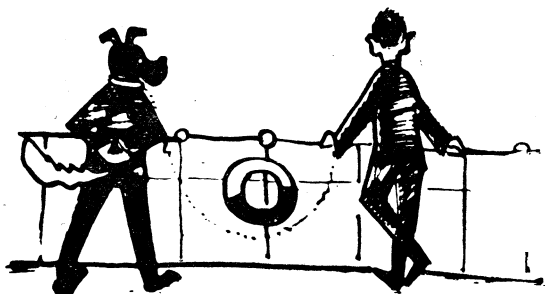
Великий Сыщик завоевал всеобщую любовь!

Великий Сыщик получил первый приз!

Состояние графини было спасено.

Но Великий Сыщик совсем упустил из виду одну вещь: он забыл уплатить собачий налог, был изловлен, как не имевший знака, и уничтожен...

Это печальное событие не имеет, конечно, никакого отношения к настоящей повести, и мы упомянули о нем лишь в интересах истины.

СОДЕРЖАНИЕ

БОРИС ХУДЕНКО. Здравствуй, сапиенс!	2
Чудеса XX века	48
И. АДАБАШЕВ. Невидимка в упряжке	52
РАДУ НОР. Океан в огне	57
К. КОРНБЛАТ. Карточный домик	68
В гостях у Юрия Гагарина	76
В. В. ПАРИН. На звездной дороге — человек	79
Снимки рассказывают	88
ФРАНСИС КАРСАК. Робинзоны космоса	90
Лицом к лицу с опасностью	114
Р. ПОТАПОВ. Поединок	115
«Искатель» принимает гостей	122
Б. СИЛКИН. Пингины-путешественники	130
В. КОМАРОВ, В. ШРЕЙБЕРГ. Блуждающая частота	132
И в шутку и всерьез	145
Всемирный калейдоскоп	146
В. ИЛЛЕШ. Бывалый человек	149
С. ЛИКОК. Повесть о Великом Сыщике	152

Н О В О Е О МИХАИЛЕ ВОЙНИЧЕ

...Каменная громада Варшавской цитадели. Тяжелый и скорбный путь в далекую Сибирь. Трудная жизнь в «забытом богом и людьми» прибайкальском селе. Потом — побег и скитания, скитания — без паспорта, без денег. Каждую минуту беглеца может схватить полиция — фотография «политического ссыльного Михаила Войнича» есть в любой жандармерии. Наконец долгое и бурное плавание к берегам Англии.

До последнего времени о революционере-Михаиле Войниче, муже писательницы Лилиан Войнич, не было почти ничего известно. И вот недавно исследователи обнаружили новые документы. И сразу стало понятно, почему образ Овода так напоминает русских революционеров-народовольцев... В пятом номере эти документы будут опубликованы.

Редакционная коллегия: Б. А. БАЛАШОВ, И. А. ЕФРЕМОВ, А. П. КАЗАНЦЕВ, В. С. САПАРИН, Н. В. ТОМАН, В. М. ЧИЧКОВ.

Художник-оформитель А. ГУСЕВ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ».

Рукописи не возвращаются. Технический редактор И. Егорова.

Адрес редакции: Москва, А-55, Суцеская, 21.

Тел. Д 1-15-00, доб. 3-38.

А06654 Подп. к печ. 28/VI 1961 г. Бумага 84×108¹/₃₂. Печ. л. 5(8,2). Уч.-изд. л. 5,5. Тираж 100 000 экз. Цена 20 коп. Заказ 852.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия». Москва, А-55, Суцеская, 21.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ —
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РАССКАЗ Г. ТИХОВОЙ
„ЗОЛОТАЯ ЛИХОРАДКА“

Цена 20 коп.